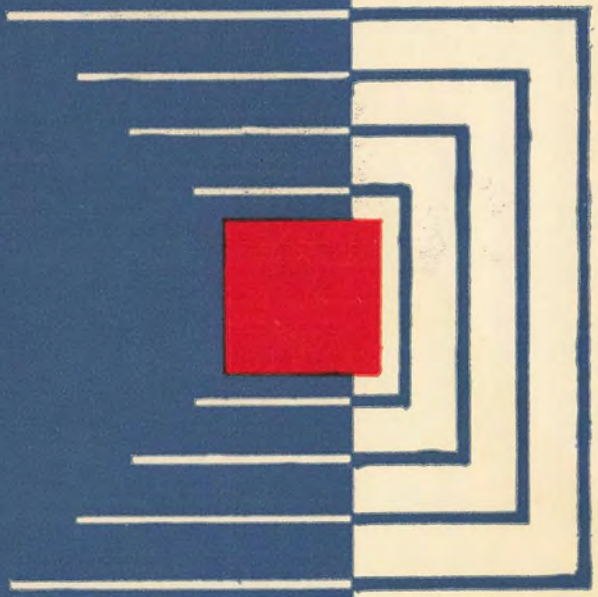
Н. Коржавин · ВРЕМЕНА

Н.КОРЖАВИН

ВРЕМЕНА

Н. КОРЖАВИН

ВРЕМЕНА

Избранное

ПОСЕВ

Обложка работы художника Александра Эрдели

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1976
Frankfurt/Main
Printed in Germany

I

ПРЕДПУТЬЕ

*

Еще в мальчишеские годы,
Когда окошки бьют, крича,
Мы шли в крестовые походы
На Лебедева-Кумача.
И, к цели спрятанной руля,
Вдруг открывали, мальчуганы,
Что школьные учителя —
Литературные профаны.
И, поблуждав в круженьи тем,
Прослушав разных мнений много,
Переставали верить всем...
И выходили
на дорогу.

1945

ДЕТСТВО КОНЧИЛОСЬ

Так в памяти будет: и Днепр, и Труханов,
И малиноватый весенний закат...
Как бегали вместе, махали руками,
Как сердце моё обходила тоска.
Зачем? Мы ведь вместе. Втроём. За игрою.
Но вот вечереет. Пора уходить.
И стало вдруг ясно: нас было не трое,
А вас было двое. И я был один.

1941

ПОЕЗДКА В АШУ

Ночь. Но луна не укрылась за тучами.
Поезд несется, безжалостно скор...
Я на ступеньках под звуки гремучие
Быстро лечу меж отвесами гор.
Что мне с того, что купе не со стенками:
Много удобств погубила война,
Мест не найти — обойдемся ступеньками.
Будет, что вспомнить во все времена.
Ветер! Струями бодрящего холода
Вялость мою прогоняешь ты прочь.
Что ж! Печатлейся, голодная молодость.
Ветер и горы, ступенька и ночь!

1942

*

От судьбы никуда не уйти,
Ты доставлен по списку как прочий.
И теперь ты укладчик пути,
Матерящийся чернорабочий.
А вокруг только посвист зимы,
Только поле, где воет волчица,
Что бы в жизни ни значили мы,
А для треста мы все единицы.
Видно, вовсе ты был не герой,
А душа у тебя небольшая,
Раз ты злишься, что время тобой,
Что костяшкой на счетах — играет.

1943

Гуляли, целовались, жили-были...
А между тем, гнусавя и рыча,
Шли в ночь закрытые автомобили
И дворников будили по ночам.
Давил на кнопку, не стесняясь, палец,
И вдруг по нервам прыгала волна...
Звонок урчал... И дети просыпались,
И вскрикивали женщины со сна.
А город спал. И наплевать влюбленным
На яркий свет автомобильных фар,
Пока цветут акации и клены,
Роняя аромат на тротуар.
Я о себе рассказывать не стану —
У всех поэтов ведь судьба одна...
Меня везде считали хулиганом,
Хоть я за жизнь не выбил ни окна...
А южный ветер навевает смелость.
Я шел, бродил и не писал дневник,
А в голове крутилось и вертелось
От множества революционных книг.
И я готов был встать за это грудью,
И я поверить не умел никак,
Когда насквозь неискренние люди
Нам говорили речи о врагах...
Романтика, растоптанная ими,
Знамена запыленные — кругом...
И я бродил в акациях, как в дыме.
И мне тогда хотелось быть врагом.

30/XII 1944

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Мне каждое слово
Будет уликою
Минимум
На десять лет.
Иду по Москве,
Переполненной шпиками,
Как настоящий поэт.
Не надо слежек!
К чему шатания!
А папки бумаг?
Дефицитные!
Жаль!
Я сам
Всем своим существованием —
Компрометирующий материал!

1944

ЗАВИСТЬ

Можем строчки нанизывать
Посложнее, попроще,
Но никто нас не вызовет
На Сенатскую площадь.

И какие бы взгляды вы
Ни старались выплескивать,
Генерал Милорадович
Не узнает Каховского.

Пусть по мелочи биты вы
Чаще самого частого,
Но не будут выпытывать
Имена соучастников.

Мы не будем увенчаны...
И в кибитках,
снегами,
Настоящие женщины
Не поедут за нами.

1944

*

Из поэмы «Зоя»

Мы родились в большой стране, в России.
Как механизм, губами шевеля,
Нам толковали мысли неплохие
Не верившие в них учителя.
Мальчишки очень чуют запах фальши.
И многим становилось всё равно.
Возились с фото и кружились в вальсах,
Не думали и жили стороной.

Такая переменная погода!
А в их сердцах почти что с детских лет
Повальный страх тридцать седьмого года
Оставил свой неизгладимый след.

Но те, кто был умнее и красивей,
Искал путей и мучился вдвойне...
Мы родились в большой стране, в России,
В запутанной, но правильной стране.
И знали, разобраться не умея
И путаясь во множестве вещей,
Что все пути вперед лишь только с нею,
А без нее их нету вообще.

1945

16 ОКТЯБРЯ

Календари не отмечали
Шестнадцатое октября,
Но москвичам в тот день — едва ли
Им было до календаря.

Всё переоценилось строго,
Закон звериный был, как нож.
Искали хлеба на дорогу,
А книги ставились ни в грош.

Хотелось жить, хотелось плакать,
Хотелось выиграть войну.
И забывали Пастернака,
Как забывают тишину.

Стараясь выбраться из тины,
Шли в полированной красе
Осатаневшие машины
По всем незападным шоссе.

Казалось, что лавина злая
Сметет Москву и мир затем.
И заграница, замирая,
Молилась на Московский Кремль.

Там,
но открытый всем, однако,
Встал воплотивший трезвый век
Суровый жёсткий человек,
Не понимавший Пастернака.

1945

УСТАЛОСТЬ

Жить и как все, и как не все,
Мне надоело нынче очень.
Есть только мокрое шоссе,
Ведущее куда-то в осень.
Не жизнь, не бой, не страсть, не дрожь,
А воздух, полный бескорыстья,
Где встречный ветер, мелкий дождь
И влажные от капель листья.

1946

*

Нет! Так я просто не уйду во мглу,
И мне себя не надо утешать.
Любимая потянется к теплу,
Друзья устанут в лад со мной дышать.
Им надоест мой бой, как ряд картин,
Который бесконечен всё равно.
И я останусь будто бы один —
Как сердце в теле.
Тоже ведь — одно!

1947

*

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал.
П. Коган

Меня, как видно, Бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным.
Я с детства полюбил овал,
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы
И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал.
Но все углы и все печали
И всех противоречий вал
Я тем больнее ощущаю,
Что с детства полюбил овал.

1944

*

Если можешь неуёмно
На разболтанных путях
Жить всё время на огромных,
Сумасшедших скоростях.
Чтоб ветра́ шальной России
Били, яростно трубя,
Чтобы все вокруг косились
На меня и на тебя,
Чтобы дни темнее ночи
И крушенья впереди...
Если можешь, если хочешь,
Не боишься — подходи!

1945

*

Знаешь, тут не звезды.
И не просто чувство.
Только сжатый воздух
Двигает в искусстве.

Сжатый до обиды,
Вперекор желанью...
Ты же вся — как выдох
Или восклицанье.

И в мечтах абстрактных
Страстно, вдохновенно
Мнишь себя — в антракте
После сильной сцены.

1945

*

Мы мирились порой и с большими обидами,
И прощали друг другу, взаимно забыв.
Отчужденье приходит всегда неожиданно
И тогда пустяки вырастают в разрыв.
Как обычно
поссорились мы этим
вечером.
Я ушел...
Но внезапно
средь затхлости
лестниц
Догадался, что собственно делать нам нечего
И что сделано всё, что положено вместе.
Лишь с привычкой к теплу
расставаться не хочется...
Пусть. Но время пройдет,
и ты станешь решительней.
И тогда —
как свободу приняв одиночество,
Вдруг почувствуешь город,
где тысячи жителей.

1945

*

Предельно краток язык земной,
Он будет всегда таким.
С другим — это значит: то, что со мной,
Но — с другим.

А я победил уже эту боль,
Ушел и махнул рукой:
С другой... Это значит: то, что с тобой,
Но — с другой.

1945

*

Встреча — случай. Мы смотрели.
День морозный улыбался,
И от солнца акварельным
Угол Кудринки казался.
Снег не падал. Солнце плыло...
Я шутил, а ты смеялась...

Будто все, что в прошлом было,
Только-только начиналось...

1945

*

Вспомнишь ты когда-нибудь с улыбкой,
Как перед тобой,
щемящ и тих
Открывался мир, —
что по ошибке
Не лежал еще у ног твоих.

А какой-то
очень некрасивый —
Жаль пропал —
талантливый поэт
Нежно называл тебя Россией
И искал в глазах
нездешний свет...
Он был прав,
болтавший ночью синей,
Что его судьба
предрешена...
Ты была большою,
как Россия,
И творила то же,
что она.
Взбудоражив широтой
до края
И уже не в силах потушить
Ты сказала мне:
— Живи, как знаешь!
Буду рада,
если будешь жить!

Вы вдвоем
одно творите
дело.
И моя судьба,
покуда жив,
Отдавать вам
душу всю и тело,
Ничего взамен не получив.
А потом,
совсем легко и просто
По моей спине
с простой душой
Вдаль уйдет
спокойно,
как по мо́сту,
Кто-то
безошибочно большой.
Расскажи ему,
как мы грустили,
Как я путал
разные пути...
Бог с тобой
и с той,
с другой Россией...
Никуда
от вас мне не уйти.

1946

*

Есть у тех, кому нету места,
Обаянье — тоска-змея.
Целоваться с чужой невестой,
Понимать, что она — твоя.
Понимать, что некуда деться.
Понимать, куда заведет.
И предвидеть плохой исход.
И безудержно падать в детство.

1946

*

Не надо, мой милый, не сетуй,
На то, что так быстро ушла.
Нежданная женщина эта
Дала тебе всё, что смогла.
Ты долго тоскуешь на свете,
А всё же еще не постиг,
Что молнии долго не светят,
Лишь вспыхивают на миг.

1946

*

Я пока еще не знаю,
Что есть общего у нас.
Но всё чаще вспоминаю
Свет твоих зеленых глаз.
Он зеленый и победный —
Словно пламя в глубине.
Верно, скифы не бесследно
Проходили по стране.

1947

*

От дурачеств, от ума ли,
Жили мы с тобой, смеясь,
И любовью не назвали
Кратковременную связь.
Приписав блаженство это
В трудный год после войны
Морю солнечного света
И влиянию весны...
Что ж! Любовь смутна, как осень,
Высока, как небеса...
Ну, а мне б хотелось очень
Жить так просто и писать.
Но не с тем, чтоб сдвинуть горы,
Не вгрызаясь глубоко, —
А как Пушкин про Ижоры —
Безмятежно и легко.

1947

НА РЕЧНОЙ ПРОГУЛКЕ

Так пахнет настоящая вода.
Дыши свободно, будь во всём доволен.
Но я влюблен в большие города,
Где много шума и где мало воли.

И только очень редко, иногда,
Вдруг видишь, вырываясь на мгновенье,
Что не имеешь даже представленья,
Как пахнет настоящая вода.

1946

*

Весна, но вдруг исчезла грязь.
И снова снегу тьма.
И снова будто началась
Тяжелая зима.

Она пришла, не прекратив
Весенний ток хмельной.
И спутанностью перспектив
Нависла надо мной.

1946

*

Мир еврейских местечек...
Ничего не осталось от них,
Будто Веспасиан
здесь прошелся
в пожарах и в гуле.
Сальных шуток своих
не отпустит беспутный резник,
И, хлеща по коням,
не споет на шоссе балагула.
Я к такому привык —
удивить невозможно меня.
Но мой старый отец,
все равно ему выспросить надо,
Как людей умирать
уводили из белого дня,
И как плакали дети
и тщетно просили пощады.
Мой ослепший отец,
этот мир ему знаем и мил.
И дрожащей рукой,
потому что глаза слеповаты,
Ощутит он дома,
синагоги
и камни могил, —
Мир знакомых картин,
из которого вышел когда-то.
Мир знакомых картин —
уж ничто не вернет ему их.

И пусть немцам дадут
по десятку за каждую пулю,
Сальных шуток своих
всё равно не отпустит резник,
И, хлеща по коням,
уж не спеть на шоссе
балагуле.

1945

РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Вьюга воет тончайшей свирелью,
И давно уложили детей...
Только Пушкин читает ноэли
Вольнодумцам неясных мастей.
Бьют в ладоши и «браво». А вскоре
Ветер севера трупы качал.
С этих дней и пошло твое горе,
Твоя радость, тоска и печаль.
И пошло — сквозь снега и заносы,
По годам летних засух и гроз...
Сколько было великих вопросов,
Принимавшихся всеми всерьез?
Ты в кровавых исканьях металась,
Цель забыв, затеряв вдалеке,
Но всегда о хорошем мечтала
Хоть за стойкою
вдрызг
в кабаке —
Трижды ругана, трижды воспета.
Вечно в страсти, всегда на краю...
За твою необузданность эту
Я, быть может, тебя и люблю.
Я могу вдруг упасть, опуститься,
И возвыситься,
дух затая,
Потому что во мне будет биться
Беспокойная
жилка твоя.

1944

КРОПОТКИН

Все было днем... Беседы... Сходки...
Но вот армяк мужицкий снят,
И вот он снова — князь Кропоткин,
Как все вокруг — аристократ.
И вновь сам чёрт ему не страшен:
Он за бокалом пьет бокал.
Как будто снова камерпажем
Попал на юношеский бал.
И словно нет беды в России,
А в жизни смысл один — гулять.
Как будто впрямь друзья другие
Не ждут к себе его опять...
И здесь друзья! Но только не с кем
Поговорить сейчас про то,
Что трижды встретился на Невском
Субъект в гороховом пальто.
И все подряд! Вчера под вечер,
Сегодня днем и поутру...
Приметы — тьфу!
        Но эти встречи
Бывают только не к добру.
Пускай!
        Веселью не противясь,
Средь однокашников своих
Пирует князь,
        богач,
                счастливец,
Потомок Рюрика,
        жених.

1945 — 1964

СМЕРТЬ ПУШКИНА

Сначала не в одной груди
Желанья мстить еще бурлили,
Но прозревали: навредит!
И, образумившись, не мстили.
Летели кони, будто вихрь,
В копытном цокоте: «надейся!..»
То о красавицах своих
Мечтали пьяные гвардейцы...
Всё — как обычно... Но в тиши
Прадедовского кабинета
Ломаются карандаши
У сумасшедшего корнета.
Он очумел. Он морщит лоб,
Шепча слова... А трактом Псковским
Уносят кони черный гроб
Навеки спрятать в Святогорском.
Пусть неусыпный бабкин глаз
Следит за офицером пылким,
Стихи загонят на Кавказ —
И это будет мягкой ссылкой.
А прочих жизнь манит, зовет.
Балы, шампанское, пирушки...
И наплевать, что не живет, —
Как жил вчера — на Мойке Пушкин.
И будто не был он убит.
Скакали пьяные гвардейцы,
И в частом цокоте копыт
Им также слышалось: «надейся!..»
И лишь в далеких рудниках

При этой вести бросив дело,
Рванулись руки...
И слегка
Кандальным звоном зазвенело.

1944

*

Я раньше видел ясно,
как с экрана,
Что взрослым стал
и перестал глупить,
Но, к сожаленью, никакие раны
Меня мальчишкой не отучат быть.
И даже то,
что раньше, чем в журнале,
Вполне возможно, буду я в гробу,
Что я любил,
а женщины гадали
На чёт и нечет
на мою судьбу.
Упрямая направленность движений,
В увечиях и ссадинах бока.
На кой оно мне чёрт? Ведь я ж не гений
И я стихи пишу не на века.
Сто раз решал я
жить легко и просто,
Забыть про все,
обресть покой земной...
Но каждый раз
меня в единоборство
Ведёт судьба,
решенная не мной.
И все равно
в грядущем
новый автор
Расскажет, как назад немало лет

С провинциальною тоской
о правде
Метался по Москве
один поэт.

1947

II

В НАШИ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

*

В наши трудные времена
Человеку нужна жена,
Нерушимый уютный дом,
Чтоб от грязи укрыться в нем.
Прочный труд и зеленый сад,
И детей доверчивый взгляд,
Вера робкая в их пути
И душа, чтоб в нее уйти.

В наши подлые времена
Человеку совесть нужна,
Мысли те, что в делах ни к чему,
Друг, чтоб их доверять ему.
Чтоб в неделю хоть час один
Быть свободным и молодым.
Солнце, воздух, вода, еда —
Всё, что нужно всем и всегда.

И тогда уже может он
Дожидаться иных времен.

1956

*

О, Господи!
Как я хочу умереть,
Ведь это не жизнь,
а кошмарная бредь.
Словами взывать я пытался сперва,
Но в стенках тюремных завязли слова.

О, Господи, как мне не хочется жить!
Всю жизнь о неправедной каре тужить.
Я мир в себе нес — Ты ведь знаешь какой!
А нынче остался с одною тоской.

С тоскою, которая памяти гнет,
Которая спать по ночам не дает.

Тоска бы исчезла, когда б я сумел
Спокойно принять небогатый удел,

Решить, что мечты — это призрак и дым,
И думать о том, чтобы выжить любым.
Я стал бы спокойней, я стал бы бедней,
И помнить не стал бы наполненных дней.

Но что тогда помнить мне, что мне любить,
Не жизнь ли саму я обязан забыть?
Нет! Лучше не надо, свирепствуй! пускай! —
Остаток от роскоши, память-тоска.
Мути меня горечью, бей и кружись,
Чтоб я не наладил спокойную жизнь.
Чтоб всё я вернул, что теперь позади,
А если не выйдет, — вконец изведи.

1948

*

Паровозов голоса
И порывы дыма.
Часовые пояса
Пролетают мимо.
Что ты смотришь в дым густой,
В переплет оконный —
Вологодский ты конвой,
Красные погоны.
Что ты смотришь и кричишь,
Хлещешь матом-плёткой?
Может, тоже замолчишь,
Сядешь за решётку.
У тебя еще мечты —
Девка ждет хмельная.
Я ведь тоже был, как ты,
И, наверно, знаю.
А теперь досталось мне
За грехи какие?
Ах, судьба моя в окне,
Жизнь моя, Россия...
Может быть, найдет покой
И умерит страсти...
Может дуростью такой
И дается счастье.
Ты, как попка, тут не стой,
Не сбегу с вагона.
Эх, дурацкий ты конвой,
Красные погоны.

1948

В СИБИРИ

Дома и деревья слезятся,
И речка в тумане черна,
И просто нельзя догадаться,
Что это апрель и весна.
А вдоль берегов огороды,
Дождями набухшая грязь...
По правде, такая погода
Мне по сердцу нынче, как раз.
Я думал, что век мой уж прожит,
Что беды лишили огня...
И рад я, что ветер тревожит,
Что тучами давит меня.
Шаги, хоть по грязи, но быстры.
Приятно идти и дышать...
Иду. На свободу. На выстрел.
На всё, что дерзнет помешать.

1949

*

Стопка книг... Свет от лампы... Чисто...
Вот сегодняшний мой уют.
Я могу от осеннего свиста
Ненадолго укрыться тут.
Только свист напирает в окна.
Я сижу. Я чего-то жду...
Всё равно я не раз промокну
И застыну на холоду.
В этом свисте не ветер странствий
И не поиски теплых стран,
В нем холодная жуть пространства,
Где со всех сторон — океан.
И впервые боюсь я свиста,
И впервые я сжался тут.
Стопка книг... Свет от лампы... Чисто...
Притаившийся мой уют.

1950

ДРУЗЬЯМ

Бог помочь вам, друзья мои!
А. Пушкин

Уже прошло два года,
        два бесцельных
С тех пор, когда
                за юность в первый раз
Я новый год встречал от вас отдельно,
Хоть был всего квартала три от вас.
Что для меня случайных три квартала!
К тому ж метро, к тому ж троллейбус есть.
Но между нами государство встало
И в ключ замка свою вложило честь.
Как вы теперь? А я все ниже, ниже.
Смотрю вокруг, как истинный дурак.
Смотрю вокруг — и ничего не вижу!
Иль, не хотя сознаться, вижу мрак.
Я не хочу делиться с вами ночью.
Я день любил, люблю делиться им.
Пусть тонкий свет вина ласкает очи,
Пусть даль светла вам видится за ним...
Бог помочь вам.
        А здесь, у ночи в зеве
Накрытый стол, и всё ж со мною вы...
Двенадцать бьет!
        В Москве всего лишь девять.
Как я давно уж не видал Москвы.
Довольно!
        Встать!
                Здесь тосковать не нужно.

Мы пьем за жизнь!
За то, чтоб жить и жить!
И пьем за дружбу!
Хоть бы только дружбу
Во всех несчастьях жизни сохранить!

1949

К МОЕМУ ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ

Я жил. И всё не раз тонуло.
И возникало вновь в душе.
И вот мне двадцать пять минуло,
И юность кончилась уже.

Мне неудач теперь, как прежде,
Не встретить с легкой головой,
Не жить веселою надеждой,
Как будто вечность предо мной.

То есть, что есть. А страсть и пылкость
Сойдут, как полая вода...
Стихи в уме, нелепость ссылки
И неприкаянность всегда.

И пред непобежденным бытом
Один, отставший от друзей,
Стою, невзгодам всем открытый,
Прикован к юности своей.

И, чтоб прижиться хоть немного,
Покуда спит моя заря,
Мне надо вновь идти в дорогу,
Сначала. Будто жил я зря.

Я не достиг любви и славы,
Но пусть не лгут, что зря бродил.
Я по пути стихи оставил,
Найдут — увидят, как я жил.

Найдут, прочтут, — тогда узнают,
Как в этот век, где сталь и мгла,
В груди жила душа живая,
Искала, мучилась и жгла.

И, если я без славы сгину,
А все стихи в тюрьме сожгут, —
Слова переживут кончину,
Две-три строки — переживут.

И в них, доставив эстафету,
Уж не пугаясь ничего,
Приду к грядущему поэту, —
Истоком стану для него.

1950

В ТРУДНУЮ МИНУТУ

Хотеть. Спешить. Мечтать о том ночами!
И лишь ползти... И не видать ни зги...
Я, как песком, засыпан мелочами...
Но я еще прорвусь сквозь те пески!
Раздвину их... Вдохну холодный воздух...
И станет мне совсем легко идти —
И замечать по неизменным звездам,
Что я не сбился и в песках с пути.

1950

*

Все это чушь: в себе сомненье,
Безволье жить, — все ссылки бред...
Он пеленой оцепененья
Мне заслонил и жизнь, и свет.
Но пелена прорвется с треском
Иль тихо стает, как слеза.
В своей естественности резкой
Ударит свет в мои глаза.
И вновь прорвутся на свободу
И верность собственной звезде,
И чувство света и природы
В ее бесстрашной полноте.

1950

ЛЕГКОСТЬ

(За книгой Пушкина)

Всё это так:
неправда,
зло,
забвенье...
Конец его друзей (его конец).
И столько есть безрадостных сердец,
А мы живем всего одно мгновенье.

Он каждый раз об это разбивался:
Взрывался... бунтовал... И — понимал.
И был он легким.
Будто лишь касался,
Как будто всё не открывал, —
а знал.

А что он знал?
Что снег блестит в оконце.
Что вьюга воет. Дева сладко спит.
Что в пасмурные дни есть тоже солнце —
Оно за тучей
греет и горит.
Что есть тоска,
но есть простор для страсти,
Стихи
и уцелевшие друзья,
Что не теперь, так после будет счастье,
Хоть нам с тобой надеяться нельзя.

Да! Жизнь — мгновенье,
и она же — вечность.
Она уйдет в века, а ты — умрешь,
И надо сразу жить —
и в бесконечном,
И просто в том,
в чем ты сейчас живешь.

Он пил вино и видел свет далекий.
В глазах туман, а даль ясна... ясна...
Легко-легко... Та пушкинская легкость,
В которой тяжесть
преодолена.

1949

*

Нелепые ваши затеи
И громкие ваши слова...
Нужны мне такие идеи,
Которыми всходит трава.
Которые воздух колышут,
Которые зелень дают.
Которым все хочется выше,
Но знают и меру свою.
Они притаились зимою,
Чтоб к ним не забрался мороз.
Чтоб, только запахнет весною,
Их стебель сквозь почву пророс.
Чтоб снова наутро беспечно,
Вступив по наследству в права,
На солнце,
Как юная вечность,
Опять зеленела трава.
Так нежно и так настояще,
Что — пусть хоть бушует беда —
Ты б видел, что все — преходяще,
А зелень и жизнь — никогда.

1950

*

Поэзия не страсть, а власть,
И потерявший чувство власти
Бесплодно мучается страстью,
Не претворяя эту страсть.
Меня стремятся в землю вжать.
Я изнемог. Гнетет усталость.
Власть волновать, казнить, прощать —
Неужто ты со мной рассталась?

1949

*

Не верь, что ты поэта шире
И более, чем он, в строю.
Хоть ты решаешь судьбы мира,
А он всего только свою.

Тебе б — в огонь. Ему — уснуть бы,
Чтоб разойтись на миг с огнем.
Затем, что слишком эти судьбы
Каким-то чёртом сбиты в нем.

И то, что для тебя, как небо,
Что над тобой — то у него
Касается воды и хлеба
И есть простое естество.

1949

*

Хотя б прислал письмо ошибкой
Из дальней дали кто-нибудь.
Хотя бы женщина улыбкой
Меня сумела обмануть, —
Чтоб снова в смуглом, стройном теле
Я видел солнца свет и власть,
Чтоб в мысль высокую оделась
Моя безвыходная страсть.

1949

ГЕНЕРАЛ

Малый рост, усы большие,
Волос белый и нечастый.
Генерал любил Россию,
Как предписано начальством.

А еще любил дорогу:
Тройки пляс в глуши просторов.
А еще любил немного
Соль солдатских разговоров.

Шутки тех, кто ляжет утром
Здесь, в Крыму иль на Кавказе.
Устоявшуюся мудрость
В незатейливом рассказе.

Он ведь вырос с ними вместе.
Вместе бегал по баштанам...
Дворянин мелкопоместный,
Сын
в отставке капитана.

У отца протекций много,
Только рано умер — жалко.
Генерал пробил дорогу
Только саблей да смекалкой.

Не терпел он светской лени,
Притеснял он интендантов,
Но по части общих мнений
Не имел совсем талантов.

И не знал он всяких всячин
О бесправье и о праве.
Был он тем, кем был назначен, —
Был столпом самодержавья.

Жил, как предки жили прежде,
И гордился тем по праву.
Бил мадьяр при Будапеште,
Бил поляков под Варшавой.

И с французами рубился
В севастопольском угаре...
Знать, по праву он гордился
Верной службой государю.

Шел дождями и ветрами,
Был везде, где было нужно...
Шел он годы... И с годами
Постарел на царской службе.

А когда эмира с ханом
Воевать пошла Россия,
Был он просто стариканом,
Малый рост, усы большие.

Но однажды бывшим в силе
Старым другом был он встречен.
Вместе некогда дружили,
Пили водку перед сечей...

Вместе всё.
Но только скоро
Князь отозван был в Россию,
И пошел, по слухам, в гору,
В люди вышел он большие.

И подумал князь, что нужно
Старику пожить в покое,
И решил по старой дружбе
Все дела его устроить.

Генерала пригласили
В Петербург от марша армий.
Генералу предложили
Службу в корпусе жандармов.

— Хватит вас трепали войны,
Будет с вас судьбы солдатской.
Все же здесь куда спокойней,
Чем под солнцем азиатским.

И ответил строгий старец,
Не выказывая радость:
— Мне доверье государя —
Величайшая награда.

А служить — пусть служба длится
Старой должностью моею...
Я могу еще рубиться,
Ну, а это — не умею.

И пошел паркетом чистым
В азиатские Сахары...
И прослыл бы нигилистом,
Да уж слишком был он старый.

1950

*

Небо за пленкой серой.
В травах воды без меры:
Идешь травяной дорожкой,
А сапоги мокры...
Все это значит осень.
Жить бы хотелось очень.
Жить бы, вздохнуть немножко,
Издать петушиный крик.

Дует в лицо мне ветер.
Грудью бы горе встретить
Или его уничтожить.
Или же — под откос.
Ветер остался ветром,
Он затерялся в ветлах,
Он только холод умножил,
Тревогу-тщету принес.

Но всё проходит на свете,
И я буду вольным, как ветер,
И больше не буду прикован
К скучной точке одной.
Тогда мне, наверно, осень
Опять понравится очень:
«Муза далеких странствий»,
Листьев полет шальной.

1950

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Всё это было, было, было...
А. Блок

Все это было, было, было:
И этот пар, и эта степь,
И эти взрывы снежной пыли,
И этот иней на кусте.

И эти сани — нет, кибитка, —
И этот волчий след в леске...
И даже... даже эта пытка:
Гадать, чем встретят вдалеке.

И эта радость молодая,
Что все растет... Сама собой...
И лишь фамилия другая
Тогда была. И век другой.

Их было много: всем известных
И не оставивших следа.
И на века безмерно честных,
И честных только лишь тогда.

И вспоминавших время это
Потом, в чинах, на склоне лет:
Снег... Кони... Юность... Море света...
И в сердце угрызений нет.

Отбывших ссылку за пустое
И за серьезные дела,
Но полных светлой чистотою,
Которую давила мгла.

Кому во мраке преисподней
Свободный ум был светлый дан,
Подчас светлее и свободней,
Чем у людей свободных стран.

Их много мчалось этим следом
На волю... (Где есть воля им?)
И я сегодня тоже еду
Путем знакомым и былым.

Путем знакомым, — знаю, знаю, —
Всё узнаю́, хоть всё не так,
Хоть нынче станция сквозная,
Где раньше выход был на тракт.

Хотя дымят кругом заводы,
Хотя в огнях ночная мгла,
Хоть вихрем света и свободы
Здесь революция прошла.

Но после войн и революций.
Под все разъевшей темнотой
Мне так же некуда вернуться
С душой открытой и живой.

И мне навек безмерно близки
Равнины, что, как плат, белы, —
Всей мглой истории российской,
Всем блеском искр средь этой мглы.

1950

*

Сочась сквозь тучи, льется дождь осенний.
Мне надо встать, чтобы дожить свой век
И рвать туман тяжелых настроений
И прорываться к чистой синеве.
Я жить хочу. Движенья и отваги.
Смой, частый дождь, весь сор с души моей,
Пусть, как дорога, стелется бумага, —
Далекий путь к сердцам моих друзей.
Жить! Слышать рельсов радостные стоны,
Стоять в проходе час, не проходя...
Молчать и думать...
И в окне вагона
Пить привкус гари
в капельках дождя.

1950

НА ПОБЫВКЕ

Уж заводы ощущаются
В листве.
Электричка приближается
К Москве.

Эх, Рязанская дороженька,
Вокзал.
Я бы всё, коль было можно,
Рассказал.

Эх, Столыпин, ты, Столыпин, —
Из окон
Ясно виден твой столыпинский
Вагон.

Он стоит спокойно в парке,
Тихо ждет,
Что людей конвой с овчаркой
Подведет.

На купе разбит он чётко.
Тешит взор...
И отбит от них решёткой
Коридор.

В коридоре ходит парень
Боевой,
Вологодский, бессеребряный
Конвой.

...Эх, рязанская дороженька,
Легка,
Знать, тебе твоя острожная
Тоска.

1949

ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ

Что же! Здравствуй, Москва.
Отошли и мечты и гаданья.
Вот кругом ты шумишь,
вот сверкаешь, светла и нова,
Блеском станций метро,
высотой воздвигаемых зданий
Блеск и высь подменить
ты пытаешься тщетно, Москва.
Ты теперь деловита,
всего ты измерила цену.
Плюнут в душу твою
и прольют безнаказанно кровь,
Сложной ложью теорий
свою прикрывая измену,
Ты продашь все спокойно:
и совесть, и жизнь, и любовь.
Чтоб никто не тревожил
приятный покой прозябанья —
Прозябанье Москвы,
освящённый снабженьем обман.
Так живёшь ты, Москва!
Лжёшь,
клянешься,
насилуешь память
И, флиртуя с историей,
с будущим крутишь роман.

1952

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Ни к чему,
ни к чему,
ни к чему полуночные бденья
И мечты, что проснешься
в каком-нибудь веке другом.
Время?
Время дано.
Это не подлежит обсужденью.
Подлежишь обсужденью ты,
разместившийся в нем.
Ты не верь,
что грядущее вскрикнет,
всплеснувши руками:
«Вот какой тогда жил,
да бедняга от века зачах».
Нету легких времен.
И в людскую врезается память
Только тот,
кто пронес эту тяжесть
на смертных плечах.
Мне молчать надоело.
Проходят тяжелые числа,
Страх тюрьмы и ошибок
И скрытая тайна причин...
Перепутано — всё.
Все слова получили сто смыслов.
Только смысл существа
остается, как прежде,
один.

Вот такими словами
начать бы хорошую повесть, —
Из тоски отупенья
в широкую жизнь переход...
Да! Мы в Бога не верим,
но полностью веруем в совесть,
В ту, что раньше Христа родилась
и не с нами умрет.
Если мелкие люди
ползут на поверхность
и давят,
Если шабаш из мелких страстей
называется страсть,
Лучше встать и сказать,
даже если тебя обезглавят,
Лучше пасть самому,
чем душе твоей в мизерность впасть.
Я не знаю,
что надо творить
для спасения века,
Не хочу оправданий,
снисхожденья к себе —
не прошу...
Чтобы жить и любить,
быть простым,
но простым *человеком* —
Я иду на тяжелый,
бессмысленный риск —
и пишу.

1952

*

Мне часто бывает трудно,
Но я часто шучу с друзьями.
Пишу стихи и влюбляюсь.
Но что-то в судьбе моей,
Что, как на приговоренного,
жалостливыми глазами
Смотрят мне вслед
на прощание
жены моих друзей.
И даже та, настоящая,
чей взгляд был изнутри светел,
Что вдыхал в меня свежий, как море,
и глубокий, как море, покой:
Истинная любимая,
кого я случайно встретил,
Обрадовалась,
но застыла вдруг,
столкнувшись в глазах
с судьбой...
Я вами отпет заранее.
Похоронен, как наяву.
Похоронена ваша загнанная,
ваша собственная душа.
Я вами отпет заранее.
Но всё-таки я живу
И стоит того, чтоб мучаться,
каждый день мой
и каждый шаг.

Калуга, 1951

*

Как ты мне изменяла.
Я даже и слов не найду.
Как я верил в улыбку твою.
Она неотделима
От высокой любви.
От меня.
Но, учуяв беду,
Ты меняла улыбку,
Уходила куда-то с другими.
Уносила к другим
ощутимость своей теплоты,
Оставляя мне лишнее —
чувство весны и свободы.
Как плевок — высоту!
Не хочу я такой высоты!
Никакой высоты!
Только высь обнаженной природы...
Чтоб отдаться,
отдать,
претвориться,
творить наяву,
Как растенье и волк. —
Если в этом излишне людское.
Это всё-таки выше,
чем-то, как я ныне живу.
Крест неся —
человека,
а мучась звериной тоскою.

Калуга 1951

ВЛАЖНЫЙ СНЕГ

1

Ты б радость была и свобода,
И ветер, и солнце, и путь.
В глазах твоих Бог и природа,
И вечная женская суть.
Мне б нынче обнять твои ноги,
В колени лицо свое вжать,
Отдать половину тревоги,
Частицу покоя вобрать.

2

Я так живу, как ты должна,
Обязана перед судьбою.
Но ты ведь не в ладах с собою,
И меж чужих живешь одна.
А мне и дальше жить в огне,
Нести свой крест, любить и путать.
И ты еще придешь ко мне,
Когда меня уже не будет.

3

Полон я светом, и ветром, и страстью,
Всем невозможным, несбывшимся ранним...
Ты — моя девочка, сказка про счастье,
Опроверженье разочарований...
Как мы плутали,
но нынче,
на деле

Сбывшейся встречей плутание снято.
Киев встречал нас
веселой метелью
Влажных снежинок, — больших и мохнатых.
День был наполнен
стремительным ветром.
Шли мы сквозь ветер,
часов не считая,
И в волосах твоих,
мягких и светлых,
Снег оседал,
расплывался
и таял.
Бил по лицу и был нежен.
Казалось,
Так вот идти нам сквозь снег и преграды
В жизнь и победы,
встречаться глазами,
Чувствовать эту вот
бьющую радость...
Двери наотмашь
и мир будто настежь, —
Светлый, бескрайний, хороший, тревожный...
Шли мы и шли,
задыхаясь от счастья,
Робко поверив,
что э т о — возможно.

4

Один. И ни жены, ни друга:
На улице еще зима,

А солнце льется на Калугу,
На крыши, церкви и дома.
Блеск снега. Сердце счастья просит.
И я гадаю в тишине,
Куда меня еще забросит
И как ты помнишь обо мне...
И вновь метель. И влажный снег.
Власть друг над другом и безвластье.
И просветленный тихий смех,
Чуть в глубине задетый страстью.

5

Ты появишься из двери.
Б. Пастернак

Мы даль открыли друг за другом,
И мы вдохнули эту даль.
И влажный снег родного Юга
Своей метелью нас обдал.
Он пахнул счастьем, этот хаос!
Просторным — и не обоймешь...
А ты сегодня ходишь, каясь,
И письма мужу отдаешь.
В чем каясь? Есть ли в чем? — Едва ли!
Одни прогулки и мечты...
Скорее в этой снежной дали,
Которую вдохнула ты.
Ломай себя. Ругай за вздорность,
Тащись, запутавшись в судьбе.
Пусть русской женщины покорность
На время верх возьмет в тебе.

Но даль — она неудержимо
В тебе живет, к себе зовет,
И русской женщины решимость
Еще свое в тебе возьмет.
И ты появишься у двери,
Прямая, твердая, как сталь.
Еще сама в себя не веря,
Уже внеся с собою даль.

6

А это было в настоящем,
Хоть начиналось все в конце...
Был снег, затмивший все.
Кружащий.
Снег на ресницах. На лице.
Он нас скрывал от всех прохожих,
И нам уютно было в нем...
Но всё равно — еще дороже
Нам даль была в уюте том.
Сам снег был далью... Плотью чувства,
Что нас несло с тобой тогда.
И было ясно. Было грустно,
Что так не может быть всегда,
Что наше бегство — ненадолго,
Что ждут за далью снеговой
Твои привычки, чувства долга,
Я сам меж небом и землей...
Теперь ты за туманом дней
И вспомнить можно лишь с усильем
Всё, что так важно помнить мне,
Что ощутимой было былью.

И быль как будто не была.
Что ж, снег был снег... И он — растаял.
Давно пора, уйдя в дела,
Смириться с тем, что жизнь — такая.
Но, если верится в успех,
Опять кружит передо мною
Тот, крупный, нежный, влажный снег, —
Весь пропитавшийся весною...

1951

ЧЕРЕЗ ГОД

Милая, где ты? — Повис вопрос.
Стрелки стучат, паровоз вздыхает...
Милая, где ты? Двенадцать верст
Нас в этом месяце разделяет.
Так это близко, такая даль,
Что даже представить не в состояньи...
Я уж два раза тебя видал,
Но я не прошел это расстоянье,
Так, чтоб суметь тебя разглядеть
Вновь хоть немножечко...
Стены... Стены...
Видно, измены меняют людей,
Видно, не красят лица измены...

1952

НА СМЕРТЬ СТАЛИНА

Всё, с чем Россия
в старый мир врывалась,
Так что казалось, что ему пропасть, —
Всё было смято... И одно осталось:
Его
неограниченная
власть.
Ведь он считал,
что к правде путь —
тяжелый,
А власть его
сквозь ложь
к ней приведет.
И вот он — мертв.
До правды не дошел он,
А ложь кругом трясиной нас сосет.
Его хоронят громко и поспешно
Ораторы,
на гроб кося глаза,
Как будто может он
из тьмы кромешной
Вернуться,
всё забрать
и наказать.
Холодный траур,
стиль речей —
высокий.
Он всех давил
и не имел друзей...

Я сам не знаю,
злым иль добрым роком
Так много лет
он был для наших дней.
И лишь народ
к нему не посторонний,
Что вместе с ним
всё время трудно жил,
Народ
в нем революцию
хоронит,
Хоть, может, он того не заслужил.
В его поступках
лжи так много было,
А свет знамен
их так скрывал в дыму,
Что сопоставить это всё
не в силах —
Мы просто
слепо верили ему.
Моя страна!
Неужто бестолково,
Ушла, пропала вся твоя борьба?
В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче
вся твоя судьба?
А может, ты поймешь
сквозь муки ада,
Сквозь все свои кровавые пути,

Что слепо верить
никому не надо,
И к правде ложь
не может привести.

1953

НЕВЕСТА ДЕКАБРИСТА

Уютный дом,
а за стеною вьюга,
И от нее
слышнее **тишина...**
Три дня не видно дорогого друга.
Два дня столица слухами полна.
И вдруг зовут...
В передней — пахнет стужей.
И он стоит,
в пушистый снег одет...
— Зачем вы здесь?
Входите же...
Бестужев!..
И будто бы ждала —
«Прощай, Анет!..»
Ты только вскрикнешь,
боль прервет дыханье,
Повиснешь на руках,
и — миг — туман...
И все прошло...
А руки — руки няни...
И в доме тишь,
а за окном — буран.
И станет ясно:
все непоправимо.
Над всем висит
и властвует беда.

Ушел прямой,
уверенный,
любимый,
И ничему не сбыться никогда.
И потекут часы
тяжелых буден...
Как страшно знать,
что это был конец.
При имени его,
веселом, —
будет
Креститься мать
и хмуриться отец.
И окружат тебя другие люди,
Пусть часто неплохие —
что с того?
Такой свободы
строгой
в них не будет,
Веселого
не будет ничего.
Их будет жалко,
но потом уныло
Тебе самой
наедине с судьбой.
Их той
тяжелой силой
придавило,
С которой он вступал,
как равный, в бой.

И будет шепот
в мягких волнах вальса.
Но где ж тот шепот,
чтобы заглушил
«Прощай, Анет!..»
и холод,
что остался,
Ворвавшись в дверь,
когда он уходил...
Ты только через многие недели
Узнаешь приговор...
И станешь ты
В снах светлых видеть:
дальние метели,
Морозный воздух.
Ясность широты.
В кибитках,
шестернею запряженных,
Мимо родных,
заснеженных дубрав
Вот в эти сны
ко многим
едут жены...
Они — вольны...
Любимым — нету прав,
Но ты — жива,
и ты живешь невольно.
Руки попросит милый граф-корнет.
Что ж! Сносный брак.
Отец и мать — довольны.

И всё равно «Прощай!..
Прощай, Анет...»
И будет жизнь.
И будет всё как надо:
Довольство,
блеск,
круженье при дворе...
Но будет сниться:
снежная прохлада...
Просторный воздух...
сосны в серебре.

1953

*

Вновь, как в детстве,
с утра и на́-ноги.
Может, снова
пройдешь ты мимо.
Снова двойками по механике
Отмечаются встречи с любимой.
Вновь мечтанья,
детские самые.
Хоть изжить, что прожил —
невозможно,
Хоть давно близоруки глаза мои
И надежды мои —
осторожны.

1952

*

Мне без тебя так трудно жить,
А ты — ты дразнишь и тревожишь.
Ты мне не можешь заменить
Весь мир...
А кажется, что можешь.
Есть в мире у меня свое:
Дела, успехи и напасти.
Мне лишь тебя недостает
Для полного людского счастья.
Мне без тебя так трудно жить:
Все — неуютно, все — тревожит...
Ты мир не можешь заменить.
Но ведь и он тебя — не может.

1952

*

За последнею точкой,
За гранью последнего дня
Все хорошие строчки
Останутся жить без меня.

В них я к людям приду
Рассказать про любовь и мечты,
Про огонь и беду
И про жизнь средь огня и беды.

В книжном шкафе резном
Будет свет мой — живуч и глубок, —
Обожженный огнем
И оставшийся нежным цветок.

Пусть для этого света
Я шел среди моря огня,
Пусть мне важно все это,
Но это не все для меня!

Мне важны и стихии,
И слава на все голоса,
И твои дорогие,
Несущие радость глаза.

Чтобы в бурю и ветер
И в жизнь среди моря огня
Знать, что дом есть на свете,
Где угол, пустой без меня.

И что если судьбою
Подкошенный, сгину во рву,
Всё ж внезапною болью
В глазах у тебя оживу.

Не гранитною гранью,
Не строчками в сердце звеня:
Просто вдруг недостанет
Живущего рядом — меня.

1951

*

Вот говорят: любовь — мечты и розы
И жизни цвет, и трели соловья.
Моя любовь была сугубой прозой,
Бедней, чем остальная жизнь моя.

Но не всегда... О, нет! Какого чёрта!
Я тоже был наивным, молодым.
Влюблялся в женщин, радостных и гордых,
И как себе не верил, — верил им.

Их выделяло смутное свеченье,
Сквозь все притворство виделось оно.
И мне они казались воплощеньем
Того, что в жизни не воплощено.

Но жизнь стесняет рамками своими,
Боится жить без рамок человек.
И уходили все они — с другими.
Чтоб не светясь дожить свой скромный век.

Они, наверно, не могли иначе.
Для многих жизнь не взлёт, а ремесло.
Я не виню их вовсе. И не плачу.
Мне не обидно. — Просто тяжело.

Я не сдавался. Начинал сначала.
Но каждый раз проигрывал свой бой.
И, наконец, любовь моя увяла,
И притворилась грубой и слепой.

Жила, как все, и требовала мало.
И не звала, а просто так брала.
И тех же, гордых, тоже побеждала
И только счастья в этом не нашла.

Затем, что не хватало в них свеченья,
Что хоть умри, не грезилось оно,
Что если жить — так бредить воплощеньем
Того, что в жизни не воплощено.

Все испытал я — ливни и морозы.
И жизнь прошла в страстях, в борьбе, в огне.
Одна любовь была обидной прозой —
Совсем другой любви хотелось мне.

1955

*

Я в сказки не верю. Не те уж года мне.
И вдруг оказалось, что сказка нужна мне,
Что, внешне смирившись, не верящий в чудо,
Его постоянно искал я повсюду,
Искал напряженно, нигде не встречая,
Отсутствие сказки всегда ощущая...
Всё это под спудом невидное крылось,
И всё проявилось, лишь ты появилась.

1954

*

Когда одни в ночи лесной
Сидим вдвоём, не видя листьев,
И ты всей светлой глубиной
Идешь ко мне, хотя боишься.

И позабыв минутный страх,
Не говоря уже, что любишь,
Вдруг замираешь на руках
И запрокидываешь губы.

И жить и мыслить нету сил...
Вдруг понимаю я счастливо,
Что я свой крест не зря тащил,
И жизнь бывает справедлива.

1954

УТРО В ЛЕСУ

Девушка расчесывала косы,
Стоя у брезентовой палатки...
Волосы, рассыпанные плавно,
Смуглость плеч туманом покрывали,
А ступни ее земли касались,
И лежала пыль на нежных пальцах.
Лес молчал... И зыбкий отсвет листьев
Зеленел на красном сарафане.
Плечи жгли. И волосы томили.
А ее дыханье было ровным...
Так с тех пор я представляю счастье:
Девушка, деревья и палатка.

1954

*

Ты разрезаешь телом воду,
И хорошо от неги водной.
В воде ты чувствуешь свободу.

А ты умеешь быть свободной.

И не пойму свои я чувства
При всей их ясности всегдашней.

И восхитительно, и грустно,
И потерять до боли страшно.

1954

*

И прибои, и отбои, —
Ерунда и пустяки.
Надо просто жить с тобою
И писать свои стихи, —
Чтоб смывала всю усталость
Вдохновения струя...
Чтобы ты в ней отражалась
Точно так же, как и я.

1954

*

Неустанную радость
сменила усталость.
Вновь я зря расцветал,
разражался весной,
И опять только
руки и плечи остались,
А слова оказались пустой болтовней.
Ты ошиблась — пускай...
И к чему эти речи.
Неужели молва
так бесспорно права;
И всегда остаются
лишь руки и плечи,
И, как детская глупость,
всплывают слова?

1954

ОСЕНЬ В КАРАГАНДЕ

В холоде ветра
зимы напев.
Туч небеса полны.
И листья сохнут,
не пожелтев,
Вянут, —
а зелены.
Листьям свое не пришлось дожить.
Смял их
морозный день.
Сжатые сроки...
Идут дожди...
Осень в Караганде.
Новые зданья
сквозь дождь
глядят,
В каплях —
еще нежней
Бледный
зеленый
сухой наряд
Высаженных
аллей,
И каждый
свое не доживший лист
Для сердца —
родная весть.

Деревья,
как люди, —
не здесь родились.
А жить приходится —
здесь.
И люди в зданьях
полны забот,
Спешат,
и у всех дела...
И людям тоже недостает
Еще немного
тепла,
Но сроки сжаты,
и властен труд,
И надо всегда спешить...
И многие
так
на ходу
умрут,
Не зная,
что значит
жить...
Мы знаем...
Но мы разошлись с тобой.
Не мы,
а жизнь развела...
И я сохраняю
бережно
боль,
Как луч
твоего тепла.

Но я далеко,
и тебя здесь нет,
И все это —
тяжело.
Как этим листьям —
зеленый цвет,
Мне нынче —
твое тепло.
Но сроки сжаты,
и властен труд,
И глупо
бродить, скорбя...
Ведь люди
без многого
так живут,
Как я живу
без тебя.

1954

ЦЕРКОВЬ ПОКРОВА НА НЕРЛИ

I

Нет, не с тем, чтоб прославить Россию, —
Размышленья в тиши любя,
Грозный князь, унизивший Киев,
Здесь воздвиг ее для себя.
И во снах беспокойных видел
То пожары вдоль всей земли,
То, как детство, — сию обитель
При впаденье в Клязьму Нерли.
Он — кто власти над Русью добился,
Кто внушал всем боярам страх —
Здесь с дружиной смиренно молился
О своих кровавых грехах.
Только враг многолик и завистлив.
Пусть он часто ходит в друзьях.
Очень хитрые тайные мысли
Князь читал в боярских глазах...
И измучась душою грубой
От улыбок, что лгут всегда,
Покидал он свой Боголюбов
И скакал на коне сюда:
Здесь он черпал покой и холод.
Только мало осталось дней...
И под лестницей был заколот
Во дворце своем князь Андрей.
От раздоров земля стонала:
Человеку — волк человек,
Ну, а церковь — она стояла,

Отражаясь в воде двух рек.
А потом, забыв помолиться
И не в силах унять свой страх,
Через узкие окна-бойницы
В стан татарский стрелял монах.
И творили суд и расправу,
И терпели стыд и беду.
Здесь ордынец хлестал красавиц
На пути в Золотую Орду.
Каменистыми шли тропами
Мимо церкви
к чужим краям
Ноги белые, что ступали
В теремах своих по коврам.
И ходили и сердцем меркли,
Распростившись с родной землей,
И крестились на эту церковь,
На прощальный ее покой.
В том покое была та малость,
Что и надо в дорогу брать:
Все же родина здесь осталась,
Все же есть о чем тосковать.
Эта церковь светила светом
Всех окрестных равнин и сел...

Что за дело, что церковь эту
Некий князь для себя возвел!

II

По какой ты скроена мерке?
Чем твой облик манит вдали?

Чем ты светишься вечно, церковь
Покрова на реке Нерли?
Невысокая, небольшая,
Так подобрана складно ты,
Что во всех навек зароняешь
Ощущение высоты...
Так в округе твой очерк точен,
Так ты здесь для всего нужна,
Будто создана ты не зодчим,
А самой землей рождена.
Среди зелени — белый камень,
Луг, деревья, река, кусты.
Красноватый закатный пламень
Набежал — и зарделась ты.
И глядишь доступно и строго,
И слегка синеешь вдали...
Видно, предки верили в Бога,
Как в простую правду земли.

1954

ИВАН КАЛИТА

(Пародия на авторов некоторых исторических трудов)

Мы сегодня поем тебе славу.
И, наверно, поем неспроста, —
Зачинатель мощной державы
Князь Московский — Иван Калита.

Был ты видом — довольно противен.
Сердцем — подл...
Но — не в этом суть:
Исторически прогрессивен
Оказался твой жизненный путь.

Ты в Орде по-пластунски лазил.
И лизал — из последних сил.
Покорял ты Тверского князя,
Чтобы Хан тебя отличил.

Подавлял повсюду восстанья...
Но ты глубже был патриот.
И побором сверх сбора дани
Подготавливал ты восход.

Правда, ты об этом не думал.
Лишь умел копить да копить.
Но, видать, исторически-умным
За тебя был твой аппетит.

Славься, князь! Все живем мы так же —
Как выходит — так и живем.
А в итоге — прогресс...
И даже
Мы в историю попадем.

1954

ОДА К ТРЕХСОТЛЕТИЮ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Курился вдали под копытами шлях,
И пахло медвяной травою.
Что ж! Некуда деться! — Москва или лях!
Так лучше подружим с Москвою.
В тяжелой руке замерла булава,
И мысли печальные бродят...
Конечно бы, лучше самим панувать,
Да только никак не выходит.
Поляки и турки застлали пути,
И нет ни числа им, ни меры.
И если уж волю никак не спасти,
Спасем православную веру.
Молчали казаки... Да гетман и сам
Молчал и смотрел на дорогу.
И слезы текли по казацким усам,
Но слезы — беде не помога.
Печально и гордо смотрел он с коня,
Как едут бояре до места...
Прощай же ты, воля!
В честь этого дня
Сегодня играют оркестры!
Мы празднуем праздник, а гетман страдал
И, пряча от прочих кручину,
Со шведом он снесся потом и отдал
Родную свою Украину.
Казацкую волю щадил ты, Богдан,
И только... И, если признаться,
Пожалуй, не мог и предвидеть тогда

Ты образования наций.
И умер, измену в душе затая,
В ней видя мечту и свободу...
Сегодня сияет икона твоя
На празднике дружбы народов.
Сегодня плакаты и флаги вокруг
И, ясные в творческом рвенье,
Несут кандидаты словесных наук
Эмблемы воссоединенья.
А я не нуждаюсь в поддержке твоей —
Ведь я навсегда возвеличил
Не дружбу народов, а дружбу людей
Без всяких народных различий.
Сегодня лишь этого требует век,
Другие слова — обветшалы...
А ты был, Богдан, неплохой человек,
И ты ни при чем здесь, пожалуй...

1954

ЕЖ И ЗАЯЦ

(Почти басня)

Что благородны львы — молва несправедлива.
В них благородного — одна лишь только грива.
Ну, а клыки и когти? — Нет, поверь:
Тот царь зверей — обычный жадный зверь.

В одном лесу лев как-то околел:
Зайчатины, должно быть, много съел.
А было завались ее — скрывать не стану.
Лев заготавливал ее согласно плану,
Что сам волкам спускал.
И волки рыскали в лесах и между скал
Чтоб — буде заяц вдруг объявится где близко —
Схватить и приволочь и получить расписку.
Пять зайцев за квартал! — А нет — плати натурой:
Под барабанный бой навек простись со шкурой.
Те ж зайцы, что спаслись, таясь по перелескам,
Ко льву явились сами — по повесткам.
Ведь зайцы мясом чувствуют эпоху
И знают: план — закон, а вне закона — плохо.

Лев так бы зайцев всех доел,
Да околел.

Куда это ведет, всем скоро стало ясно,
Бить зайцев запретили занапрасно.

Раз после этого, травы едва касаясь,
Чрез безопасный лес пёр уцелевший заяц.
И вдруг ему навстречу ёж.

— Здорово, заяц! Как живешь?
Вам, говорят, теперь полегче малость стало...
(Ёж больше жил в норе, и слыл он либералом)
Вас, говорят, теперь не бьют?
— Да нет, не густо!
Ни за что — это так. Но треплют за капусту.
Да и потом сказать: живи... А что за счастье?
Ни блеска нет теперь, ни трепета, ни власти.
И охамел вокруг народ.
Бесштанный соловей, что хочет, то поет.
Любой — хотишь туда, хотишь — сюда подайся...

Что благородны львы — выдумывают зайцы.

1956

*

Я о богатстве сроду не мечтал.
И капитал считаю вещью грязной.
Но говорят, я нынче мыслить стал
Методою мышленья — буржуазной.

Так говорят мне часто в наши дни
Те, у кого в душе и в мыслях ясно.
В Америке такие, как они,
За те ж грехи меня б считали красным.

Решительно теперь расколот век.
В нем основное — схватка двух формаций.
А я ни то, ни сё — я человек.
А человеку — некуда податься.

Повсюду ложь гнетет его, как дым,
Повсюду правда слишком беспартийна.
Таких, как я, — правительствам любым
Приятней видеть — в лагере противном.

Но все равно потом от всех страстей,
От всех наскоков логики плакатной
Останется тоска живых людей
По настоящей правде. Пусть — абстрактной.

1954

*

Я не был никогда аскетом
И не мечтал сгореть в огне.
Я просто русским был поэтом
В года, доставшиеся мне.
Я не был сроду слишком смелым.
Или орудьем высших сил.
Я просто знал, что делать, делал,
А было трудно — выносил.
И если путь был слишком труден,
Суть в том, что я в той службе служб
Был подотчетен прямо людям,
Их душам и судьбе их душ.
И если в этом — главный кто-то
Откроет ересь —
что ж, друзья.
Ведь это всё — была работа.
А без работы — жить нельзя.

1954

ПОДМОСКОВНАЯ ПЛАТФОРМА В АПРЕЛЕ

Еще в лесу зима бела,
Но за лесным кварталом
Уже по улицам села
Ступаешь снегом талым.
И ноги ходят вразнобой,
И душно без привычки
Ходить дорогой зыбкой той
К платформе электрички.
Но вот дошел ты. Благодать.
Кругом в воде березки.
И странно-радостно ступать
На высохшие доски.
Здесь на платформе — май, весна,
Пусть тает снег... Но явно
Дождями вымыта она
И высохла недавно.

1955

РАССУДОЧНОСТЬ

Мороз был — как жара, и свет — как мгла.
Все очертанья тень заволокла.
Предмет неотличим был от теней.
И стал огромным в полутьме — пигмей.

И должен был твой разум каждый день
Вновь открывать, что значит свет и тень.
Что значит ночь и день, и топь и гать...
Простые вещи снова открывать.

Он осязанье мыслью подтверждал,
Он сам с годами вроде чувства стал.

Другие наступают времена.
С глаз наконец спадает пелена.
А ты, как за постыдные грехи,
Ругаешь за рассудочность стихи.

Но я не рассуждал. Я шел ко дну.
Смотрел вперед, а видел пелену.
Я ослеплен быть мог от молний-стрел.
Но я глазами разума смотрел.

И повторял, что в небе небо есть
И что земля еще на месте, здесь.

Что тут пучина, ну, а там — причал.
Так мне мой разум чувства возвращал.

Нет! Я на этом до сих пор стою.
Пусть мне простят рассудочность мою.

1956

*

Я жил не так уж долго,
Но вот мне тридцать лет.
Прожить еще хоть столько
Удастся или нет?
Дороже счет минутам:
Ведь каждый новый год
Быстрее почему-то,
Чем прошлый год, идет...
Бродил я белым светом
И жил среди живых...
И был везде поэтом,
Не числясь в таковых.
Писал стихи, работал
И был уверен в том,
Что я свое в два счета
Сумею взять потом —
Потом, когда событья
Пойму и воплощу,
Потом, когда я бытом
Заняться захочу.
Я жил легко и смело,
Бока — не душу — мял,
А то, что есть пределы,
Абстрактно представлял...
Но никуда не деться, —
Врываясь в мысль и страсть,
Неровным стуком сердце
Вершит слепую власть.
Не так ночами спится,

Не так свободна грудь,
И надо бы о быте
Подумать как-нибудь.
Советуюсь со всеми,
Как быть, чтоб мне везло?
Но жалко тратить время
На это ремесло...

1956

ТРУБАЧИ

Я с детства мечтал, что трубач затрубит,
И город проснется под цокот копыт,
И все прояснится открытой борьбой:
Враги — пред тобой, а друзья — за тобой.

И вот самолеты взревели в ночи,
И вот протрубили опять трубачи,
Тачанки и пушки прошли через грязь,
Проснулось геройство, и кровь пролилась.
Но в громе и славе решительных лет
Мне все ж не хватало заметных примет.
Я думал, что вижу, не видя ни зги,
А между друзьями сновали враги.
И были они среди наших колонн,
Подчас знаменосцами наших знамен.

Жизнь бьет меня часто. Сплеча. Сгоряча.
Но все же я жду своего трубача.
Ведь правда не меркнет, и совесть — не спит.
Но годы уходят, а он — не трубит.
И старость подходит. И хватит ли сил
До смерти мечтать, чтоб трубач затрубил?

А может, самим надрываться во мгле?
Ведь нет, кроме нас, трубачей на земле.

1955

CREDO

Надоели потери.
Рознь религий — пуста,
В Магомета я верю
И в Исуса Христа.

Больше спорить не буду
И не спорю давно,
Моисея и Будду
Принимая равно.

Все, что теплится жизнью,
Не застыло навек...
Гордый дух атеизма
Чту — коль в нем человек.

Точных знаний и меры
В наши нет времена.
Чту любую я Веру,
Если Совесть она.

Только чтить не годится
И в кровавой борьбе
Ни костров инквизиций,
Ни ночей МГБ.

И ни хитрой дороги,
Пусть для блага она, —
Там под именем Бога
Правит Суд сатана.

Человек не бумага —
Стёр, и дело с концом.
Даже лгущий для блага —
Станет просто лжецом.

Бог для сердца отрада,
Человечья в нем стать.
Только дьяволов надо
От богов отличать.

Могший верить и биться,
Той науке никак
Человек обучиться
Не сумел за века.

Это в книгах и в хлебе
И в обычной судьбе.
Чёрт не в пекле, не в небе —
Рядом с Богом в тебе.

Верю в Бога любого
И в любую мечту.
В каждом — чту его Бога,
В каждом — чёрта не чту.

Вся планета больная...
Может, это — навек?
Ничего я не знаю.
Знаю: Я человек.

1956

III

ПРИОБЩЕНИЕ

*

И с миром утвердилась связь.
А. Блок

Все будет, а меня не будет. —
Через неделю, через год...
Меня не берегите, люди,
Как вас никто не бережет.
Как вы, и я не выше тлена.
Я не давать тепла не мог.
Как то сожжённое полено.
Угля сожжённого комок.
И счеты мы сведем едва ли.
Я добывал из жизни свет,
Но эту жизнь мне вы давали,
А ничего дороже нет.

И пусть меня вы задушили
За счастье быть живым всегда,
Но вы и сами ведь не жили,
Не знали счастья никогда.

1957

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ БАСНЯ

Чтобы быстрей добраться к светлой цели,
Чтоб все мечты осуществить на деле,
Чтоб сразу стало просто всё, что сложно,
А вовсе невозможное возможно, —
Установило высшее решенье
Идейную таблицу умноженья:

Как памятник — прекрасна. Но для дела
Вся прежняя таблица устарела.
И отвечает нынче очень плохо
Задачам, что поставила эпоха.

Наука объективной быть не может —
В ней классовый подход всего дороже.
Лишь в угнетенном обществе сгодится
Подобная бескрылая таблица.

Высокий орган радостно считает,
Что нам её размаха не хватает,
И чтоб быстрее к цели продвигаться,
Постановляет: «дважды два — шестнадцать!»

...Так все забыли старую таблицу.
Потом пришлось за это поплатиться.
Две жизни жить в тоске и в смертной муке:
Одной — на деле, а другой — в науке,
Одной — обычной, а другой — красивой,
Одной — печальной, а другой — счастливой,
По новым ценам совершая траты,
По старым ставкам получать зарплату.

И вот тогда с такого положенья
Повсюду началось умов броженье,
И в электричках стали материться:
«А всё таблица... Врет она, таблица!
Что дважды два? Попробуй разобраться!..»
Еретики шептали, что пятнадцать.
Но обходя запреты и барьеры,
«Четырнадцать», — ревели маловеры.
И все успев понять, обдумать, взвесить,
Объективисты заявляли: «десять».

Но все они движению мешали,
И их за то потом в тюрьму сажали.
А всех печальней было в этом мире
Тому, кто знал, что дважды два — четыре.

Тот вывод люди шутками встречали
И в тюрьмы за него не заключали:
Ведь это было просто не опасно,
И даже глупым это было ясно!
И было так, что эти единицы
Хотели б сами вдруг переучиться.
Но ясный взгляд — не результат науки...

Поймите, если можете, их муки.
Они молчали в сдержанной печали
И только руки к небу воздевали,
Откуда дождь на них порой свергался,
Где Бог — дремал, а дьявол — развлекался.

1957

ОСЕНЬ

Вода в колеях среди тощей травы,
За тучею туча плывет дождевая.
В зеленом предместье предместья Москвы
С утра моросит. И с утра задувает.
А рядом дорога. И грохот колес.
Большие заводы. Гудки электрички.

Я здесь задержался.
Живу.
Но не врос.
Ни дача, ни город,
Тоска без привычки.
Быть может, во мне не хватает огня,
Я, может, уже недостаточно молод...
Но осень не манит в дорогу меня —
В ней нынче одни только сырость и холод.

И ноги ступают по тусклой траве.
Все краски пропали. Погода такая.
Но изредка солнце скользнет по листве —
И желтым и красным листва засверкает.
Как знамя, она запылает в огне
Подспудного боя.
И станет мне ясно,
Что жизнь продолжается где-то вовне,
Все так же огромна, остра и опасна.
Да! Осени я забываю язык.
Но все ж временами
сквозь груз настроенья,

Сливаюсь,
как прежде сливаться привык,
С ее напряженным и грустным гореньем.
И, может быть, будет еще один год.
Год жизни —
борьбы с умираньем и скверной.
Пусть будет тоска. Но усталость пройдет.
Пусть всё будет больно, но всё — достоверно.
Порывы свирепы. Не бойся. Держись.
Здесь все на учете: и силы, и годы.
Ведь осень всегда беспощадна, как жизнь —
Контрольный налет первозданной природы.
И в кронах горят желтизна и багрец.
Как отсвет трагедий,
доступных не очень...
Для дерева — веха.
Для листьев — конец.
А чем для меня ты окажешься, осень?

1957

*

Шла вновь назад в свою судьбу плохую.
Решительно. Свирепо. Чуть дыша...
Борясь с тоской и жалобно тоскуя,
Всем, что в ней было, мне принадлежа.
Шла с праздника судьбы в свой дом убогий.
Шла противозаконно в дом не мой.
Хотя моими были даже ноги,
Которые несли её домой.

1958

ЛЕНИН В ГОРКАХ

Пусть много смог ты, много превозмог
И даже мудрецом меж нами признан.
Но жизнь — есть жизнь. Для жизни ты не бог,
А только проявленье этой жизни.
Не жертвуй светом, добывая свет!
Ведь ты не знаешь, что творишь на деле.
Цель средства не оправдывает... Нет!
У жизни могут быть иные цели.
Иль вовсе нет их. Есть пальба и гром.
Мир и война. Гниенье и горенье.
Извечная борьба добра со злом,
Где нет конца и нет искорененья.
Убить. Тут надо ненависть призвать.
Преодолеть черту. Найти отвагу.
Во имя блага проще убивать!..
Но как нам знать, какая смерть во благо?
У жизни свой, присущий, вечный ход.
И не присуща скорость ей иная.
Коль чересчур толкнуть её вперед,
Она рванет назад, давя, ломая.
Но человеку душен плен границ,
Его всё время нетерпенье гложет
И перед жизнью он склониться ниц, —
Признать её незыблемость — не может.
Он всё отдать, всё уничтожить рад.
Он мучает других и голодает...
Всё гонится за призраком добра,
Не ведая, что сам он зло рождает.
А мы за ним. Вселенная, держись!

Нам головы не жаль — нам всё по силам.
Но всё проходит. Снова жизнь, как жизнь.
И зло, как зло. И, в общем, всё, как было.
Но тех, кто не жалел себя и нас,
Пытаясь вырваться из плена буден,
В час отрезвленья, в страшный горький час
Вы всё равно не проклинайте, люди...

...В окне широком свет и белый снег.
На ручках кресла зайчики играют...
А в кресле неподвижный человек. —
Молчит. Он знает сам, что умирает.
Над ним любовь и ненависть горит.
Его любой врагом иль другом числит.
А он уже почти не говорит.
Слова ушли. Остались только мысли.
Смерть — демократ. Подводит всем черту.
В ней беспристрастье есть, как в этом снеге.
Ну что ж: он на одну лишь правоту
Из всех возможных в жизни привилегий
Претендовал... А больше ни на что.
Он привилегий и сейчас не просит.
Парк за окном стоит, как лес густой,
И белую порошу ветер носит.
На правоту... Что значит правота?
И есть ли у нее черты земные.
Шумят-гудят за домом провода
И мирно спит, уйдя в себя, Россия.
Ну что ж! Ну что ж! Он сделал всё, что мог,
Устои жизни яростно взрывая...

И всё же не подводится итог. —
Его наверно в жизни — не бывает.

1956

*

Роса густа, а роща зелена,
И воздух чист, лишь терпко пахнет хвоя...
Но между ними и тобой — стена.
И ты уже навек за той стеною.

Как будто трудно руку протянуть,
Все ощутить, проснуться, как от встряски...
Но это зря — распалась жизни суть,
А если так, то чем помогут краски?

Зачем в листве искать разводья жил
И на заре бродить в сыром тумане...
Распалось все, чем ты дышал и жил,
А эта малость стоит ли вниманья.

И равнодушьем обступает тьма.
Стой! Встрепенись! Забудь о всех потерях,
Ведь эта малость — это жизнь сама,
Её начало и последний берег.

Тут можно стать, весенний воздух пить,
И, как впервые, с лесом повстречаться...
А остального может и не быть,
Все остальное может здесь начаться.

Так не тверди: не в силах, не могу!
Войди во все, пойми, что это чудо,
И задержись на этом берегу!..
И, может, ты назад пойдешь отсюда.

1958

ПЕСНЯ, КОТОРОЙ ТЫСЯЧА ЛЕТ

Это старинная песня,
которая вечно нова.
Г. Гейне

Старинная песня.
Ей тысяча лет:
Он любит её,
А она его — нет.

Столетья сменяются,
Вьюги метут,
Различными думами
Люди живут.

Но так же упорно
Во все времена
Его почему-то
Не любит она.

А он — и страдает,
И очень влюблен...
Но только, позвольте,
Да кто ж это — он?

Кто? — Может быть, рыцарь,
А, может, поэт,
Но факт, что она
Его счастье и свет.

Что в ней он нашел
Озаренье свое,
Что страшно остаться
Ему без неё.

Но сделать не может
Он здесь ничего...
Кто ж это она,
Что не любит его?

Она? — Совершенство.
К тому же она
Его на земле
Понимает одна.

Она всех других
И нежней и умней.
А он лучше всех
Это чувствует в ней...

Но всё-таки, всё-таки
Тысячу лет
Он любит её,
А она его — нет.

И всё же ей по сердцу
Больше другой —
Не столь одержимый,
Но всё ж неплохой.

Хоть этот намного
Скучнее того
(Коль древняя песня
Не лжет про него).

Но песня всё так же
Звучит и сейчас,
А я ведь о песне
Веду свой рассказ.

Признаться, я толком
И сам не пойму:
Ей по сердцу больше другой...
Почему?

Так глупо
Зачем выбирает она?
А может, не скука
Ей вовсе страшна?

А просто как люди
Ей хочется жить...
И холодно ей
Озареньем служить.

Быть может... Не знаю.
Ведь я же не бог.
Но в песне об этом
Ни слова. Молчок.

А может, и рыцарь
Вздыхать устает.
И сам наконец
От неё отстает:

И тоже становится
Этим другим —
Не столь одержимым,
Но всё ж неплохим.

И слышит в награду
Покорное: «да»...
Не знаю. Про то
Не поют никогда.

Не знаю, как в песне,
А в жизни земной
И то и другое
Случалось со мной.

Так что ж мне обидно,
Что тысячу лет
Он любит её,
А она его — нет?

1958

БАЛЛАДА О СОБСТВЕННОЙ ГИБЕЛИ

Я — обманутый в светлой надежде,
Я — лишенный Судьбы и души —
Только раз я восстал в Будапеште
Против наглости, гнета и лжи.

Только раз я простое значенье
Громких фраз — ощутил наяву.
Но потом потерпел пораженье
И померк. И с тех пор — не живу.

Грубой силой — под стоны и ропот —
Я убит на глазах у людей.
И усталая совесть Европы
Примирилась со смертью моей.

Только глупость, тоска и железо...
Память — стерта. Нет больше надежд.
Я и сам никуда уж не лезу...
Но не предал я свой Будапешт.

Там однажды над страшною силой
Я поднялся — ей был несродни.
Там и пал я... Хоть жил я в России. —
Где поныне влачу свои дни.

1956

*

Я пью за свою Россию,
С простыми людьми я пью.
Они ничего не знают
Про страшную жизнь мою.
Про то, что рожден на гибель
Каждый мой лучший стих...
Они ничего не знают,
А эти стихи для них.

1959

*

Пусть рвутся связи, меркнет свет,
Но подрастают в семьях дети...
Есть в мире Бог иль Бога нет,
А им придется жить на свете.

Есть в мире Бог иль нет Его,
Но час пробьет. И станет нужно
С людьми почувствовать родство,
Заполнить дни враждой и дружбой.

Но древний смысл того родства
В них будет брезжить слишком глухо —
Ведь мы бессвязные слова
Им оставляем вместо духа.

Слова трусливой суеты,
Нас утешавшие когда-то,
Недостоверность пустоты,
Где зыбки все координаты...

...Им всё равно придется жить:
Ведь не уйти обратно в детство,
Ведь жизнь нельзя остановить,
Чтоб в ней спокойно оглядеться.

И будет участь их тяжка,
Времен прервется связь живая,
И одиночества тоска
Обступит их, не отставая.

Мы не придем на помощь к ним
В борьбе с бессмыслицей и грязью.
И будет трудно им одним
Найти потерянные связи.

Так будь самим собой, поэт,
Твой дар и подвиг — воплощенье.
Ведь даже горечь — это свет,
И связь вещей, и их значенье.

Держись призванья своего!
Ты загнан сам, но ты в ответе:
Есть в мире Бог иль нет Его —
Но подрастают в семьях дети.

1959

НА ДРУГА-ПОЭТА

Он комиссаром быть рожден.
И, облечен разумной властью,
Людские толпы гнал бы он
К непонятому ими счастью.
Но получилось всё не так:
Иная жизнь, иные нормы...
И комиссарит он в стихах —
Над содержанием и формой.

1959

СТИХИ ОБ ИЗМЕНЕ ИСКУССТВУ

Не знал я горя и печали,
Когда не раз, не два, не пять
Твердил о том,
чего не знали,
Но были рады осознать.

И обрастал я тесным кругом
Друзей... Был полон свежих сил.
Желанным гостем, лучшим другом
Почти для всех тогда я был.

И жил с простым и ясным чувством.
Всегда был к месту каждый жест:
Знать назначение искусства —
Не нарушать обмен веществ...

...А нынче глохнут ощущенья,
Меж мной и словом сотни стен —
Знать, я иному назначенью
Служу, —
нарушив тот обмен.

Служу!
И люди воровато
Меня обходят за версту.
И тесный круг, что был когда-то,
Вдруг превратился в пустоту.

Но словно суть моя — иная,
Теперь я
каждый раз опять
Твержу о том, что сами знают...
Но что боятся осознать.

1960

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Писал один поэт:
О небогатой доле.
«На свете счастья нет,
Но есть покой и воля».

Хотел он далеко
Бежать. Не смог, не скрылся.
А я б теперь легко
С той долей примирился.

И был бы мной воспет
По самой доброй воле
Тот мир, где счастья нет,
Но есть покой и воля.

Что в громе наших лет
Звучало б так отчасти:
«На свете счастья нет,
Но есть на свете счастье».

1960

ВАРИАЦИИ ИЗ НЕКРАСОВА

...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони — всё скачут и скачут.
А избы — горят и горят.

1960

*

Наверно, я не так на свете жил,
Не то хотел и не туда спешил.
А надо было просто жить и жить
И никуда особо не спешить.
Ведь от любой несбывшейся мечты
Зияет в сердце полость пустоты.

Я так любил. Я так тебя берег.
И так ничем тебе помочь не мог.
Затем, что просто не хватало сил.
Затем, что я не так на свете жил.
Я жил не так. А так бы я живи, —
Ты б ничего не знала о любви.

1960

*

Ты сама проявила похвальное рвенье,
Только ты просчиталась на самую малость.
Ты хотела мне жизнь ослепить на мгновенье,
А мгновение жизнью твоей оказалось.
Твой расчет оказался придуманным вздором.
Ты ошиблась в себе, а прозренье — расплата.
Не смогла ты холодным блеснуть метеором,
Слишком женщиной — нежной и теплой —
была ты.
Ты не знала про это, но знаешь сегодня,
Заплативши за знанье жестокую цену.
Уходила ты так, словно впрямь ты свободна,
А вся жизнь у тебя оказалась изменой.
Я прощаюсь сегодня с несчастьем и счастьем,
Со свиданьями тайными в слякоть сплошную.
И с твоим увяданьем. И с горькою властью
Выпрямлять твое тело одним поцелуем...

Тяжело, потому что прошедшие годы
Уж другой не заполнишь, тебя не забудешь,
И что больше той странной, той ждущей чего-то
Глупой девочкой — ни для кого ты не будешь.

1960

РАФАЭЛЮ

(После спора об искусстве)

Не ценят знанья тонкие натуры.
Искусство любит импульсов печать.

Мы ж, Рафаэль, с тобой — литература!
И нам с тобой здесь лучше промолчать.

Они в себе себя ценить умеют.
Их мир — оттенки собственных страстей.
Мы ж, Рафаэль, с тобой куда беднее —
Не можем жить без Бога и людей.

Их догмат — страсть. А твой — улыбка счастья.
Твои спокойно сомкнуты уста.
Но в этом слиты все земные страсти,
Как в белом цвете слиты все цвета.

1960

ИНЕРЦИЯ СТИЛЯ

Стиль — это человек.
Бюффон

В жизни, в искусстве, в борьбе, где тебя победили,
Самое страшное — это инерция стиля.
Это — привычка, а кажется, что ощущенье.
Это стихи ты закончил, а нет облегченья.
Это — ты весь изменился, а мыслишь, как раньше.
Это — ты к правде стремишься, а лжешь, как
обманщик.

Это — душа твоя стонет, а ты — не внимаешь.
Это — ты верен себе, и себе — изменяешь.
Это — не крылья уже, а одни только перья,
Это — уже ты не веришь — боишься неверья.

Стиль — это мужество. В правде себе признаваться!
Все потерять, но иллюзиям не предаваться —
Кем бы ни стать — ощущать себя только собою,
Даже пускай твоя жизнь оказалась пустою,
Даже пускай в тебе сердца теперь уже мало...
Правда конца — это тоже возможность начала.
Кто осознал пораженье, — того не разбили...

Самое страшное — это инерция стиля.

1960

*

Ни трудом и ни доблестью
Не дорос я до всех.
Я работал в той области,
Где успех — не успех.
Где тоскуют неделями,
Коль теряется нить,
Где труды от безделия
Нелегко отличить...
Но куда же я сунулся?
Оглядеться пора!
Я в годах, а как в юности —
Ни кола, ни двора,
Ни защиты от подлости, —
Лишь одно, как на грех:

Стаж работы в той области,
Где успех — не успех...

1960

КОМИССАРЫ

(Элегия)

Булату Окуджаве

Где вы, где вы?
В какие походы
Вы ушли из моих городов?..
Комиссары двадцатого года,
Я вас помню с тридцатых годов.
Вы вели меня в будни глухие,
Вы искали мне выход в аду,
Хоть вы были совсем не такие,
Как бывали в двадцатом году.
Озаренней, печальнее, шире,
Непригодней для жизни земной...
Больше дела вам не было в мире,
Как в тумане скакать предо мной.
Словно все вы от части отстали,
В партизаны ушли навсегда...
Нет, такими вы не были — стали,
Продираясь ко мне сквозь года.
Вы легко побеждали, но все же
Оставались всегда ни при чем.
Лишь в Мадриде встречали похожих,
Потому что он был обречен.
О, как вы отрешенно скакали,
Зная правду, но веру храня.
И меня за собой увлекали,
Отрывали от жизни меня...
И летел я, коня погоняя,

Прочь куда-то, в пыли и в дыму.
Почему — я теперь уже знаю,
А куда — до сих пор не пойму.
Я не думал о вашей печали,
Я скорбел, что живу, как во сне,
Но однажды одни вы умчались
И с тех пор не являлись ко мне.
И пошли мои взрослые годы...
В них не меньше любви и огня...
Но скажите, в какие походы
Вы идете теперь — без меня?

1960

ЛЕНИНГРАД

Он был рожден имперской стать столицей.
В нем этим смыслом всё озарено.
И он с иною ролью примириться
Не может.
И не сможет все равно.

Он отдал дань надеждам и страданьям.
Но прежний смысл в нем всё же не ослаб.
Имперской власти не хватает зданьям,
Имперской властью грезит Главный Штаб.

Им целый век в иной эпохе прожит.
А он грустит, хоть эта грусть — смешна.
Но камень изменить лица не может, —
Какие б ни настали времена.
В нем смысл один, — неистребимый, главный,
Как в нас всегда одна и та же кровь.
И Ленинграду снится скиптр державный, —
Как женщине покинутой —
любовь.

1960

*

Пусть с каждым днем тебе труднее —
И сам ты плох, и всё — не так,
Никто тебя не пожалеет,
Когда прочтет о том в стихах.

Как жить на свете ни мешали б,
Как дни бы ни были трудны,
Чужие жалобы смешны:
Поэзия — не книга жалоб.

Но все застынут пред тобою,
Когда ты их — себя скрепя —
Ожгёшь необходимой болью,
Что возвращает всем — себя.

1960

✳

Он собирался многое свершить,
Когда не знал про мелочное бремя.
А жизнь ушла
на то, чтоб жизнь прожить.
По мелочам.
Цените, люди, время.

Мы рвёмся к небу, ползаем в пыли,
Но пусть всегда, везде горит над всеми:
Вы временные жители земли!
И потому — *цените, люди, время!*

1961

ДЕТИ В ОСВЕНЦИМЕ

Мужчины мучали детей.
Умно. Намеренно. Умело.
Творили будничное дело,
Трудились — мучали детей.

И это каждый раз опять, —
Кляня, ругаясь без причины...
И детям было не понять,
Чего хотят от них мужчины.

За что — обидные слова,
Побои, голод, псов рычанье?
И дети думали сперва,
Что это за непослушанье.

Они представить не могли
Того, что было всем открыто:
По древней логике земли,
От взрослых дети ждут защиты.

А дни все шли, как смерть страшны,
И дети стали образцовы,
Но их все били.
Так же.
Снова.
И не снимали с них вины.

Они хватались за людей.
Они молили. И любили.
Но у мужчин «идеи» были,
Мужчины мучали детей.

Я жив. Дышу. Люблю людей,
Но жизнь бывает мне постыла,
Как только вспомню: это — было.
Мужчины мучали детей.

1961

*

У меня любимую украли,
Втолковали хитро ей свое.
И вериги долга и морали
Радостно надели на нее.

А она такая ж, как и прежде,
И ее теперь мне очень жаль.
Тяжело ей — нежной — в той одежде
И зачем ей — чистой — та мораль.

1961

*

Брожу целый день по проспектам прямым
И знаю — тут помнят меня молодым.
Веселым. Живущим всегда нелегко,
Но верящим в то, что шагать — далеко.
Что если пока и не вышел я в путь,
Мне просто мешают, как надо, шагнуть.
Но только дождусь я заветного дня,
Шагну — и никто не догонит меня.

Я ждал. Если молод — надейся и жди.
А город — он тоже был весь впереди.
Он рос, попирая засохший ковыль.
В нем ветер крутил августóвскую пыль.
Он не был от пыли ничем защищен...
Но верил, надеялся, строился он.

И я не страданьем тут жил и дышал.
Напор созиданья меня заражал.
И был он сильнее неправды и зла...
А, может быть, все это юность была.
Но если кручина являлась во сне,
Причина была не во мне, а вовне.

Так было... А после я жил, как хотел,
И много исполнил задуманных дел.
И многое понял. И много пронес.
И плакал без слез. И смеялся до слез.
И строки руками таскал из огня...
(За что теперь многие любят меня.)

Был счастлив намеком, без злобы страдал.
И даже не знал, что с годами устал.

Но вдруг оказалось, что хочется в тень,
Что стало дышать мне и чувствовать лень.

Вот нынче в какую попал я беду!
Никто не мешает — я сам не иду.
И снова кручина. Я вновь, как во сне.
Но только причина — теперь не вовне...

...И вот я, как в юность, рванулся сюда.
В мой город... А он — не такой, как тогда.
Он в зрелую пору недавно вступил,
Он стал властелином в притихшей степи.
И пыль отступила пред ростом его.
И больше не надо напора того,
Который спасал меня часто тогда.
Того, за которым я ехал сюда.

Здесь был неуют, а теперь тут — уют.
Здесь трезвые парочки гнездышки вьют.
И ищут спокойно, что могут найти.
И строят свой город с восьми до пяти.
А кончат — и словно бы нет их в живых —
Душой отдыхают в квартирах своих.
И всё у них дома — и сердце и мысль.
А если выходят — так только пройтись.

Работа и отдых! На что ж я сержусь?
Не знаю — я сам не пойму своих чувств.

Я только брожу по проспектам прямым,
По городу, бывшему раньше моим,
И с каждым кварталом острей сознаю,
Что ВРЕМЯ закончило юность мою.
И лучше о прежнем не думать тепле —
По-новому счастья искать на земле.

Август-сентябрь 1961 — Караганда.
Найдено и доработано 19-20 мая 1968 года — Москва

КАТАЛОГ «СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСОК»

(Памяти Марины Цветаевой)

Поколенье, где краше
Был — кто жарче страдал.
М. Цветаева

Тут не шёпот гадалок:
Мол, конец уже близок —
Мартиролог — каталог
«Современных записок»

Не с изгнаньем свыкались,
Не страдали спесиво —
Просто так, задыхались
Вдалеке от России.

Гнет вопросов усталых:
«Ах, когда ж это будет?»
Мартиролог — каталог
Задохнувшихся судеб.

Среди пошлости сытой
И презренья к несчастью —
Мартиролог открытий,
Верных только отчасти.

Вера в разум средь ночи,
Где не лица, а рожи, —
Мартиролог пророчеств.
Подтвердившихся. Позже.

Не кормились — писали,
Не о муках — о деле.
Не спасались — спасали,
Как могли и умели.

Не себя возносили
И не горький свой опыт —
Были болью России
О закате Европы.

Не себя возносили,
Хоть открыли немало, —
Были знаньем России!..
А Россия — не знала.

А Россия мечтала
И вокруг не глядела,
А Россия считала:
Это плёвое дело.

Шла в штыки, бедовала —
Как играла в игрушки.
...И опять открывала,
Что на свете был Пушкин.

1962

БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ В РИГЕ

Кто на кладбище ходит, как ходят в музеи,
А меня любопытство не гложет — успею.
Что ж я нынче брожу, как по каменной книге,
Между плитами Братского кладбища в Риге?

Белых стен и цементных могил панорама.
Матерь-Латвия встала, одетая в мрамор.
Перед нею рядами могильные плиты,
А под этими плитами — те, кто убиты. —
Под знаменами разными, в разные годы,
Но всегда — за нее, и всегда — за свободу.

И лежит под плитой русской службы полковник,
Что в шестнадцатом пал без терзаний духовных.
Здесь, под Ригой, где пляжи, где крыши косые,
До сих пор он уверен, что это — Россия.

А вокруг всё другое — покой и Европа,
Принимает парад генерал лимитрофа.
А пред ним на безмолвном и вечном параде
Спят солдаты, отчизны погибшие ради.
Независимость — вот основная забота.
День свободы — свободы от нашего взлета,
От сиротского лиха, от горькой стихии,
От латышских стрелков, чьи могилы в России,
Что погибли вот так же, за ту же свободу,
От различных врагов и в различные годы.
Ах, глубинные токи, линейные меры,
Невозвратные сроки и жесткие веры!

Здесь лежат, представляя различные страны,
Рядом — павший за немцев и два партизана.
Чтим вторых. Кто-то первого чтит, как героя.
Чтит за то, что он встал на защиту покоя.
Чтит за то, что он мстил, — слепо мстил и сурово
В сорок первом за акции сорокового.
Всё он — спутал. Но время всё спутало тоже.
Были разные правды, как плиты, похожи.
Не такие, как он, не смогли разобраться.
Он погиб. Он уместен на кладбище Братском.

Тут не смерть. Только жизнь, хоть и кладбище это...
Столько лет длится спор и конца ему нету,
Возражают отчаянно павшие павшим
По вопросам, давно остроту потерявшим.
К возражениям добавить спешат возражения.
Не умеют, как мы, обойтись без решения.

Тишина. Спят в рядах разных армий солдаты,
Спорят плиты — где выбиты званья и даты.
Спорят мнение с мнением в каменной книге.
Сгусток времени — Братское кладбище в Риге.

Век двадцатый. Всех правд острия ножевые.
Точки зренья, как точки в бою огневые.

1962

НА ШВЕЙНОЙ ФАБРИКЕ В ТИРАСПОЛЕ

Не на каторге. Не на плахе.
Просто цех и станки стучат.
Просто девушки шьют рубахи
Для абстрактных чужих ребят.

Механически. Всё на память:
Взлет руки — а потом опять.
Руки! Руки!
Ловить губами
Вас в полете.
И целовать!

Кожа тонкая... Шеи гнутся...
Косы спрятаны — так у всех.
Столько нежности! Задохнуться!
Только некому — женский цех...

Знаю: вам этих слов — не надо.
Знаю: жалость — не тот мотив.
Вы — не девушки. Вы — бригада!
Вы прославленный коллектив!

Но хочу, чтоб случилось чудо:
Пусть придут моряки сюда
И вас всех разберут отсюда,
С этой фабрики Комтруда!

1962

*

Видать, была любовью
Ты всё ж в моей судьбе.
Душой, губами, кровью
Тянулся я к тебе.
И жизнь внезапно цену
Иную обрела.
И всё твоя измена
Под корень подсекла.

Что ж... Пусть... Живу теперь я
Неплохо. Ничего.
Не верю в счастье. Верю,
Что можно без него.
И жизнь на сон похожа,
И с каждым днем я злей.
И ты, наверно, тоже
Живешь не веселей.

Безверье и усталость
В душе, в судьбе, в крови...
Приходит рано старость
К живущим без любви.

1962

ЗЕМЛЯЧКАМ

Снова Киев.
И девушки
нежной, певучей осанки:
Все — такие, как вы.
Но не встретить на улицах вас,
Довоенные девочки,
детство мое, —
киевлянки!
Мои взрослые сверстницы,
где вы и как вы сейчас?
Я не к вашим ногам
припадал молодыми губами,
Все не вам объяснял,
что пытался себе объяснить.
Я оставил вас в детстве,
одних,
словно мертвую память, —
Обронил, словно можно
частицу себя обронить.
Мы встречались порой.
Говорили.
Мне некогда было:
Я проделывал путь,
пробивая дорогу плечом.
Боль эпохи моей
подняла меня,
сердце пронзила,
Отделила от вас,
словно были вы здесь ни при чем.

Словно это не вы
и не горькие ваши романы,
Ваши браки, разводы,
смятенья
и схватки с тоской.
Той любви, что хотели,
мечтали о ней постоянно, —
Той любви вдруг не стало,
а вы не умели с другой.
Знал я это,
но знал не про вас.
Я разыгрывал роли.
От безвкусицы южной зверел,
вам не верил порой...
Чушь.
Ведь боль остается
в любой аффектации — болью.
А судьба остается
в любом проявленьи — судьбой...
Что же делать?
Живем.
И дела наши вовсе не плохи.
Если что и не так —
это всё-таки жизнь, а не крест.
За гарантию счастья
не спросишь с минувшей эпохи.
За любовь не получишь
с давно отшумевших торжеств.
Но не вы эти девушки
нежной, певучей осанки,

Что спешат,
как спешили,
сияя доверием
вы.
Я ищу вас везде.
Я такой же, как вы, киевлянки, —
Та же южная кровь,
лишь обдутая ветром Москвы.
Я такой же, как вы.
Так откуда в душе ощущенье
Самой подлой вины,
словно стал я банкротом сейчас.
Словно мог я вас всех полюбить,
увести от крушенья,
Все мечты вам спасти —
и по глупости только
не спас.

1962

*

Мой ритм заглох. Живу, как перед казнью. —
Бессмысленно гляжу на белый свет,
Про все забыв... И строчка в строчке вязнет.
Не светятся слова — в них связи нет.

Где ж эта связь? Иль впрямь лишь сам собою
Я занят был, бунтуя и кляня...
А связей — нет. И, значит, впрямь пустое
Всё, чем я жил,
за что убьют меня.

А смерть грозит. Грозит кровопролитье.
Оно придет — пиши иль не пиши.
Какой тут ритм! Кому нужны открытья
Подспудных связей жизни и души?

Все связи — рвутся. Всем — грозит стихия.
Российский бунт несет не свет, а тьму...
Пусть даже Бог опять спасет Россию,
Коль этот труд не надоел Ему.

Пусть даже вновь потом откроют право...
Нет ритма. Вижу кровь, а не зарю.
И не живу.
Как кролик на удава,
Глаз не сводя, в грядущее смотрю.

1962

ТАНЦЫ

Последний автобус подъехал
К поселку. И выдохся он.
И ливнем дурачеств и смеха
Ворвались девчонки в салон.

Ах, танцы!.. Вы кончились к ночи.
Пусть!.. Завтра начнется опять!
И было им весело очень
В полночный автобус вбегать.

Глаза их светились, а губы
Гореть продолжали в огне.
Ах, танцы!.. Поэзия клубов! —
Вовек не давались вы мне.

Они хохотали счастливо,
Шумели, дуря напролом.
Неужто родил этот ливень
Оркестра фабричного гром?

А может, не он, а блистанье,
А битва, где всё — наугад.
Всё — в шутку, и всё — ожиданье,
Всё — трепет: когда пригласят?

...Срок выйдет, и это случится.
На миг остановится вихрь.
Всё смолкнет. И всё совершится.
Но жизнь завершится в тот миг.

Всё будет: заботы, усталость,
Успехи, заботы опять.
Но трепет замрет. Не осталось
У сердца причин трепетать.

Останется в гости хожденье,
И песни, и танцы подчас.
Но это уже развлеченье,
А речь не об этом у нас.

Скучать? А какая причина?
Ведь счастье! Беречь научись.
И — глупо. Скучают мужчины,
На женщинах держится жизнь.

Всё правда... Но снова и снова
Грущу я, смешной человек,
Что нет в них чего-то такого,
Чему и не сбыться вовек.

Что всё освещает печалью,
Надеждой и светом маня,
С чем вместе — мы вечно в начале —
Всю жизнь до последнего дня.

Обидно... Но я к ним не сунусь
Корить их. Не их это грех.
Пусть пляшут, пусть длится их юность,
Пусть дольше звучит этот смех!

А ты... Ах, что было, то сплыло.
Исчезло, и в этом ли суть?
Я знаю — в тебе это было,
Всё было — да толку-то чуть.

Где чувства твои непростые?
Что вышло? Одна маята!
Пусть пляшут! Они — не пустые.
В них жизнь, а она — не пуста.

А завтра на смену опять им...
Ну что ж!.. отстоят... Ерунда...
И наскоро выгладят платья,
И вновь, как на службу, сюда.

Чтоб сердце предчувствием билось,
Чтоб плыть по волне за волной.
Чтоб дело их жизни творилось
Не ими, а жизнью самой.

1963

ГРУСТНАЯ САМОПАРОДИЯ

Нелепая песня
Заброшенных лет.
Он любит ее,
А она его — нет.

Ты что до сих пор
Дуришь голову мне,
Чувствительный вздор,
Устаревший вполне?

Сейчас распевают
С девчоночьих лет:
— Она его любит,
А он ее — нет.

Да, он ее Знамя.
Она — его мед.
Ей хочется замуж.
А он — не берет.

Она бы сумела
Парить и пленять,
Да он не охотник
Глаза поднимать.

И дать ему счастье
Не хватит ей сил.
Сам призрачной власти
Ее он лишил...

Все правда. Вот песня
Сегодняшних дней.
Я сам отдаю
Предпочтение ей.

Но только забудусь,
И слышу в ответ:
«Он любит ее,
А она его — нет».

И сам повторяю,
Хоть это не так.
Хоть с этим не раз
Попадал я впросак.

Ах, песня! Молчи,
Не обманывай всех.
Представь, что нашелся
Такой человек.

И вот он, поверя
В твой святочный бред,
Всё любит ее,
А она его — нет.

Подумай, как трудно
Пришлось бы ему...
Ведь эти пассажи
Ей все — ни к чему.

Совсем не по чину
Сия благодать.
Ей тот и мужчина,
Кому наплевать.

Она посмеется
Со злостью слепой
Над тем, кто ее
Вознесет над собой

И встанет с ним рядом,
Мечтая о том,
Как битой собакой
Ей быть при другом.

А этот — для страсти
Он, видимо, слаб.
Ведь нет у ней власти,
А он — ее раб.

Вот песня. Ты слышишь?
Так шла бы ты прочь.
Потом ты ему
Не сумеешь помочь.

А, впрочем, — что песня?
Ее ли вина,
Что в ней не на месте
Ни он, ни она.

Что всё это спорит
С подспудной мечтой.
И в тайном разладе
С земной красотой.

Но если любовь
Вдруг прорвется на свет,
Вновь: он ее любит,
Она его — нет.

Хоть прошлых веков
Свет не вспыхнет опять.
Хоть нет дураков
Так ходить и страдать.

Он тоже сумел бы
Уйти от нее.
Но он в ней нашел
Озаренье свое.

Но манит, как омут,
Ее глубина,
Чего за собой
И не знает она.

Не знает, не видит,
Пускай! Ничего.
Узнает! Увидит!
Глазами его.

Есть песня одна
И один только свет:
Он любит ее,
А она его — нет.

1962

НА ПОЛЕТ ГАГАРИНА

Шалеем от радостных слёз мы.
А я не шалею — каюсь.
Земля — это тоже космос.
И жизнь на ней — тоже хаос.

Тот хаос — он был и будет.
Всегда — на земле и в небе.
Ведь он не вовне — он в людях.
Хоть он им всегда враждебен.

Хоть он им всегда мешает,
Любить и дышать мешает...
Они его защищают,
Когда себя защищают.
И сами следят пристрастно,
Чтоб был он во всем на свете...

...Идти сквозь него опасней,
Чем в космос взлетать в ракете.
Пускай там тарелки, блюдца,
Но здесь — пострашней несчастья:
Из космоса — можно вернуться,
А здесь — куда возвращаться.

...Но всё же с ним не смыкаясь
И ясным чувством согреты,
Идут через этот хаос
Художники и поэты.
Печально идут и бодро.

Прямо идут — и блуждают.
Они человеческий образ
Над ним в себе утверждают.
А жизнь их встречает круто,
А хаос их давит — массой.
...И нет на земле институтов
Чтоб им вычерчивать трассы.
Кустарность!.. Обидно даже:
Такие открытья... вехи...
А быть человеком так же
Кустарно — как в пятом веке.

Их часто встречают недобро,
Но после всегда благодарны
За свой сохраненный образ,
За тот героизм — кустарный.
Средь шума гремящих буден,
Где нет минуты покоя,
Он всё-таки нужен людям,
Как нужно им быть собою.
Как важно им быть собою,
А не пожимать плечами...

...Москва встречает героя,
А я его — не встречаю.

Хоть вновь для меня невольно
Остановилось время,
Хоть вновь мне горько и больно
Чувствовать не со всеми.
Но так я чувствую всё же,

Скучаю в праздники эти...
Хоть, в общем, не каждый может
Над миром взлететь в ракете.
Нелёгкая это работа,
И нервы нужны тут стальные...
Всё правда... Но я полёты,
Признаться, люблю другие.
Где всё уж не так фабрично:
Расчеты, трассы, задачи...
Где люди летят от личной
Любви — и нельзя иначе.
Где попросту дышат ею,
Где даже не нужен отдых...
Мне эта любовь важнее,
Чем ею внушённый подвиг.

Мне жаль вас, майор Гагарин,
Исполнивший долг майора.
Мне жаль... Вы хороший парень,
Но вы испортитесь скоро.
От этого лишнего шума,
От этой сыгранной встречи,
Вы сами начнете думать,
Что вы совершили нечто, —
Такое, что люди просят
У неба давно и страстно.
Такое, что всем приносит
На унцию больше счастья.
А людям не нужно шума.
И всё на земле иначе.

И каждому вредно думать,
Что больше он есть, чем он значит.

Всё в радости: — сон ли, явь ли, —
Такие взяты высоты.
Мне ж ясно — опять поставлен
Рекорд высоты полёта.
Рекорд!
...Их эпоха нижет
На нитку, хоть судит строго:
Летали намного ниже,
А будут и выше намного...

А впрочем, глядите: дружно
Бурлит человечья плазма.
Как будто всем космос нужен,
Когда у планеты — астма.
Гремите ж вовсю, орудья!
Радость сия — велика́ есть:
В Космос выносят люди
Их победивший
Хаос.

1961

*

Это чувство, как проказа.
Не любовь. Любви тут мало.
Всё в ней было: сердце, разум...
Всё в ней было, всё пропало.

Свет затмился. Правит ею
Человек иной породы.
Ей теперь всего нужнее
Всё забыть — ему в угоду.

Стать бедней, бледней, бесстрастней...
Впрочем — «счастье многолико»...
Что ж не светит взор, а гаснет?
Не парит душа, а никнет?

Ты в момент ее запомнишь
Правдой боли, силой страсти.
Ты в глазах прочтешь: «На помощь»!
Жажду взлета. Тягу к счастью.

И рванешься к ней... И сразу
В ней воскреснет всё, что было.
Не надолго. Здесь — проказа:
Руки виснут: «Полюбила».

Не взлететь ей. Чуждый кто-то
Стал навек ее душою.
Всё, что в ней зовет к полету,
Ей самой давно чужое.

И поплатишься сурово
Ты потом, коль почему-то
В ней воскреснет это снова,
Станет близким на минуту.
. . . . . .

Этот бред любовью назван.
Что ж вы, люди! Кто так судит?
Как о счастье — о проказе,
О болезни — как о чуде?

Не любовь — любви тут мало.
Тут слепая, злая сила. —
Кровь прожгла и жизнью стала,
Страсть от счастья — отделила.

1963

ЧЕРЕЗ МНОГО ЛЕТ

Сдаешься. Только молишь взглядом:
И задушить, и не душить.
И задавать вопрос не надо —
А как ты дальше будешь жить?

Наверно, так, как и доселе.
И так же в следующий раз
В глазах бледнее будет зелень
И глубже впадины у глаз.

И я — все сдержанней и злее —
Не признавать ни слов, ни слез...
Но будет каждый раз милее
Всё это. — Всё, что не сбылось.

1960

МАСШТАБЫ

Мы всюду,
бредя взглядом женским,
Ища строку иль строя дом,
Живем над пламенем вселенским,
На тонкой корочке живем.

Гордимся прочностью железной,
А между тем
в любой из дней,
Как детский мячик,
в черной бездне
Летит земля.
И мы на ней.
Но все масштабы эти помня,
Своих забыть —
нам не дано.
И берег —
тверд.
Земля — огромна.
А жизнь — серьезна. Всё равно.

1963

НА КОНЦЕРТЕ ВАГНЕРА

Сидишь ты, внимая, не споря...
А Вагнер еще не раскрыт.
Он звуков стеклянное море
Над нами сомкнул — и гремит.

Гремит! И весь мир заколдован,
Весь тянется к блеску слюды...
И вовсе не надо другого,
Солёного моря воды!

Тепла его, ласки, лазури,
И неба, и даже земли...
Есть только стеклянная буря
И берег стеклянный — вдали...

Там высь — в этом призрачном гуле,
Там можно кружить — но не быть.
Там духи стоят в карауле,
Чтоб нам на стекло не ступить.

Нас Вагнер к себе не пускает,
Ему веселей одному...
Царит чистота нелюдская
Над жизнью — что вся ни к чему.

Позор и любви, и науке!
О, буйство холодных страстей...
Гремят беспристрастные звуки, —
Как танки идут на людей.

Он власть захватил — и карает.
Гудит беспощадная медь.
Он — демон! Он всё презирает,
Чем люди должны овладеть.

Он рыщет. Он хочет поспешно
Наш дух затопить, как водой,
Нездешней (а, может, нигдешней?)
Стеклянной своей красотой...

Так будьте покорней и тише,
Мы все — наважденье и зло...
Мы дышим... А каждый, кто дышит,
Мутит, оскверняет стекло...

Тебе ж этот Вагнер не страшен.
И правда — ну чем он богат?
Гирлянды звучащих стекляшек
Придумал, навешал — и рад.

Он верит, что ходит по краю —
Мужчина! Властитель! герой!..
Слепец!
Ничего он не знает,
Что женщине нужно земной.

Не знает ни страсти, ни Бога,
Ни боли, ни даже обид...
С того и шумит он так много,
Пугает
и кровь леденит.

1963

*

Заслуг не бывает. Не верьте.
Жизнь глупо вперед заслужить.
А, впрочем, — дослужим до смерти, —
И можно заслугами жить.

А нынче бы — лучше иначе.
Обманчиво право на лень.
Ведь, может, и жить — это значит
Заслуживать каждый свой день.

1964

*

Ты летишь, и мне летится.
Правлю прямо, курс держа.
Только ты летишь, как птица,
Я — как толстый дирижабль.

Не угнаться за тобою,
Не избыть своих границ.
Вот ты движешься с толпою
Легких птиц, бездомных птиц.

Мне б сейчас к тебе спуститься:
Вот вам сердце, вот и дом.
Только я — увы! — не птица,
Тут не сесть мне нипочем.

И гудят моторы резко.
Я скрываюсь в облаках...
А внизу, свернув на Невский,
Ты летишь на каблуках.

1964

ТЫ ИДЕШЬ

Взгляд счастливый и смущенный.
В нем испуг и радость в нем:
Ты — мой ангел
с обожженным
От неловкости крылом.

Тихий ангел... Людный город
Смотрит нагло вслед тебе.
Вслед неловкости, с которой
Ты скользишь в густой толпе.

Он в асфальт тебя вминает, —
Нет в нем жалости ничуть,
Он как будто понимает
Впрямь, —
куда́ ты держишь путь.

Он лишь тем и озабочен —
Убедиться в том вполне.
Ты идешь и очень хочешь,
Чтоб казалось — не ко мне.

А навстречу — взгляды, взгляды,
Каждый взгляд — скажи, скажи.
Трудно, ангел... Лгать нам надо
Для спасения души.

Чтоб хоть час побыть нам вместе
(Равен жизни каждый час),
Ладно, ангел... Нет бесчестья
В этой лжи. Пусть судят нас.

Ты идешь — вся жизнь на грани,
Все закрыто: радость, боль.
Но опять придешь и станешь
Здесь, при мне, сама собой.

Расцветешь, как эта осень,
Золотая благодать.
И покажется, что вовсе
Нам с тобой не надо лгать.

Что скрывать, от всех спасаясь?
Радость? Счастье? Боль в груди?
Тихий ангел, храбрый заяц.
Жду тебя. Иди. Иди.

1964

*

Слепая осень. Город грязь топтал.
Давило небо низкое, и даже
Подчас казалось: воздух черным стал,
И все вдыхают смесь воды и сажи.

Давило так, как будто, взяв разбег
К бессмысленной, жестокой, стыдной цели,
Все это нам наслал наш хитрый век,
Чтоб мы о жизни слишком не жалели.

А вечером мороз сковал легко
Густую грязь... И вдруг просторно стало.
И небо снова где-то высоко
В своей дали прозрачно заблистало.

И отделился мир от мутных вод,
Пришел в себя. Отбросил грязь и скверну.
И я иду. Давлю ногами лед.
А лед трещит. Как в детстве. Достоверно.

1964

✳

Освободите женщину от мук.
И от забот, что сушат, — их немало.
И от страстей, что превращают вдруг
В рабыню ту, что всех сама пленяла.

А потому — от выбора судьбы:
Не вышло так — что ж!.. Можно жить иначе...
От тяжести бессмысленной борьбы
И щедрости хмельной самоотдачи.

От обаянья смелости — с какой
Она себя, рискуя счастьем, тратит.
Какая смелость может быть у той,
Что всё равно за смелость не заплатит?

Откуда трепет в ней возьмется вдруг?
Какою силой в бездну нас потянет?
Освободите женщину от мук.
И от судьбы. И женщины — не станет.

1964

ТЕМ, КОГО Я ЛЮБИЛ В ЮНОСТИ

Я вас любил, как я умел один.
А вы любили роковых мужчин.

Они всегда смотрели сверху вниз,
Они внушать умели: «Подчинись!».

Они считали: по заслугам честь,
И вам казалось: в этом что-то есть.

Да, что-то есть, что ясно не вполне...
Ведь вам казалось — пали вы в цене,

Вас удивлял мой восхищенный взгляд,
Вы знали: так на женщин не глядят.

Взгляд снизу вверх... На вас!.. Да это бред!
Вы ж были для меня легки, как свет.

И это понимали вы подчас.
Но вам казалось, я похож на вас,

Поскольку от любви не защищен,
А это значит — мужества лишен.

И шли в объятья подлинных мужчин,
И снова оставался я один.

Век мужества! Дела пошли всерьез.
И трудно я свое сквозь жизнь пронес.

И вот я жив... Но словно нет в живых
Мужчин бывалых ваших роковых.

Их рок поблек, сегодня рок иной.
Все чаще вы, грустя, гордитесь мной.

А, впрочем, что же — суета, дела...
Виню вас? Нет. Но просто жизнь прошла.

Себя виню... Понятно мне давно,
Что снизу вверх на вас смотреть грешно.

О, этот взгляд! Он вам и дал пропасть.
Я верю, как в маяк, в мужскую власть.

Но лишь найдет, и вновь — пусть это грех,
Смотрю на вас, как прежде — снизу вверх.

И униженья сердцу в этом нет...
Я знаю — вы и впрямь легки, как свет.

Я знаю, это так — я вновь богат...
Но снова память гасит этот взгляд.

И потухает взгляд, хоть, может, он
Теперь вам вовсе не был бы смешон.

1964

ПОДОНКИ

Вошли и сели за столом.
Им грош цена, но мы не пьем.
Веселье наше вмиг скосило.
Юнцы, молодчики, шпана,
Тут знают все: им грош цена.
Но все молчат: за ними — сила.

Какая сила, в чем она.
Я ж говорю: им грош цена.
Да, видно, жизнь подобна бреду.
Пусть презираем мы таких,
Но всё ж мы думаем о них,
А это тоже — их победа.

Они уселись и сидят.
Хоть знают, как на них глядят
Вокруг и всюду все другие.
Их очень много стало вдруг.
Они средь муз и средь наук,
Везде, где бьется мысль России.

Они бездарны, как беда.
Зато уверены всегда,
Несут бездарность, словно Знамя.
У нас в идеях разнобой,
Они ж всегда верны одной
Простой и ясной — править нами.

1964

ИЗ СТИХОВ О МОЛДАВИИ

Языки романской группы,
Юность древняя Земли!
Ставить памятник вам глупо —
Вы со сцены не сошли.

И пускай в быту правительств
И ученых знатоков
Нынче в моде деловитость
Всяких новых языков, —
Будут люди обращаться
К вам и дальше — вновь и вновь.
Вы и самых чуждых наций
Втайне гордость и любовь.

Есть в вас с самого начала
То, что нужно всем другим.
То, пред чем склонились галлы,
Разгромив уставший Рим, —
Нечто самое такое,
Без чего вокруг темно.
Что навек с мечтой людскою
В звуке слова сплетено.
Отзвук вечной литургии,
Гармоничность без прикрас.
Здесь, в Молдавии, впервые
Поражает это нас.

И смущен ты чем-то вроде,
И чудно́ тебе сперва
Слышать в сельском обиходе
Вдруг ученые слова.

Но войдя во все охотно,
Понимаешь суть основ, —
Этот первый,
обиходный,
Древний смысл высоких слов.

Неужели все так грустно,
И навек уйдут с земли
Ясность мысли, ясность чувства, —
Все, что вы в себе несли, —

Звучность памяти и чести,
Благородство не на час?..
Лучше сгинуть с вами вместе,
Чем на свете жить без вас!

Пусть звучит всё это глупо, —
Не хочу, чтоб вы прошли,
Языки романской группы,
Мудрость нежная Земли.

1965

*

В Кишиневе снег в апреле,
Неожиданный для всех...
Вы чего, Господь, хотели,
Насылая этот снег?

Он от Вас весь день слетает,
Сыплет с серых облаков,
Неприятно охлаждает
Теплый город Кишинев.

И пускай он тут же тает,
Он сгущает серость дня...
Чем, конечно, угнетает
Всех на свете
и — меня.

Очень странно видеть это —
Снег без счастья, без игры, —
После солнца, после лета,
После света и жары.

Холодов терпеть не может
Этот город летних снов.
Как в ущелье, расположен
Он на склонах двух холмов.

А сегодня снег в ущелье
И туман на лицах всех...
Вы нам что сказать хотели,
Напуская этот снег?

Что пора забыть про ересь?
Вспомнить вновь, как Вы нужны?
Всё смешалось. Давит серость,
Скука давит в дни весны.

Все во мне с тем снегом спорит.
Скука? Серость? — Чепуха!
Я ведь помню — этот город —
Город светлого греха.

Здесь — два месяца уж будет —
Без венца (о чем скорблю)
Я живу — простите, люди, —
С той, которую люблю.

С той веселой и капризной,
Смех вносящей на порог,
Без которой счастья в жизни
Я не знал и знать не мог.

С той, что может быть серьезной,
Но непрочь и чушь молоть.
С той, к кому Вы сами поздно
Привели меня, Господь.

В Кишиневе снег в апреле
Сыплет мрачно, давит всех.
Что напомнить Вы хотели,
Напуская этот снег?

Возбуждая эти мысли?
Что у страсти дух в плену?
Что права я все превысил?
Лямку честно не тяну?

Зря. И так ознобом бродит
Это всё в крови моей,
От себя меня уводит
И от Вас, и от людей...

От всего, чем жил сурово,
Что вдруг стало ни к чему.
И от слова. Даже слову
Я не верю своему...

В Кишиневе снег в апреле
Ни за что терзает всех.
Ах, зачем Вам в самом деле
Нынче нужен этот снег?

Разве честно мстить за страсти?
Не от Вас ли Дух и Плоть?
Не от Вас ли это счастье,
Что открылось мне, Господь?

Так за что вконец измучен
Я лишением души?
Что Вам — вправду было б лучше,
Чтоб и впредь я жил во лжи?

Иль случайный приступ злости —
Снег, что с неба к нам слетел?..
Часто кажется, что просто
Удалились Вы от дел,

И внезапной власти рады,
С упоением ребят
Небо Ваши бюрократы —
Ваши ангелы — мутят.

1965

*

Стал я нервным и мнительным,
Сам себя я не чту.
Недостаток,
действительно,
Неприятный в быту.

Чувства глуше ли, звонче ли, —
Трудно меру найти.
Это молодость кончилась
И не хочет уйти.

Это тяжесть движения,
Хоть покой истомил.
Это в каждом решении —
Напряжение сил.

Это страсть защищается,
Хоть идут холода.
Это жизнь продолжается, —
И еще — молода.

1965

*

Все — загнаны. Все — орудья.
Всем — души не по плечу.
Но всё ж я тянусь к Вам, люди,
И чувствовать Вас хочу.

Вам жизнь и в бесчестьи ценность:
Всё ж можно свое отцвесть...
А я? Но куда я денусь...
От вас... Уж какие есть.

Мне скажут, что жизнь без смысла —
Не жизнь...
Чушь! Слова одни...
Не жизнь — так продленье жизни,
Не легкое в наши дни.

Не легкое в дни такие,
Где чуть — и загнулся враз.
Так пусть вы не те. Другие
Не явятся в мир без вас.

Так ссорьтесь, так пойте песни.
(О чем? Жизнь — как в смутном сне.)
Я зрячий. Но мир исчезнет,
Коль станет подобен мне.

И вот я тянусь к вам, люди...
И чувствовать вас хочу...
Все — загнаны. Все — орудья.
Всем — души не по плечу.

1966

*

Перевал. Осталось жить немного.
За вершиной к смерти круче склон.
И впервые жаль, что нету Бога:
Пустота. Нет смысла. Клонит в сон.

Только всё ж я двигаться обязан —
Долг велит, гнетет и в полусне.
И плетусь, как раб, тем долгом связан,
Словно жизнь моя нужна не мне.

Разве рабством связан я с другими?
Разве мне не жаль, что в пропасть — дни?
Господи! Откройся! Помоги мне!
Жизнь, себя, свободу мне верни...

1966

ГАМЛЕТ

В. Р.

Время мстить. Но стоит он на месте.
Ткнешь копьем — попадешь в решето.
Все распалось — ни мести, ни чести.
...Только длится — неведомо что.

Что-то длится, что сердцем он знает.
Что-то будет потом.
А сейчас —
Решето — уже сетка стальная,
Стены клетки, где весь напоказ.

Время драться. Но бой — невозможен.
Смысла нет. Пустота. Ничего.
Это — правда. Но будь осторожен:
Что-то длится... Что стоит всего.

1966

ДОРОГА

В драгоценностях смысла я вижу немного.
Но одна драгоценность нужна мне — дорога.
Да, хоть мало мне нужно, нужна мне зачем-то
Этих серых дорог бесконечная лента,
Этот ветер в лицо, это право скитаться,
Это чувство свободы от всех гравитаций,
Чем нас жизнь ограничила, ставя пределы, —
Чем мы с детства прикованы к месту и к делу.

Это мало? Нет, много! Скажу даже: очень.
Ведь в душе, может, каждый подобного хочет, —
Чтобы жить: нынче дома, а завтра — далече,
Чтоб недели и версты летели навстречу,
И чтоб судьбы сплетались с твоею судьбою,
А потом навсегда становились тобою,
Без тебя доживать, оставаясь на месте,
О тебе дожидаясь случайных известий.

Это мало? Нет, много. Не мудрствуй лукаво.
На великую роскошь присвоил ты право.
И привык. И тоскуя не можешь иначе.
Если совесть вернет тебя к жизни сидячей,
Сердце снова дороги, как хлеба, попросит.
И не вынесешь снова... А люди — выносят.
За себя и тебя... Что ты можешь? — немного:
Дать на миг ощутить, как нужна им дорога.

Это нужно им? Нужно. Наверное, нужно.
Суть не в том. Самому мне без этого душно.
И уже до конца никуда я не денусь,

От сознанья, что мне, словно хлеб,
драгоценность, —
Заплатить за которую — жизни не хватит,
Но которую люди, как прежде, оплатят.
Бытом будней, трудом. И отчаяньем — тоже...
На земле драгоценности нету дороже...

1966

ДЬЯВОЛИАДА

В мире нет ни норм, ни правил.
Потому, поправ закон,
Бунтовщик отпетый, дьявол,
Бога сверг и влез на трон.

Бог во сне был связан ловко,
Обвинен, что стал не свят,
И за то — на перековку,
На работу послан в ад.

Чёрт продумал все детали,
В деле чист остался он —
Сами ангелы восстали,
Усадив его на трон.

Сел. Глядит: луна и звезды.
Соловей поет в тиши.
Рай, — и всё!.. Прохлада... Воздух...
Нет котлов... Живи! Дыши!

Натянул он Божью тогу,
Божьи выучил слова.
И земля жила без Бога,
Как при Боге, — день иль два.

Но рвалась концов с концами
Связь... Сгущался в душах мрак.
Управлять из тьмы сердцами
Дьявол мог, а Бог — никак.

Хоть свята Его идея,
Хоть и Сам Он духом тверд,
Слишком Он прямолинеен
По природе... Слишком горд.

Но и дьявол, ставши главным,
Не вспарил, а даже сник.
Не умеет править я в н о,
Слишком к хитростям привык.

Да и с внешностью не просто:
С ней на троне, как в тюрьме, —
Нет в портрете благородства
При нахальстве и уме,

Нет сиянья... Всё другое:
Хвост... Рога... Престранный **вид!**
Да и духом беспокоен, —
Как-то, ёрзая, сидит.

Прозревать он понемножку
Стал, как труден Божий быт.
Да! подставить Богу ножку
Не хитрей, чем Богом быть.

Надоело скоро чёрту
Пропадать в чужой судьбе.
И, привыкший всюду портить,
Стал он портить сам себе.

В чине Бога — всё возможно.
(А у чёрта юный пыл.)
Мыслей противоположных
Ряд — он тут же совместил.

Грани стёр любви и блуда,
Напустил на всё туман.
А потом, что нету чуда
Стал внушать, что всё обман.

И нагадив сразу многим, —
Страсть осилить мочи нет! —
Хоть себя назначил Богом,
Объявил, что Бога нет!

«Пусть фантазию умерят,
Что мне бабья трескотня!
Пусть в меня открыто верят —
Не как в Бога, как — в меня!»

И — мутить! Взорвались страсти,
Мир стонал от страшных дел...
Всё! Успех!.. Но нету счастья,
Не достиг, чего хотел.

Пусть забыты стыд и мера,
Подлость поднята на щит,
Всё равно — нетленна вера,
От молитв башка трещит.

Славят Бога! Славят всё же,
Изменений не любя...
Чёрт сидел на троне Божьем,
Потерявший сам себя.

И следил, как — весь старанье —
Там, внизу, в сто пятый раз
Вновь рога его в сиянье
Превращает богомаз.

1966

ЦЕРКОВЬ СПАСА-НА-КРОВИ

Церковь Спаса-на-Крови!
Над каналом дождь, как встарь.
Ради Правды и Любви
Тут убит был русский царь.

Был разорван на куски
Не за грех иль подвиг свой, —
От безвыходной тоски
И за морок вековой.

От неправды давних дел,
Веры в то, что выпал срок.
А ведь он и сам хотел
Морок вытравить... Не смог.

И убит был. Для любви.
Не оставил ничего.
Эта церковь на крови —
Память з в а н и я его.

Широка, слепа, тупа,
Смотрит, благостно скорбя.
Словно дворников толпа
Топчет в ярости тебя.

В скорби — радость торжества:
То Народ не снес обид.
Шутка ль! Ради баловства
Самый добрый царь убит.

Ради призрачной мечты!
Самозванство! — Стыд и срам!..
Подтвержденье правоты
Всех неправых — этот храм.

И летит в столетья весть,
В крест отлитая. В металл.
Про «дворянов» злую месть.
Месть за то, что волю дал.

Церковь Спаса-на-Крови!
Довод ночи против дня...
Сколько раз так — для любви! —
Убивали и меня.

И терпел, скрепив свой дух:
Это — личная беда!
И не ведал, что вокруг
Накоплялась темнота.

Надоел мне этот бред!
Кровь зазря — не для любви.
Если кровь — то спасу нет,
Ставь хоть церковь на крови.

Но предстанет вновь — заря,
Морок, сонь... Мне двадцать лет.
И не кто-то — я царя
Жду и верю: вспыхнет свет.

Жду и верю: расцветет
Всё вокруг. И в чем-то — лгу.
Но не верить — знать, что гнет
Будет длиться... — не могу.

Не могу, так пусть — «авось!»..
Русь моя! Наш вечный рок —
Доставанье с неба звезд,
Вера в то, что выпал срок.

Не с того ль твоя судьба:
Смертный выстрел — для любви.
С Богом — дворников толпа,
Церковь Спаса — на крови?

Чу! Карета вдалеке...
Стук копыт. Слышней... Слышней...
Всё!
В надежде — и в тоске
Сам пошел навстречу ей.

1967

*

Хоть вы космонавты — любимчики вы.
А мне из-за вас не сносить головы.
Мне кости сломает теперь иль сейчас
Фабричный конвейер по выпуску вас.

Все карты нам спутал смеющийся чёрт.
Стал спорт, как наука. Наука — как спорт.
И мир превратился в сплошной стадион.
С того из-за вас и безумствует он.

Устал этот мир поклоняться уму.
Стандартная храбрость приятна ему.
И думать не надо, и всё же — держись:
Почти впечатленье и вроде бы — жизнь.

Дурак и при технике тот же дурак
Придумать — он может, подумать — никак.
И главным конструктором сделался он,
И мир превратился в сплошной стадион.

Великое дело, высокая власть.
Сливаются в подвиге разум и страсть.
Взлетай над планетой! Кружи и верши.
Но разум — без мудрости, страсть — без души.

Да, трудно проделать ваш доблестный путь —
Взлетев на орбиту, с орбиты — лизнуть.
И трудно шесть суток над миром летать,
С трудом приземлиться и кукольным стать.

Но просто работать во славу конца —
Бессмысленной славой тревожить сердца.

Нет, я не хочу быть героем, как вы.
Я лучше, как я, не сношу головы.

1967

НОВОСЕЛЬЕ

I

В снегу деревня. Холм в снегу.
Дворы разбросаны по склону...
Вот что за окнами балкона
Проснувшись,
видеть я могу.

Как будто это на холсте!
Но это все на самом деле.
Хоть здесь Москва, и я — в постели,
В своей квартире, как в мечте.

Давно мне грезился покой.
Но всё же видеть это — странно.
Хоть в окнах комнаты другой
Одни коробки, плиты, краны,

Индустриальность, кутерьма.
Чертеж от края и до края...
А здесь глубинка; тишь сплошная,
Как в давней сказке. — Русь... Зима.

Вся жизнь моя была хмельна
Борьбой с устойчивостью древней,
И нате ж — рад, что здесь деревня,
Что мне в окно она видна.

И рад, что снег на крышах бел,
Что все просторно, цельно, живо...
Как будто расчертить красиво
Всю землю — я не сам хотел.

К чему раскаянье ума.
Чертеж — разумная идея.
Я знаю: строить с ним — быстрее,
А всем, как мне, нужны дома.

Но вот смотрю на холм в снегу.
Забыв о пользе, как о прозе.
И с тем, что здесь пройдет бульдозер,
Стыдясь — смириться не могу.

II

Тот свет иль этот? Рай иль ад?
Нет, бледный призрак процветанья.
Квартиры, сложенные в зданья.
Широких окон тесный ряд.

То ль чистый план, то ль чистый бред.
Тут правит странный темперамент.
Стоят вразброс под номерами
Дома — дворов и улиц нет.

Здесь комбинат, чей профиль быт,
Где на заправке дух и тело.
И мнится: мы на свет для дела
Явились — жизнь свою отбыть.

К чему тут шум дворов больших?
О прошлом память? — с ней расстанься!
Дверь из квартиры — дверь в пространство,
В огромный мир квартир чужих.

И ты затерян — вот беда.
Но кто ты есть, чтоб к небу рваться?
Здесь правит равенство без братства.
На страже зависть и вражда.

А, впрочем, — чушь... Слова и дым.
Сам знаю: счастье — зданья эти.
Одно вот страшно мне — что дети
Мир видят с первых дней — таким.

1967

АПОКАЛИПСИС

Мы испытали всё на свете.
Но есть у нас теперь квартиры —
Как в светлый сон, мы входим в них.
А в Праге, в танках, наши дети...
Но нам плевать на ужас мира —
Пьем в ресторанах на троих.

Мы так давно привыкли к аду,
Что нет у нас ни капли грусти —
Нам даже льстит, что мы страшны.
К тому, что стало нам не надо,
Других мы силой не подпустим, —
Мы, отродясь, — оскорблены.

Судьба считает наши вины,
И всем понятно: что-то будет —
Любой бы каялся сейчас...
Но мы — дорвавшиеся свиньи,
Изголодавшиеся люди,
И нам не внятен Божий глас.

1968

*

До всего, чем бывал взволнован,
Как пред смертью, мне дела нет.
Оправданья тут никакого:
Возраст зрелости — сорок лет.

Обо всем сужу, как обычно,
Но в себя заглянуть боюсь,
Словно стал ко всему безразличным,
А, как прежде, во всё суюсь.

Словно впрямь, заглянувши в бездну,
Вдруг я сник, навек удручен,
Словно впрямь, — раз и я исчезну,
Смысла нет на земле ни в чем.

Это — я. Хоть и это дико.
Так я жить не умел ни дня.
Видно, возраст, подкравшись тихо,
В эти мысли столкнул меня.

И в душе удивленья нету,
Словно в этом — его права,
Словно с каждым бывает это
В сорок лет или в сорок два.

Нет, попозже приходит старость,
Да и сил у меня — вполне.
Знать, совсем не её усталость
Прелесть дней заслонила мне.

Знать, не возраст — извечный, тихий,
Усмиряющий страсти снег,
А всё то же: твой лик безликий,
Твоя глотка, двадцатый век!

А всё то же — теперь до гроба.
Только глотка. Она одна.
Думал: небо, а это — нёбо,
Пасти черная глубина.

И в душе ни боли, ни гнева,
Хоть себя и стыдишься сам.
Память знает: за нёбом — небо,
Да ведь больше веришь глазам.

И молчит, не противясь даже,
Память, — словно и вправду лжет...
Ну и ладно! Но давит тяжесть:
Видно, память, и смолкнув, жжет.

Ни к чему оно, жженье это,
Только снова во всё суюсь.
И сужу. — Хоть мне дела нету.
Хоть в себя заглянуть боюсь.

1968

ДРУЗЬЯМ

Я позабыл, как держат ручку пальцы,
Как ищут слово, суть открыть хотят...
Я в партизаны странные подался —
Стрекочет мой язык, как автомат.

Пальба по злу... Причин на это много.
Все на кону: Бог... ремесло... судьба...
Но за пальбой я сам забыл —
и Бога,
И ремесло, и — отчего пальба.

И всё забыв — сознаться в этом трушу.
Веду огонь — как верю в торжество.
А тот огонь мою сжигает душу,
И всем смешно, что я веду его.

Я всё равно не верю, что попался...
Я только вспоминаю тяжело, —
Как ищут суть, как держат ручку пальцы
И как нас учит смыслу — ремесло.

9. 11. 68

*

Что со мною сталось?
Сердце спит весь день.
То ли это старость,
То ли просто лень.

То ли так, томленье:
Гаснет прежний пыл,
А бороться с ленью
Нет причин и сил.

То ли сплю, и это
Только снится мне,
И покорно в Лету
Я плыву во сне.

1968

*

От созидательных идей,
Упрямо требующих крови,
От разрушительных страстей,
Лежащих тайно в их основе,

От звезд, бунтующих нам кровь,
Мысль облучающих незримо, —
Чтоб жажде вытоптать любовь,
Стать от любви неотличимой,

От Правд, затмивших правду дней,
От лжи, что станет им итогом,
Одно спасенье — стать умней,
Сознаться в слабости своей
И больше зря не спорить с Богом.

1969

ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Ф. И. Тютчев

Крепли музы, прозревая,
Что особой нет беды,
Если рядом убивают
Ради Веры и Мечты.

Взлёт в надеждах и в законах:
«Совесть — матерь всех оков...»
И романтик в эшелонах
Вёз на север мужиков.

Вёз, подтянутый и строгий,
Презирая гнет Земли...
А чуть позже той дорогой
Самого его везли.

Но запутавшись в причинах,
Вдохновляясь и юля,
Провожать в тайгу невинных
Притерпелась вся земля.

Чьё-то горе, чья-то вера. —
Смена лиц, как смутный сон:
Те — дворяне, те — эсеры.
Те — попы... А это — он.

И знакомые пейзажи,
Уплывая в смутный дым,
Вслед ему глядели так же,
Как недавно вслед другим.

Равнодушно... То ль с испуга,
То ль, как прежде, веря в свет...
До сих пор мы так друг друга
Всё везём. И смотрим вслед.

Может, правда, с ношей крестной,
Веря в святость наших сил,
Эту землю Царь Небесный,
Исходив, благословил.

Но коль так, — то жадный к славе
Вслед за ним (игрок! нахал!)
Срок спустя
на тройке дьявол,
Ухмыляясь, вслед скакал.

1970

*

К себе, к себе — каким я был и стал.
К себе — пускай поблёк я, пусть устал.
Сквозь вызванную болью злость к толпе,
Сквозь даже представленье о себе.

К себе, к себе — чтоб знать, чего хочу.
С чего молчу и отчего кричу.
Чтоб с правдой слиться смысла своего.
Чтоб устыдиться — если есть чего.

К себе, к себе, чтоб слушать шум листвы.
К себе — чтоб вновь в душе воскресли вы:
Все — тот, кто свят, и чья судьба — грешить.
К себе — чтоб знать, как всем непросто жить.

К себе, к себе — чтоб к вам живым придти,
Чтоб никого потом не подвести.
Чтоб где-то на изломе бытия
Не оказалось вдруг, что я — не я...

1970

ПОСЛЕДНИЙ ЯЗЫЧНИК

(Письмо из VI века в XX-й)

Гордость,
мысль,
красота —
все об этом давно отгрустили.
Все креститься привыкли,
всем истина стала ясна...
Я последний язычник
среди христиан Византии.
Я один не привык...
Свою чашу я выпью до дна.
Я для вас ретроград. —
То ль душитель рабов и народа,
То ли в шкуры одетый
дикарь с придунайских равнин...
Чушь!
Рабов не душил я —
от них защищал я свободу.
И не с ними —
со мной
гордость Рима и мудрость Афин.
Но подчищены книги...
И вряд ли уже вам удастся
Уяснить, как мы гибли,
притворства и лжи не терпя,
Чем гордились отцы,
как стыдились, что есть еще рабство,

Как мой прадед-сенатор
скрывал христиан у себя...
А они пожалеют меня?
— Подтолкнут еще малость!
Что жалеть,
если смерть —
не конец, а начало судьбы.
Власть всеобщей любви
напрочь вывела всякую жалость,
А рабы нынче — все.
Только власти достигли рабы.
В рабстве — равенство их,
все — рабы, и никто не в обиде.
Всем
подчищенных истин
доступна равно
простота.
Миром правит Любовь —
и Любовью живут, —
ненавидя.
Коль Христос есть Любовь,
каждый час распиная Христа.
Нет, отнюдь не из тех я,
кто гнал их к арене и плахе,
Кто ревел на трибунах,
у низменной страсти в плену.
Все такие давно
поступили в попы и монахи.
И меня же с амвонов
поносят за эту вину.

Но в ответ я молчу.
Всё равно мы над бездной повисли.
Всё равно мне конец,
всё равно я пощады не жду.
Хоть, последний язычник,
смущаюсь я гордою мыслью,
Что я ближе монахов
к их вечной любви и Христу.
Только я — не они, —
сам себя не предам никогда я,
И пускай я погибну,
но я не завидую им:
То, что вижу я — вижу.
И то, что я знаю — я знаю.
Я последний язычник.
Такой, как Афины и Рим.
Вижу ночь пред собой.
А для всех — еще раннее утро.
Но века — это миг.
Я провижу дороги судьбы:
Всё они превзойдут.
Всё в них будет: и жалость, и мудрость...
Но тогда,
как меня,
их растопчут другие рабы.
За чужие грехи
и чужое отсутствие меры,
Всё опять низводя до себя,
дух свободы кляня:
Против старой Любви,
ради новой немыслимой Веры,

Ради нового рабства...
Тогда вы поймете меня.
Как хотелось мне жить,
хоть о жизни давно отгрустили,
Как я смысла искал,
как я верил в людей до поры...
Я последний язычник
среди христиан Византии.
Я отнюдь не последний,
кто видит,
как гибнут миры.

1970

*

Люди могут дышать
Даже в рабстве... Что злиться?
Я хочу не мешать —
Не могу примириться.

Их покорство — гнетёт.
Задыхаюсь порою.
Но другой пусть зовёт
Их к подъёму и к бою.

Мне в провалах судьбы
Одинаково жутко
От покорства толпы
И гордыни рассудка.

Ах, рассудок!.. Напасть!
В нём — при точном расчёте —
Есть капризная власть
Возгордившейся плоти, —

Той, что спятив от прав,
В эти мутные годы
Цепи Духа поправ,
Прорвалась на свободу.

Ничего не любя,
Вдохновенна до дрожи,
Что там Дух! — И себя
Растоптать она может.

И ничем не сыта,
Одурев от похабства,
Как вакханка кнута,
Жаждет власти иль рабства.

Вразуми нас, Господь!
Мы — в ловушке природы.
Не стеснить эту плоть,
Не стесняя свободу.

А свобода — одна.
И не делится, вроде.
А свобода — нужна! —
Чтоб наш Дух был свободен.

Без него ж — ничего
Не достичь... В каждом гнёте
Тех же сил торжество,
Власть взбесившейся плоти.

Выбор — веку под стать.
Никуда тут не скрыться:
Драться — зло насаждать.
Сдаться — в зле раствориться.

Просто выбора нет.
Словно жаждешь в пустыне.
Словно Дух — это бред
Воспалённой гордыни.

Лучше просто дышать,
Понимать и не злиться.
Я хочу — не мешать.
Я — не в силах мириться.

1971

В ЗАЩИТУ ПРОГРЕССА

(западным левым и московским «славянофилам»)

Когда запрягут в колесницу
Тебя, как скота и раба,
И в свисте кнута растворится
Нерайская с детства судьба.

И всё, что терзало, тревожа,
Исчезнет, а как — не понять,
И голову ты и не сможешь
И вряд ли захочешь поднять,

Когда все мечты и загадки,
Порывы к себе и к звезде
Вдруг станут ничем — перед сладкой
Надеждой: поспать в борозде.

Когда твой погонщик, пугаясь,
Что к сроку не кончит урок,
Пинать тебя станет ногами
За то, что ты валишься с ног,

Тогда, — перед тем, как пристрелят
Тебя, — мол, своё отходил! —
Ты вспомни, какие ты трели,
На воле резвясь, выводил.

Как следуя голосу моды,
Ты был вдохновенье само —
Скучал, как дурак, от свободы
И рвался — сквозь пули — в ярмо.

Бунт скуки! Весёлые ночи!
Где знать вам, что в трубы трубя,
Не Дух это мечется — хочет
Бездушье уйти от себя.

Ища не любви, так заботы,
Занятья — страстей не тая...
А Духу хватило б работы
На топких путях бытия.

С движеньем веков не поспоришь,
И всё ж — сквозь асфальт, сквозь века, —
Всё время он чувствует, сторож,
Как топь глубока и близка.

Как ею сближаются дали,
Как — пусть хоть вокруг благодать, —
Но люди когда-то пахали
На людях — и могут опять.

И нас от сдирания шкуры
На бойне — хранят, отделив,
Лишь хрупкие стенки культуры,
Приевшейся песни мотив.

...И вот, когда смыслу переча,
Встаёт своеволья волна,
И слышатся дерзкие речи
О том, что свобода тесна,

Что слишком нам равенство тяжко,
Что Дух в мельтешеньи зачах...
Тоска о заветной упряжке
Мне слышится в этих речах.
И снова всплывает, как воля,
Мир прочный, где всё — навсегда:
Вес плуга... Спокойствие поля...
Эпический посвист кнута.

1971

ЗЛОБА ДНЯ

Нам выпал трудный век —
ни складу в нём, ни ладу.
Его огни слепят —
не видно ничего.
Мы ненавидим тех,
кого жалеть бы надо,
Но кто вовек жалеть
не стал бы никого.
И всё-таки, как знать —
наш суд не слишком скор ли?
Мы злы, а так легко
от злости согрешить.
Мы ненавидим тех,
чьи пальцы жмут нам горло,
Хоть знаем: им теперь
иначе не прожить.
Да, их унять — нельзя,
их убеждать — напрасно.
Но в нашу правду стыд
незнамо как проник.
Мы ненавидим тех,
кто стал рабом соблазна,
Забыв, что тот соблазн
пришел не через них.
Он через нас пришел,
наш дух в силки попался.
Такая в сердце сушь,
что как нам жить сейчас?

Мы ненавидим тех,
чьи жмут нам горло пальцы...
А ненависть в ответ
без пальцев душит нас.

Гагра, октябрь 1971

ГАГРИНСКИЕ ЭЛЕГИИ

(Неоконченное)

1

Осенним днём лежим под солнцем летним.
Но всё вокруг твердит: «Терять учись!»
Мы окунёмся в море — и уедем.
Не так же ль окунулись мы и в жизнь.
В любовь, тоску, в мечты, в переживанья,
В простую веру, что земля — твоя...
Хоть полный срок земного пребыванья
Нам краткий отпуск из небытия.
Как будто нам тут сил набраться нужно
И надышаться воздухом Земли, —
Чтоб с тем вернуться к месту вечной службы,
В постылый мрак, откуда мы пришли.
И, значит, всё, что любим, чем согреты,
Что нас терзало, смыслом озарив, —
Всё это вместе — только проблеск света,
Между двумя тоннелями разрыв.
И всё — как сон: надежда, вера, совесть,
Жар честолюбья, вдохновенность, цель...
...Идет разрывом бесконечный поезд
И тащит нас и наш вагон в тоннель.
А из тоннеля сзади нам на смену
Еще вагон ползёт — на ту же боль.
На тот же свет...
Ах, пусть в нем всё мгновенно,
Но только с ним я был самим собой.
Всё — только с ним... И мы болтать не вправе,

Что это миг... Нет, век живет душа!
Не с тем Господь нас в этот мир направил,
Чтоб мы прошли, ничем не дорожа.
Нет, пусть тут грязь, пускай соблазна много,
Здесь и Любви бывает торжество.
И только здесь дано постичь нам Бога
И заслужить прощение Его.
Всё только здесь... А будет ли награда
За это всё когда-нибудь потом, —
Об этом даже думать нам не надо,
Не надо торговаться... Суть не в том.

2

Осенним днем лежим под солнцем летним,
А дома осень — снег с дождем сейчас.
Мы окунёмся в море — и уедем.
И наша жизнь опять обступит нас —
Как снег и дождь...
Но не хочу впервые
Я снова в жизнь — за всё держать ответ.
Кто видел мир в минуты роковые,
Не столь блажен, как полагал поэт...

1971

*

Страх — не взлёт для стихов.
Не источник высокой печали.
Я мешок потрохов! —
Так себя я теперь ощущаю.

В царстве лжи и греха
Я б восстал, я сказал бы: «Поспорим!»
Но мои потроха
Протестуют... А я им — покорен.

Тяжко день ото дня
Я влачусь. Задыхаясь. Тоскуя.
Вдруг пропорют меня —
Ведь собрать потрохов не смогу я.

И умру на все дни.
Навсегда. До скончания света.
Словно я — лишь они,
И во мне ничего больше нету.

Если страх — нет греха,
Есть одни только голод и плаха.
Божий мир потроха
Заслоняют — при помощи страха.

Ни поэм, ни стихов.
Что ни скажешь — всё кажется: всуе.
Я мешок потрохов.
Я привык. Я лишь только тоскую.

1972

РОДИНЕ

Что ж, и впрямь, как в туман,
Мне уйти — в край, где синь, а не просинь.
Где течет Иордан, —
Хоть пока он не снится мне вовсе.

Унести свою мысль,
Всю безвыходность нашей печали,
В край, где можно спастись,
Иль хоть сгинуть, себя защищая.

Сгинуть, выстояв бой,
В жажде жизни о пулю споткнуться.
А не так, как с Тобой, —
От Тебя же в Тебе задохнуться.

Что ж, раздвинуть тиски
И уйти?.. А потом постоянно
Видеть плёсы Оки
В снах тревожных у струй Иордана.

Помнить прежнюю боль,
Прежний стыд, и бессилье, и братство...
Мне расстаться с Тобой,
Как с собой, как с судьбою расстаться.

Это так всё равно, —
Хоть Твой флот у Синая — **не малость.**
Хоть **я знаю давно,**
Что сама Ты с **собою рассталась.**

Хоть я мыслям чужим
Вторя страстно, кричу что есть силы:
— Византия — не Рим.
Так же точно и Ты — не Россия.

Ты спасёшься? — Бог весть!
Я не верю. Всё смертью чревато.
...Только что в Тебе есть,
Если зная, как Ты виновата,

Я боюсь в том краю, —
Если всё ж мы пойдем на такое, —
Помнить даже в бою
Глупый стыд — не погибнуть с Тобою.

1972

22 ИЮНЯ 1971 ГОДА

Свет похож на тьму,
В мыслях — пелена.
Тридцать лет тому
Началась война.

Диктор — словно рад...
Душно, думать лень.
Тридцать лет назад
Был просторный день.

Стала лишней ложь,
Был я братству рад...
А еще был дождь —
Тридцать лет назад.

Дождь, азарт игры,
Веры и мечты...
Сколько с той поры
Утекло воды?

Сколько средь полей
У различных рек
Полегло парней,
Молодых навек?

Разве их сочтешь?
Раны — жизнь души.
Открывалась ложь
В свете новой лжи...

Хоть как раз тогда
Честной прозе дня
Начала беда
Обучать меня.

Я давно другой,
Проступила суть.
Мой ничьей тоской
Не оплачен путь.

Но всё та же ложь
Омрачает день.
Стал на тьму похож
Свет — и думать лень.

Что осталось?.. Быт,
Суета, дела...
То ли совесть спит,
То ли жизнь прошла.

То ль свой суд вершат
Плешь да седина...
Тридцать лет назад
Началась война.

1971

*

Иль впрямь я разлюбил свою страну? —
Смерть без неё и с ней мне жизни нету.
Сбежать? Нелепо. Не поможет это
Тому, кто разлюбил свою страну.

Зачем тогда бежать?
Свою вину
Замаливать? —
И так, и этак тошно.
Что ж, куст зачах бы, отвратясь от почвы,
И чахну я. Но лямку я тяну.

Куда мне разлюбить свою страну!
Тут дело хуже: я в неё не верю.
Волною мутной накрывает берег.
И почва — дно. А я прирос ко дну.

И это дно уходит в глубину.
Закрыто небо мутною водою.
Стараться выплыть? Но куда? Не стоит.
И я тону. В небытии тону.

1972

*

Неужели птицы пели,
Без пальто гуляли мы?
Ранний март в конце апреля
Давит призраком зимы.

Холод неба, зябкость улиц,
Ночь без бодрости и сна...
Что-то слишком затянулась
Нынче ранняя весна.

Как тот призрак с места сдвинуть, —
Заблистать в лучах реке?
Мир в пути застрял — и стынет
От тепла невдалеке.

Это всё — каприз природы,
Шутки солнечных лучей...
Но в родстве с такой погодой
Для меня весь ход вещей.

Всё, с чего гнетёт усталость,
Всё, что мне внушало злость,
Тоже кончилось, осталось
И торчит, как в горле кость.

В светлых мыслях — жизнь иная,
Сам же — в этой дни влачу:
Что-то вижу, что-то знаю,
Чем-то брежу — и молчу.

Словно виден свет вершины,
А вокруг всё та же мгла.
Словно впрямь — застрял, и стыну
На ветру,
вблизи тепла.

29. 4. (1. 8.) 1972

*

Уже июнь. Темней вокруг кусты.
И воздух — сух. И стала осень ближе.
Прости меня, Господь... Но красоты
Твоей земли уже почти не вижу.

Всё думаю, куда ведут пути,
Кляну свой век и вдаль смотрю несмело,
Как будто я рождён был мир спасти,
И до всего другого нет мне дела.

Как будто не Тобой мне жизнь дана,
Не Ты все эти краски шлёшь навстречу...
Я не заметил, как прошла весна,
Я так зимы и лета не замечу.

...Причастности ль, проклятья ль тут печать —
Не знаю... Но способность к вдохновенью
Как раз и есть уменье замечать
Исполненные сущности мгновенья.

Чтоб — даже пусть вокруг тоска и зло, —
Мгновенье то в живой строке дрожало
И возвращало суть, и к ней влекло,
И забывать себя душе мешало.

Жизнь всё же длится — пусть в ней смысл исчез.
Всё ж надо помнить, что подарок это:
И ясный день, и дождь, и снег, и лес,
И всё, чего вне этой жизни нету.

Ведь это — так...
Хоть впрямь терпеть нельзя,
Что нашу жизнь чужие люди тратят,
Хоть впрямь за горло схвачены друзья,
И самого не нынче-завтра схватят.

Хоть гложет мысль, что ты на крест идёшь,
Чтоб доказать... А ничего не будет:
Твой светлый крест зальёт, как море, ложь,
И, в чём тут было дело, — мир забудет.

Но это — так... Живи, любя, дыша:
Нет откровенья в схватках с низкой ложью.
Но без души — не любят... А душа
Всевластьем лжи пренебрегать не может.

Всё рвётся к правде, как из духоты.
Всё мнится ей, что крылья — в грязной жиже...
...Мне стыдно жить, не видя красоты
Твоей земли, Господь... А вот — не вижу.

1972

*

Люди пашут каждый раз опять.
Одинаково — из года в год.
Почему-то нужен нам полёт,
Почему-то скучно нам пахать.

Я и сам поэт... Писал, пишу,
Может, вправду что еще рожу...
А чтоб жрать — не сею, не пашу,
Скучные стихи перевожу.

И стыдясь — за стол сажусь опять,
Унижаю сердце без конца.
А ведь всё — чтоб, уцелев, летать,
Быть собой и волновать сердца.

А ведь всё — чтоб длился мой полёт.
Чтоб и вверх взлетать, и падать вниз...
Одинаково из года в год
Люди пашут землю... В этом — жизнь.

Не охотник я до общих мест,
Но на этом вправду мир стоит.
Если это людям надоест,
Всё исчезнет... Даже этот стыд.

Мысль, надежда, жажда знать, искать,
Свет, тепло, и книги, и кино...
Между тем как людям вновь пахать
Интересно станет всё равно.

А потом окрепнут... И опять,
Позабыв про боль былых утрат,
Кто-то станет сытости не рад,
Не пахать захочет, а летать.

Что ж... Душа должна любить полёт.
Пусть опять летит!.. Но всё равно:
Землю пашут так же — каждый год,
И других основ нам — не дано.

1972

НЕПОЭТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Мне — то ли плакаться всегда,
То ль всё принять за бред...
Кричать: «Беда!»?.. Но ведь беда —
Ничто во время бед.

Любой спешит к беде с бедой
К чему-то впереди.
И ты над собственной — не стой! —
Быстрее проходи.

Быстрей — в дела! Быстрей — в мечты!
Быстрей!.. Найти спеши
Приют в той спешке от беды,
От памяти души,

От всех, кому ты протянуть
Не смог руки, когда
Спасал, как жизнь, свой спешный путь
Неведомо куда.

1973

ВСЁ-ТАКИ ЖИЗНЬ...

То свет, то тень,
То ночь в моем окне.
Я каждый день
Встаю в чужой стране.

В чужую близь,
В чужую даль гляжу,
В чужую жизнь
По лестнице схожу.

Как светлый лик,
Влекут в свои врата
Чужой язык,
Чужая доброта.

Я к ним спешу.
Но, полон прошлым всем,
Не дохожу
И остаюсь ни с чем...

...Но нет во мне
Тоски, — наследья книг, —
По той стране,
Где я вставать привык.

Где слит был я
Со всем, где всё — нельзя.
Где жизнь моя —
Была да вышла вся.

Она своё
Твердит мне, лезет в сны.
Но нет её,
Как нет и той страны.

Их нет — давно.
Они, как сон души,
Ушли на дно,
Накрылись морем лжи.

И с тех широт
Сюда, — смердя, клубясь,
Водоворот
Несёт всё ту же грязь.

Я знаю сам:
Здесь тоже небо есть.
Но умер там
И не воскресну здесь.

Зовет труба:
Здесь воля всем к лицу.
Но там судьба
Моя —
пришла к концу.

Легла в подзол.
Вокруг — одни гробы.
...И я ушел.
На волю — от судьбы.

То свет, то тень.
Я не гнию на дне.
Но каждый день
Встаю в чужой стране.

Бостон, Бруклайн,
июль-август 1974

*

Я плоть, Господь... Но я не только плоть.
Прошу покоя у Тебя, Господь.

Прошу покоя... Нет, совсем не льгот.
Пусть даже нищета ко мне идет.

Пускай стоит у двери под окном
И держит ордер, чтоб войти в мой дом.

Я не сержусь, хоть сам себе не рад.
Здесь предо мной никто не виноват.

Простые люди... Кто я впрямь для них?..
Лежачий камень... Мыслящий тростник...

Всех милосердий я превысил срок,
Протянутой руки схватить не смог.

Зачем им знать и помнить обо мне,
Что значил я, чем жил в своей стране.

В своей стране, где подвиг мой и грех.
В своей стране, что в пропасть тащит всех.

Они — просты. Досуг их добр и тих.
И где им знать, что в пропасть тащат — их.

Пусть будет всё, чему нельзя не быть.
Лишь помоги мне дух мой укрепить.

Покуда я живу в чужой стране.
Покуда жить на свете страшно мне.

Пусть я не только плоть, но я и плоть...
Прошу покоя у Тебя, Господь.

*

Никакой истерики.
Всё идет, как надо.
Вот живу в Америке,
Навестил Канаду.

Обсуждаю бодро я
Все свои идеи.
Кока-колу вёдрами
Пью — и не беднею...

...Это лучше, нежели
Каждый шаг — как веха...
Но — как будто нé жил я
На земле полвека.

Сентябрь 1974

*

Довольно!.. Хватит!.. Стала ленью грусть.
Гляжу на небо, как со дна колодца.
Я, может быть, потом еще вернусь,
Но то, что я покинул — не вернётся.

Та ярость мыслей, блеск их остроты,
Та святость дружб, и нежность, и веселье.
Тот каждый день в плену тупой беды,
Как бы в чаду свинцового похмелья.

...Там стыдно жить — пусть Бог меня простит.
Там ложь, как топь, и в топь ведёт дорога.
Но там толкает к откровенью стыд
И стыд приводит к постиженью Бога.

Там невозможно вызволить страну
От мутных чар, от мёртвого кумира,
Но жизнь стоит всё время на кону,
И внятна связь судеб — своей и мира.

Я в этом жил и возвращенья жду, —
Хоть дни мои глотает жизнь иная.
Хоть всё равно я многих не найду,
Когда вернусь... И многих — не узнаю.

Пусть будет так... Устал я жить, стыдясь,
Не смог так жить... И вот — ушёл оттуда.
И не ушёл... Всё тех же судеб связь
Меня томит... И я другим — не буду.

Всё та же ярость, тот же стыд во мне,
Всё то же слово с губ сейчас сорвётся.
И можно жить... И быть в чужой стране
Самим собой... И это — отзовётся.

И там, и — здесь...
Не лень, не просто грусть,
А вера в то, что всё не так уж страшно.
Что я — вернусь...
Хоть если я вернусь,
Я буду стар. И будет всё неважно...

1974

*

Ах ты жизнь моя — морок и месиво.
След кровавый — круги по воде.
Как мы жили! — Как прыгали весело —
Карасями на сковороде.

Из огня — в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных — и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

В ТЯЖЕЛУЮ МИНУТУ

Наш выбор прост. И что метать икру?
Я в пустоте без родины умру.
Иль родина сюда придет ко мне,
Чтоб утопить меня в своём г.....

КОЕ-КОМУ

Вы как в грунт меня вжимаете.
Не признали? Что вы знаете?
Это ярмарка какая-то —
Не поймёшь тут, что с чего.
Вы меня не понимаете?
Вы себя не понимаете!
Вообще — не понимаете...
Впрочем, вам не до того.

IV

ПОЭМЫ

ТАНЬКА

Седина в волосах.
Ходишь быстро. Но дышишь неровно.
Все в морщинах лицо —
только губы прямы и тверды.
Танька!
Танечка!
Таня!
Татьяна!
Татьяна Петровна!
Неужели вот эта
усталая женщина —
ты?
Ну, а как же твоя
комсомольская юная ярость,
Что бурлила всегда,
клокотала, как пламень, в тебе! —
Презиравшая даже любовь,
отрицавшая старость,
Принимавшая смерть
как случайную гибель в борьбе.
О! Твоё комсомольство!
Без мебелей всяких квартира,
Где нельзя отдыхать —
можно только мечтать и гореть.
Даже смерть отнеся
к проявлениям старого мира,
Что теперь неминуемо
скоро должны отмереть...

...Старый мир — не погиб.
А погибли друзья и подруги,
Весом тел
не влияя ничуть
на вращенье земли.
Только тундра — цвела.
Только выли колымские вьюги,
И под мат блатарей
невозвратные годы ушли.
Но опять ты кричишь
с той же самою верой и страстью.
В твоих юных глазах
зажигается свет бирюзы.
— Надо взяться!
Помочь!
Мы вернулись — и к чёрту несчастья...
Ты — гремишь.
Это гром
отошедшей,
далекой грозы.
Хочешь в юность вернуться.
Тебе до сих пор непонятно,
Что у гроз,
как у времени,
свой,
незаказанный путь.
Раз гроза отошла,
то уже не вернется обратно, —
Будут новые грозы,
а этой — твоей — не вернуть.

— Перестань! —
ты кричишь, —
ведь нельзя,
ничего не жалея,
Отрицать — обобщать.
Помогай,
критикуй,
но — любя! —
Всё как раньше:
идея,
и жизнь — матерьял для идеи...
Дочкой правящей партии я вспоминаю тебя.
Дочкой правящей партии,
— не на словах, а на деле
Побеждавшей врагов,
хоть и было врагов без числа.
Ученицей людей,
озаренных сиянием цели, —
Средь других,
погруженных всецело
в мирские дела.
Как они тормозили движенье,
все эти другие,
Не забывшие домик и садик —
не общий, а свой.
Миллионы людей.
Широчайшие массы России,
Силой бури взметенной
на гребень судьбы мировой.
Миллионы на гребне!
Что поднят осеннею ночью

К тем высотам, где светит
манящая страны звезда.
Только гребень волны
— не скала
и не твердая почва.
На такой высоте
удержаться нельзя навсегда.
Только партия знала,
как можно в тягучести буден
Удержать высоту
в первозданной и чистой красе.
Но она забывала,
что люди —
и в партии люди.
И что жизнь — это жизнь.
И что жизни подвержены — все.
А ты верила в партию.
Верила ясно и строго.
Без сомнений.
Отсутствием оных
предельно горда.
И тебе не казалось,
что раньше так верили в Бога...
Слишком ясные люди
тебя окружали тогда.
Танька! Танька!
Ты помнишь, конечно,
партийные съезды.
И тревогу в речах меньшинства
за любимый твой строй.

И в ответ на тревогу
глумливые выкрики с места:
— Не жалаим!
— Здесь вам не парламент!
— С трибуны долой!
В тех речах было всё
так тревожно,
запутано,
сложно:
Хорошо бы пройти в эти дали,
да вряд ли пройдем.
Ну, а Вождь отвечал
очень ясно:
для нас —
всё возможно!
Коммунисты — пройдут!..
Ты, конечно, пошла за Вождем.
Тебе нравилось всё:
высший смысл...
высший центр...
дисциплина...
Пусть хоть кошки скребут,
подчиняйся,
зубами скрипя.
Есть прямая дорога.
Любые сомненья —
рутина...
Дочкой правящей партии
я вспоминаю тебя.

Помнишь, Танька,
была ты в деревне
в голодное лето?
Раскулаченных помнишь,
кто не был вовек кулаком?
Ты в газету свою написать
не решилась про это,
Чтоб подхвачено не было это
коварным врагом.
Создаются колхозы
и их возвеличивать нужно.
Новый мир всё вернет
расцветающим жителям сел.
А ошибки — простят...
Эти фразы сгодились для службы
Людям старого мира —
он быстро сменять тебя шел.
Старый мир подступал,
изменяя немного личину.
Как к нему подошло
всё, что с болью создали умы:
Высший смысл.
Высший центр.
И предательский культ дисциплины,
И названья идей...
Танька, помнишь снега Колымы?
Танька,
Танечка,
Таня!
Такое печальное дело!

Как же ты допустила,
что вышла такая беда?
Ты же их не любила,
ведь ты же другого хотела.
Почему ж ты молчишь?
почему ж ты молчала тогда?
Как же так оказалось:
над всеми делами твоими
Неизвестно в какой
трижды проклятый
месяц и год
Путь открытый врагам —
эта хитрая фраза: «во имя» —
Мол, позволено всё,
что, по мысли, к добру приведет.
Зло во имя добра!
Кто придумал нелепость такую!
Даже в страшные дни!
Даже в самой кровавой борьбе! —
Если зло поощрять,
то оно на земле торжествует —
Не во имя чего-то,
а просто само по себе.
Все мы смертные люди.
Что жизни
все наши насилья?
Наши жертвы
за счет ослепленных
ума и души!
Ты лгала — для добра,
но традицию лжи подхватили

Те, кто больше тебя
был способен к осмысленной лжи.
Все мы смертные люди.
И мы проявляемся страстью.
В нас, как сила земная,
течет неуёмная кровь.
Ты любовь отрицала
для более полного счастья.
А была ль в твоей жизни
хотя бы однажды любовь?
Никогда.
Ты всегда презирала пустые романы.
Вышла замуж.
(Уступка —
что сделаешь: сила земли.)
За хорошего парня...
И жили без всяких туманов.
Вместе книги читали,
а после и дети пошли.
Над детьми ты дрожала...
А впрочем — звучит, как легенда, —
Раз потом тебе нравился очень
без всяких причин,
Вопреки очевидности, —
худенький,
интеллигентный
Из бухаринских мальчиков
красный профессор один.
Ты за правые взгляды
ругала его непрестанно.

Улыбаясь, он слушал
бессвязных речей твоих жар.
А потом отвечал:
«Упрощаете вещи, Татьяна!»
И глядел на тебя.
Еще больше тебя обожал.
Ты ругала его.
Но звучали слова, как признанья.
И с годами бы вышел, наверно,
из этого толк.
Он в политизолятор попал.
От тебя показаний
Самых точных и ясных
партийный потребовал долг.
Дело партии свято.
Тут личные чувства не к месту.
Это сущность.
А чувства, как мелочь,
сомни и убей.
Ты про все рассказала
задумчиво,
скорбно и честно
Глядя в хмурые лица
ведущих дознанье людей.
Что же — люди, как люди.
Зачем же, сквозь эти «во имя»
Проникая
в сомнений неясных
разбуженный вал,

Он глядел на тебя
добрый, честный,
глазами родными
И казалось,
серьезный и грустный
вопрос задавал.
Ты ответить ему не могла,
хоть и очень хотела.
Фразы стали пусты,
а ты стала немой, хоть убей.
Неужели же мелочь —
интимное личное дело —
Означало так много
в возвышенной жизни твоей.
Скоро дни забурлили в таинственном приступе гнева.
И пошли коммунисты на плаху,
на ложь и позор.
Без различья оттенков:
центральных, и правых, и левых
Всех их ждало одно впереди —
клевета и топор.
Ты искала причин.
Ты металась в тяжелых догадках.
Но ругала друзей,
повторяла, что скажет печать...
— Было б красное знамя...
Нельзя обобщать недостатки.
Перед сонмом врагов
мы не вправе от боли кричать.
Но сама ты попала...
Обида и мрачные думы.

Всё прощала.
Простила.
Хоть было прощенье невмочь.
Но когда ты узнала,
что красный профессор твой умер,
Ты в бараке на нарах
проплакала целую ночь.
Боль, как зверь, подступала,
свирепо за горло хватала.
Чем он был в твоей жизни?
чем стал в твоем бреде ночном?
Жизнь прошла пред тобой.
В ней чего-то везде не хватало.
Что-то выжжено было
сухим и бесплодным огнем.
Ведь любовь — это жизнь.
Надо жить, ничего не нарушив.
Чтобы мысли и чувства
сливались в душе и крови.
Ведь людская любовь
неделима на тело и душу.
Может, все коммунизмы —
одна только жажда любви.
Так чего же ты хочешь?
Но мир был жесток и запутан.
Лишь твое комсомольство
светило сквозь мутную тьму
Прежним смыслом своим,
прочной памятью...
Вот потому-то,

Сбросив лагерный ватник,
ты снова рванулась к нему.
Ты сама заявляешь,
что в жизни не всё еще гладко.
И что Сталин — подлец;
но нельзя ж это прямо в печать.
Было б красное знамя...
Нельзя обобщать недостатки.
Перед сонмом врагов
мы не вправе от боли кричать.
Я с тобой не согласен.
Я спорю
И я тебя донял.
Ты кричишь: «Ренегат!»,
но я доводы сыплю опять.
Но внезапно я спор обрываю.
Я сдался.
Я понял —
Что борьбе отдала ты
и то, что нельзя ей отдать.
Всё:
возможность любви,
мысль и чувство,
надежду и совесть, —
Всю себя без остатка...
А можно ли жить
без себя?
... И на этом кончается
длинная грустная повесть.

Я ее написал,
ненавидя,
страдая,
любя.
Я ее написал,
озабочен грядущей судьбою.
Потому что я прошлому
отдал немалую дань.
Я ее написал,
непрерывной терзаемый болью, —
Мне пришлось от себя отрывать
омертвевшую ткань.

1967

ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ

Эрнесту Хемингуэю

Когда устаю, — начинаю жалеть я
О том, что рожден и живу в лихолетье,
Что годы растрачены на постиженье
Того, что должно быть понятно с рожденья.
А если б со мной не случилось такое,
Я смог бы, наверно, постигнуть другое, —
Что более вечно и более ценно,
Что скрыто от глаз, но всегда несомненно.

Ну, если б хоть разумом Бог бы обидел,
Хоть впрямь ничего б я не слышал, не видел,
Тогда б... Что ж, обидно, да спросу-то нету...
Но в том-то и дело, что было не это.
Что разума было не так уж и мало,
Что слуха хватало и зренья хватало,
Но просто не верило слуху и зренью
И собственным мыслям мое поколенье.

Не слух и не зрение — с самого детства
Нам вера, как знанье, досталась в наследство, —
Высокая вера в иные начала...
О, как неохотно она умирала!
Мы знали: до нас так мечтали другие,
Но всё нам казалось, что мы — не такие,
Что мы не подвластны ни року, ни быту,
Что тайные карты нам веком открыты.

Когда-нибудь вспомнят без всякой печали
О людях, которые меры не знали.
Как жили они и как их удивляло,
Когда эта мера себя проявляла.
И вы меня нынче поймете едва ли,
Но я б рассмеялся, когда б мне сказали,
Что нечто помимо есть важное в мире,
Что жизнь — это глубже, страшнее и шире.

Уходит со сцены мое поколенье
С тоскою — расплатой за те озаренья.
Нам многое ясное не было видно,
Но мне почему-то за это не стыдно.
Мы видели мало, но значит — немало,
Каким нам туманом глаза застилало,
С чего начиналось, *чем* бредило детство,
Какие мы сны получили в наследство!

Летели тачанки, и кони храпели,
И гордые песни казнимые пели,
Хоть было обидно стоять, умирая,
У самого входа, в преддверии рая.
Еще бы немного напора такого —
И снято проклятие с рода людского.
Последняя буря, последняя свалка —
И в ней ни врага и ни друга не жалко.

Да! В этом, пожалуй что, мудрости нету,
Но что же нам делать? Нам верилось в это!
Мы были потом. Но мы к тем приобщались,
Нам нравилось — жить, о себе не печалясь.

И так, о себе не печалясь, мы жили.
Нам некогда было — мы к цели спешили.
Построили много и всё претерпели,
И всё ж ни на шаг не приблизились к цели.

А нас всё учили. Всё били и били!
А мы все глупили, хоть умными были.
И всё понимали. И не понимали.
И логику чувства собой подминали...
Мы были разбиты. В Москве и в Мадриде.
Но я благодарен печальной Планиде,
За то, что мы так, а не иначе жили,
На чем-то сгорели, зачем-то дружили.

На жизнь надвигается юность иная,
Особых надежд ни на что не питая.
Она по наследству не веру, не силу —
Усталое знанье от нас получила.
От наших пиров ей досталось похмелье.
Она не прельстится немыслимой целью,
И ей ничего теперь больше не надо —
Ни нашего рая, ни нашего ада.

Разомкнутый круг замыкается снова
В проклятие древнее рода людского!

А впрочем, негладко, непросто, но вроде
Года в колею понемножечку входят, —
И люди трезвеют и всё понимают,
И логика место свое занимает,
Но с юных годов соглашаются дети,

Что зло и добро равноправны на свете.
И так повторяют бестрепетно это,
Что кажется, нас на земле уже нету.

Но мы — существуем! Но мы — существуем!
Подчас подыхаем, подчас торжествуем.
Мы — опыт столетий, их горечь, их гуща.
И нас не растопчешь — мы жизни присущи.

Мы брошены в годы, как вечная сила,
Чтоб злу на планете препятствие было!
Препятствие в том нетерпеньи и страсти,
В той тяге к добру, что приводит к несчастью.

Нас всё обмануло: и средства, и цели,
Но правда всё то, что мы сердцем хотели.
Пусть редко на деле оно удается,
Но в песнях живет оно и остается.
Да! Зло развернется... Но, честное слово,
Наткнётся оно на препятствие снова,
Схлестнется... И наше с тобой нетерпенье
Еще посетит не одно поколенье.

Вновь будут неверными средства и цели,
Вновь правдой всё то, что мы сердцем хотели,
Вновь логика чувствами будет подмята,
И горькая будет за это расплата.
И кто-то, измученный с самого детства,
Усталое знанье получит в наследство.
Вновь будут несхожи мечты и свершенья,
Но будет трагедия значить движенье.

Есть Зло и Добро. И их бой — нескончаем.
Мы место свое на земле занимаем.

1958

КОНЕЦ ВЕКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы живем на земле —
нераздельной,
усталой,
израненной.
Друг от друга страдая,
нуждаясь хоть в капле тепла.
Я пишу не затем, чтоб свести
свои счеты с Германией,
И найти в ней причину
всемирного
вечного зла.
Всепрощение?
Нет.
Это слишком еще не история.
Это свежая рана,
что в душах поныне жива,
В лагерях еще целы
развалины крематориев,
В Бабьем Яре
густая и жирная
всходит трава.
Утешайся!
Не мы это — немцы.
Минутку внимания!
Это так,
только тут не отделаться
прозвищем «Фриц»!

Это было с такими, как мы,
рядом с нами,
в Германии,
Здесь,
на круглой планете,
где нету природных границ.
Это всё — наша жизнь,
где корысть
прикрывают величием.
Где все нации спорят:
земля не твоя,
а моя.
Да опомнитесь, люди!
Что значат
все ваши различия
Перед общим различием
жизни и небытия!

ГЛАВА I

На восставший Париж
наступают войска из Версаля.
Коммунары дерутся,
но только их мало в строю...
Вот стихает пальба.
Баррикады последние пали.
Девятнадцатый век
погружается в старость свою...
Свирепеют суды.
Что ж!
Парламент одобрит расстрелы.

Рукоплещет — республика!
Всё теперь начистоту.
Девятнадцатый век
ощущает развитью пределы
И стреляет по тем,
кто посмел перейти за черту...
Но прийти в равновесие
вскорости всё обещает.
Равновесие это
он больше не даст разболтать.
Девятнадцатый век
с голубыми мечтами кончает...
Он достиг своего.
А о большем не хочет мечтать.
Да, Парламент и хартии —
к этому люди привыкли.
И границы сословий —
от них уже нет ничего...
Век достиг своего.
Почему ж своего не достигли
Те, кто двигал его,
защищал баррикады его?
Все названия лгут.
И мечты не найдут применения.
Почему ж это так?
Где ж тернистый закончится путь?
Или, вправду, история
сводится вся
к уравненью,
Где меняется вид,
но вовек не меняется суть?

Век мечтал об одном.
Получилось, как видно, другое.
Но, не глядя на то,
утопая в уютном житье,
Девятнадцатый век
одного только хочет — покоя
И глядит сквозь очки,
сидя в кресле,
как добрый рантье...
Любит он справедливость.
Но только не в натиске бурном,
И сочувствует бедным.
Но всё-таки счастлив вполне...
И ему представляется мир
аккуратным,
культурным,
А природа приручённой —
в людях самих и вовне...
Словно это не в жизни,
а так,
в идиллической пьесе:
Все дороги — аллеи, —
иных не бывает путей...
И рождается сказка
о добром
приличном
Прогрессе, —
О присяжном слуге
и заботливом друге людей.
Всюду правит Прогресс.
Все живут и разумно и чисто.

Как наука велит,
удобрения вносятся в грунт...
Только бомбы зачем-то
швыряют в царей нигилисты.
Ну, да это в России.
Там вечно холера иль бунт.
Там парламента нет.
И пока что вводить его рано.
Азиатский народ...
Но настанут когда-нибудь дни —
И прогресс просвещенья
захватит и дикие страны,
И приятною жизнью
тогда заживут и они...
Так освоенный мир
улыбается нежно и мило.
Только время идет.
И в какие очки ни смотри,
Девятнадцатый век
оттесняют свирепые силы
И, еще не раскрытые,
точат его изнутри...
Еще сладкий дурман
обвевает мозги человека.
Только страсти —
живут.
В них судьба.
И ее не унять.
И жестокие правды
другого —
двадцатого века

Проступают уже —
хоть никто их не может понять...
Ну не так чтоб никто —
разговоры про крах неминучий
Входят в быт всё упорней,
но как ни ораторствуй тут,
Все же трудно представить
к а к и е
сбираются тучи
Над цветущей Европой,
где творчество,
право
и труд.
Как еще уважается мысль,
воплощенная в слове...
Что бы ни было в ней,
это «чистая область ума».
Словно наше мышленье
не связано
с голосом крови,
Словно в нем притаиться не может
звериность и тьма...
Век свободы настал.
Будь свободным
и в области быта.
Будь свободен во всем!..
(Дым!
А вдруг от него угоришь?..)
Доктор Фауст с любовницей
ездит на воды открыто,

Маргариту любовник
на месяц увозит в Париж.
Но от этих измен
вдруг не вспыхнут кровавые войны,
Честь ничья не задета...
(при чем тут
и что это — честь?)
Это очень полезно,
разумно
и благопристойно.
В этом есть просвещенность
и вместе естественность есть.
Это — значит свобода.
(А может, тоска без исхода?)
Это точные знанья.
(Гормоны бунтуют в крови.)
Это дух исчезает
и рушатся связи —
свобода!
А искусство уходит
от смысла,
от форм,
от любви...
Только правда мгновенья.
Все стало доступно и просто...
Лишь дежурной улыбкой
глазам отвечают глаза.
Только женщину вскрыли
жрецы полового вопроса.
Только женственность сводят,
как сводят в Карпатах леса.

Чтоб когда эта призрачность
всё же откроется чувству,
А устроенность жизни
исчезнет в короткой борьбе,
Чтоб нигде и ни в чем:
ни в семье,
ни в любви,
ни в искусстве —
Человек не нашел ни себя,
ни покоя себе.
А пока что прогресс.
Всё, что с ним —
человечно и свято.
Все идеи — в почете...
И тоже идеям
верны,
Напрягая умы,
колесят по земле дипломаты...
Самым чутким ушам
уже слышится смех сатаны.
Он смеется не зря.
Мы теперь это знаем, к несчастью.
Дурь настолько окрепнет,
что разум предаст человек,
Выражаться научно
научатся темные страсти...
Но об этом не знает еще
девятнадцатый век.
Он уверен в себе.
Добродушно встречает он годы,

Всем желая успеха
и в трубы прогресса трубя...
Добрый толстый рантье,
приручивший стихии природы!
Что ты знаешь о них?
Еще меньше ты знаешь —
себя.

ГЛАВА II

Всё о мертвой воде.
А нельзя ли
про воду живую?
Не у всех ведь душа
умиленья и страха
полна.
Социал-демократия
в ритме другом
существует,
Ибо поступь истории
чувствует только она.
Есть научное зренье.
Его ей ничто не затмило.
Будет братство рабочих,
придет,
нищету истребя...
А терзания духа —
агония старого мира.
Пессимизм — это он.
Это то,
как он видит себя.

Он уверен, что близится хаос...
Но ей-то понятно,
Что не хаоса —
творческой бури
слышны голоса.
Да! Ему это страшно.
Но ей это —
только приятно —
Это ветер грядущего
дует в ее паруса.
Но довольство вползает
в квартиры рабочих,
как мебель.
И во многих квартирах
в почетном углу на стене
Два портрета висят.
Оба «унзере».
Кайзер унд Бебель.
Друг на друга глядят
и скучают вдвоем в тишине.
Что ж!
Забавная глупость.
К ним буря еще подберется.
Но терпенье!
К нему
непрерывно взывают вожди.
Чем не райская жизнь?
Верить в цель...
рваться к цели...
бороться...

А последний рывок
ощущать далеко впереди.
Мирно движется век.
Происходят в рейхстаге дебаты,
Уясняются истины,
жить без которых нельзя.
И на месте законном
шумят
социал-демократы,
Возраженья — внося,
и гармонию тоже —
внося...
...Это — времени дух.
Все культурно.
Пока —
нетревожно...
Где им взяться,
тревогам.
Устойчиво чист небосвод...
Младший Либкнехт пугает войной.
Но война — невозможна.
Как теперь воевать,
если есть на земле пулемет?!.
Дипломаты скандалят.
Но вряд ли им хочется драться.
Это бред.
А найдутся безумцы —
и то не беда.
Социал-демократия —
воля рабочего братства —

По природе своей
не допустит войны
никогда.
Это вера и смысл.
И по-прежнему лозунги
броски.
Но взрослеют вожди,
и глаза им не застит туман.
Понимает все явственней
нужды империи Носке.
Государственный такт
проявляет Филипп Шейдеман.
Это страсти кипят.
Незаметней они,
и исконней,
И хитрей, чем идеи...
Да, братство!
Конечно!
Но все ж —
Надо честно сказать —
у Германии мало колоний.
По своей доброте
опоздала она на дележ.
Доброта — это слабость немецкая.
Сколько — о, Боже, —
Неудач, поражений,
стыда
натерпелись мы с ней...
Между прочим,
рабочим,
колонии выгодны тоже:

Чем беднее страна,
тем живут они тоже бедней.
Это стыдные мысли:
всемирно рабочее дело.
Но такой нынче воздух.
Попробуй прожить не дыша...
Нет! Идеи всё те же.
Лишь помнить о них надоело,
Словно жаждет разминки
забредшая в дебри душа.
Словно хочется мыслить, как люди,
уйти из-под власти
Схем всеобщего счастья.
Упиться полетом минут.
Нет! Идеи на месте...
Но ими не заняты страсти —
Страсти жаждут свободы
и жвачку они не жуют.
Страсти жаждут свободы
и мысль побеждают упрямо.
Пусть устои трещат,
но страшнее
банальность судьбы.
Бога нет —
и пускай.
Раздеваются весело дамы.
Футуристы вопят,
и кубисты рисуют кубы.
Это «я» проявляется.
«Я» без границы и цели.

«Я» без формы и смысла —
какое и в чем —
всё равно
Нету взлета — в паденье,
любовь не дается —
в борделе,
В воровстве и в художестве
выхода ищет оно.
Жажда творчества...
Творчество...
Творчества! —
всем его мало.
Будет битва за творчество —
так этой жаждой полны...
Всюду — творческий дух...
Чутко дремлют в штабах генералы
И, скучая без творчества,
ждут объявления войны...
Только ждать им недолго...
Обиды все гуще теснятся...
Есть еще осторожность,
но страсти плотину прорвут...
И тогда отдадут
все орудья
обиженных наций
Человеческой глупости
четырехлетний салют.
И тогда заорут.
И возникнут орущие братства:

На Берлин!
На Париж!
В освежающий гром
канонад...
Кто оратор — спроси.
Всё смешалось.
Нельзя разобраться.
Декадент?
Монархист?
Либерал?
Социал-демократ?
Все уставшие «я» успокоились.
Все — патриоты.
Сметены тупики.
Жизнь ясна
и природа ясна.
Необъятные личности
жаждут построиться в роты...
Кто оратор? — спроси.
Всё равно.
Ни к чему имена.
Он из братства орущих,
готовых под пули по знаку,
Он в толпе растворен.
Но на время.
В назначенный срок
Пред таким же, как он,
Человеком,
идущим в атаку,

Перед смертью своей
он окажется вновь
одинок.
Будет воздух синей чем всегда,
будет небо бездонней,
И покуда совсем для него
этот свет не погас,
Будет глупо звучать:
«У Германии мало колоний».
И нелепо звучать —
«Незажившая рана — Эльзас».
. . . . . .
Век культуры идет.
Век свободы и доброго света.
Власть гуманных идей,
о которой мечтали давно.
И рантье надевает очки.
Он читает газету.
«Фигаро» или «Форвертс» читает.
Не всё ли равно?

1961

НАИВНОСТЬ

(5 стихотворений)

I

Наивность!
Хватит умиленья!
Она совсем не благодать.
Наивность может быть от лени,
От нежеланья понимать.

От равнодушия к потерям.
К любви... А это тоже лень.
Куда спокойней раз поверить,
Чем жить и мыслить каждый день.

Так бойтесь тех, в ком дух железный,
Кто преградил сомненьям путь.
В чьем сердце страх увидеть бездну
Сильней, чем страх в нее шагнуть.
Таким ничто печальный опыт.
Их лозунг — «вера, как гранит!»
Такой весь мир в крови утопит,
Но только цельность сохранит.
Он духом нищ, но в нем — *идея*,
Высокий долг вести вперед.
Ведет!
Не может... Не умеет...
Куда — не знает... Но ведёт.
Он даже сам не различает,
Где в нем корысть, а где — любовь.

Пусть так.
Но это не смягчает
Вины за пролитую кровь.

II

Наивность взрослых — власть стихии.
Со здравым смыслом — нервный бой.
Прости меня. Прости, Россия,
За все, что сделали с тобой.
За вдохновенные насилья,
За хитромудрых дураков.
За тех юнцов, что жить учили
Разумных, взрослых мужиков.
Учили зло, боясь провала.
При всех учили — днем с огнем.
По-агитаторски — словами.
И по-отечески — ремнем.

Во имя блага и свершенья
Надежд несбыточных Земли.
Во имя веры в положенья
Трех скучных книжек, что прочли.

Наивность? Может быть.
А, впрочем,
При чем тут качества ума?
Они наивны были очень, —
Врываясь с грохотом в дома.
Когда неслись, как злые ливни,
Врагам возможным смертью мстя,

Вполне наивны.
Так наивны,
Как немцы — десять лет спустя.

Да, там, на снежном новосельи,
Где в степь состав сгружал конвой.
Где с редким мужеством
терпели —
И детский плач, и женский вой.

III

Все для тебя. Гордись, отчизна.
Пойми, прости им эту прыть:
Идиотизм крестьянской жизни
Хотелось им искоренить.
Покончить силой — с древней властью
Вещей — чтоб выделить свою.
И с ней вести дорогой к счастью
Колонны в сомкнутом строю.

Им все мешало: снег и ветер,
Законы, разум, смех, весна,
Своя же совесть... Всё на свете.
Со всем на свете шла война.
Им ведом был — одним в России —
Счастливых дней чертеж простой.
Всей жизни план...
Но жизнь — стихия.
Срывала план. Ломала строй.
Рвалась из рук. Шла вкривь. Болела.

Но лозунг тот же был: «Даешь!»...
Ножами по живому телу
Они чертили свой чертеж.
Хоть на песке — а строя зданье.
Кто смел — тот прав.
Им неспроста
Казалось мелким состраданье.
Изменой долгу — доброта.

Не зря привыкли — в ожиданье
Своей несбывшейся судьбы
Считать
на верность испытаньем
Жестокость классовой борьбы.

Борьба!
Они обожествляли
Её с утра и дотемна.
И друг на друга натравляли
Людей — чтоб только шла она.
И жизнь губили, разрушая
Словами — связи естества.
Их обступила мгла пустая.
Тем тверже верили — в слова.
Пока ценой больших усилий,
Устав от крови и забот,
Пришли к победе...
Победили. —
Самих себя и весь народ.

IV

Не мстить зову — довольно мстили.
Уймись, страна! Устройся, быт.
Мы все друг другу заплатили
За всё давно, —
и счёт закрыт.
Ну что с них взять —
с больных и старых.
Уж было всё на их веку.
Я с ними сам на тесных нарах
Делил баланду и тоску.
Они считали, что безвинны,
Что их судьба, — как с неба гром.

Но нет! Тому была причина
— Звалась: великий перелом.

Предмет их гордости... Едва ли
Поймут когда-нибудь они,
Что всей стране хребет сломали
И душу смяли ей — в те дни —
Когда из верности науке,
Всем судьбам стоя поперек,
Отдали сами — властно — в руки
Тем, кто не может,
тех, кто мог,
Чтоб завязалась счастья завязь,
Они — в сознаньи вещих прав, —
Себе внушили веру в Зависть,
Ей смело руки развязав.

В деревне только лишь...
Конечно!
Что ж в город хлынула волна?
Потоп!
Ах, где им знать, сердечным,
Что всё вокруг — одна страна.
Что в ней — не в тюрьмах,
в славе, в силе,
Они — войдя в азарт борьбы,
Спокойно сами предрешили
Извивы собственной судьбы.
Кто б встал за них — от них же зная,
Что совесть гибкой быть должна.
Живой страны душа живая
Молчала в обмороке сна.
Не от побед бывают беды,
От поражений... Мысль проста.
Но их бедой была победа. —
За ней открылась — пустота.

V

Они — в истоке всех несчастий
Своих и наших... Грех не мал.
Но — не сужу...
Я сам причастен.
Я это тоже одобрял.
Всё одобрял: крутые меры,
Любовь к борьбе и строгий дух. —
За дружбы свет,
за пламя Веры, —
Которой не было вокруг.

Прости меня, прости, Отчизна,
Что я не там тебя искал.
Когда их выперло из жизни,
Я только думать привыкал.
Немного было мне известно,
Но всё ж казалось — я постиг.
Их выпирали так нечестно,
Что было ясно — честность в них.
За ними виделись мне грозы,
Любовь... И где тут видеть мне
За их бедой — другие слезы,
Те, что отлились всей стране.
Пред их судьбой я не виновен.
Я ею жил, о ней — кричал.
А вот об этой — главной — крови
Всегда молчал. Ее — прощал.
За тех юнцов я всей душою
Болел... В их шкуру телом влез.
А эта кровь была чужою,
И мне дороже был прогресс.
Гнев на себя — он не напрасен.
Я шел на ложные огни.
А впрочем, что ж тут? Выбор ясен.
Хотя б взглянуть на наши дни:
У тех трагедии, удары,
Судьба... Мужик не так богат:
Причин — не ищет. Мемуаров —
Не пишет... Выжил — ну и рад.

Грех — кровь пролить из веры в чудо.
А кровь чужую — грех вдвойне.
А я молчал...
Но впредь — не буду:
Пока молчу — та кровь на мне.

1963

Бабий Яр.
Это было...
Я помню...
Сентябрь...
Сорок первый.
Я там был и остался.
Я только забыл про это.
То есть что-то мне помнилось,
но я думал: подводят нервы.
А теперь оказалось: все правда.
Я сжит со света.
Вдруг я стал задыхаться
и вспомнил внезапно с дрожью:
Тяжесть тел...
Я в крови...
Я лежу...
И мне встать едва ли...
Это частная тема.
Но общего много в ней тоже. —
Что касается всех,
хоть не всех в этот день убивали.
Всё касается всех!
Ведь душа не живет раздельно
С этим вздыбленным миром,
где люди — в раздоре с Богом.
Да, я жил среди вас.
Вам об этом забыть — смертельно.
Как и я не имею права
забыть о многом.

Да, о многом, что было и жгло:
о слепящей цели,
О забвении горя людского,
причин и следствий...
Только что с меня взять? —
мне пятнадцать,
и я расстрелян.
Здесь —
еще и не зная
названия этого места.
Пусть тут город, где жил я,
где верил, как в Бога, в разум,
Знать хотел всё, что было,
угадывал всё, что будет, —
Я на этой окраине не был.
Совсем.
Ни разу.
И не ведал о том,
как тут в домиках жили люди.
Я сегодня узнал это,
я их в толпе увидел,
В их глазах безучастье молчало,
как смерть, пугая...
Где мне знать, что когда-то
здесь кто-то их так же обидел, —
Примирил их с неправдой
и с мыслью, что жизнь — такая.
Я шепчу: «обыватели»!
с ненавистью
и с болью.

Все мы часто так делаем
гордо и беззаботно.
Ах, я умер намного раньше,
чем стал собою,
Чем я что-то увидел,
что понял я в жизни что-то
Мне пятнадцать всего,
у меня еще мысли чужие.
Все, чем стану богат, еще скрыто,
а я — у края.
Светом жизни моей,
смыслом жизни ты стала,
Россия.
Но пока я и слово «Россия»
нетвердо знаю.
Я таким и погибну.
Намного беднее и меньше,
Чем я стану потом...
Стыдно помнятся мысли эти...
Здесь впервые я видел
беспомощность взрослых женщин,
Понял, как беззащитны на свете
они и дети.

...До сих пор лишь дорогой я жил, —
верил только в сроки.
Что обычные чувства? —
Дорога — моя стихия.
А теперь я прошел до конца
по другой дороге.

По недальней другой, —
той, что выбрали мне другие.
Я в газетах читал о них раньше,
как все читали.
Верил:
в рабстве живут они.
Мучась, не видя света.
Я мечтал им помочь,
и они обо мне мечтали, —
Что когда-нибудь так я пройду
по дороге этой.
Я сегодня их видел.
Смотрели светло и честно.
Видно, Верой была им
мечта, что я скоро сгину.
И я шел через город,
где только что кончилось детство, —
Он глаза отводил.
Притворялся, что он — чужбина.
Шел я в сборной толпе.
В ней различные люди были.
Я не всех тут любил,
хоть одно составлял со всеми.
Я не мог бы так жить.
И я рад, что меня убили.
Что ушел я в себя:
непосильно мне это бремя.
Нет, не гибель страшна!
Все мы знали, что можем погибнуть, —
В наступающих битвах,
которых предвиделось много.

Но не так,
а со смыслом,
с друзьями, и даже — с гимном!..
Нет, не гибель страшна,
а такая страшна дорога.
Нет, не гибель страшна,
а дорога сквозь эти взгляды,
Сквозь припрятанный страх, любопытство
или злорадство...
— Так и надо вам, сволочи!
Так вам, собаки, надо!.. —
Злобно баба кричала в толпе,
не могла накричаться.
Изнывала она от тоски,
заходясь гнусаво.
Словно тысячу лет
эта боль разрывала душу,
Всё таилась в душе...
А теперь получила право
На своё торжество,
на свободу, — рвалась наружу.
Торопилась излиться.
На всех.
На меня хотя бы.
Чтоб воспрянуть,
взлететь,
чтоб за всё получить с кого-то...
И она ликовала,
она наслаждалась,
баба, —

И несчастной была,
и противной была, —
до рвоты.
Сто веков темноты,
ощетинясь, за ней стояли.
И к тому же — обман и безжалостность
этого века, —
Что мне крылья давал,
что давал мне провидеть дали,
Что давал мне возможность
считать себя человеком.
Может, это за счет ее счастья?
Что ж, я в ответе.
Впрочем, так я не думаю,
мал еще думать это.
Да и здесь неуместно...
Ну я,
а при чем тут — эти?
Да и что я про бабу?
В ней правды сермяжной нету.
Ведь не все, кто страдал,
так тут жаждут сегодня крови.
И не все, кто страдал,
потеряли лицо и меру.
И с кого получать?
Здесь в толпе,
только я виновен.
Я один.
Я парил над страданьем
на крыльях веры.

И был счастлив один.
Остальные ж — причастны мало.
Просто жили и жили,
как все, —
средь нужды и бедствий.
Только баба не счеты сводила,
а так орала.
Не от правды — от зла,
от того, что пропало сердце.
Было мало его —
вот и город с ним сладил скоро.
Ничего не оставил.
Лишь зависть,
лишь взор нечистый.
Да. Но кто ее вытащил
голодом
в этот город,
Оторвал от земли,
от себя,
от понятных истин?

Чужд мне этот вопрос...
Я его лишь предчувствую слабо.
Отходя, вижу бабу опять
сквозь туман событий.
И вдруг сызнова это —
стоит и глядит на бабу
Тонколицый эсэсовец —
«воин-освободитель».
Он теперь победитель.
Вся жизнь за его плечами.

В страшной вере его
меч судьбы для толпы обреченной.
Он тут все подготовил,
а нынче страну изучает
С высоты своей расы...
В нем жив интерес ученый.
Я уж видел таких —
вдохновеньем глаза блистали.
Претенденты не только на власть —
на величье духа,
— Господами вселенной вы были,
а вшами стали, —
Мне такой вот сказал,
когда дворник избил старуху.
О каком вы господстве?
Неважно.
Все тонет в гуде.
А эсэсовец смотрит в пенсне
на толпу,
на хаос.
Вдруг столкнулся глазами со мной,
только скрипнул: «Jude!»
...Я теряюсь, когда ненавидят меня,
теряюсь.

Я тогда и взаправду
внезапно вину ощущаю,
Словно знал да скрывал от себя
в гуще дел и быта,
Что гармонии мира
всей сутью один мешаю,

Сам не ведая как;
а теперь это все — открыто.
Впрочем, все мы мешаем.
Естественней так, признаться,
Виноватить сначала себя,
хоть и мало толку.
Просто я неиспорчен пока —
мне ж всего пятнадцать!
Может, впрямь я господствовал,
да не заметил только.
Может, вправду все правильно?
Может, мы впрямь — все иные?
Все, кто в этой толпе,
всей толпой:
слесаря...
студенты...
Счетоводы...
завмаги...
раввины...
врачи...
портные...
Талмудисты...
Партийцы...
Российские интеллигенты...
Может, вправду?
Неправда!
Мы розны — мечтами и болью.
Впрочем, что возражать?
Люди в каждой толпе — похожи.
Здесь не видно меня —
я еврейской накрыт судьбою.

...Хоть об этой судьбе стал я думать
намного позже.
. . . . . .

Есть такая судьба!
— я теперь это в точности знаю.
Всё в ней —
глупость и разум,
нахальство и робость —
вместе.
Отразилась на ней темнота —
и своя, и чужая.
И бесчестье —
бесчестье других
и свое бесчестье.
Есть такая судьба —
самый центр неустройства земного.
И ответчик за всё —
древний выход тоски утробной.
Забывают о ней,
но чуть что — вспоминают снова.
И в застой, и в движенье
для злобы она удобна.
Есть такая судьба!
И теперь, и во время иное.
Я живу на земле и как все,
и как третий лишний.
И доселе бывает заманчиво
жертвовать мною, —
Всё валить на меня,
если что-то у всех не вышло.

Этим выходом ложь
манит вновь,
как не раз издревле.
И подводит опять —
это тоже не раз бывало.
Потому что мы люди,
и жертвовать мной не дешевле,
Чем любым —
надо душу свою загубить сначала.
Я теперь это знаю, —
земля, как и прежде — Божья.
Все мы связаны кровно. —
И я.
Это всем известно.
И нельзя обойтись без меня, —
даже если можно,
Даже если обидно,
что я занимаю место.
Подлый грех — рассужденья,
кто нужен, а кто — не очень.
Мы — одна суета,
и одно нас сжигает пламя.
И нельзя обо мне говорить,
что во мне вся порча.
Даже если бы так, —
стал таким я от вас и с вами.
Наши души — клубок.
А без душ — ни любви, ни муки.
Лишь одна пустота
и мечты о кимвальной славе.

Только скука одна
и жестокость от этой скуки, —
Сам не жажду я жить
на земле, где я жить не вправе.
Есть такая судьба!
И во всякой судьбе есть такое.
Только эта — меж всеми,
со всеми в дурном соседстве.
А в соседях — известно —
нагляднее зло мирское:
Вечно хватит причин,
чтоб в соседа острей вглядеться.
Есть такая судьба! —
часть обычная общего ада.
Я на ней не стою,
хоть ее обижали много.
Чтобы жить по-людски,
из нее вырываться надо.
Как из всякой судьбы, —
к одному вырываться Богу.

. . . . . .

А пока я лежу.
Я понятья пока не имею
Ни об этой кровавой судьбе,
ни о Божьем троне.
Всё стараюсь поверить,
что гибну в борьбе за идею
И стыжусь, что не верю...
А рядом девчонка стонет.

Я ведь помню ее:
ни тачанки за ней,
ни кожанки.
Танцы, книжки и парни,
и смех победительный, звонкий.
Благочестье храня,
презирал я ее, как мещанку.
А она не мещанкой была,
а была девчонкой, —
Знавшей временность жизни.
И радости всякой ценность
От рожденья —
так просто,
как я и теперь не знаю.
Но лежит она здесь, как и я.
Никуда не денусь
Я от этой судьбы.
Пусть мне ближе судьба другая.
Пусть об этой другой
я тоскую, качаясь, как в бурю...
Но эсэсовца взгляд — всё насмешливей,
мой — всё строже.
Он меня —
я в крови —
презирает, как учит фюрер.
Пусть.
Я понял уже,
что его презираю тоже.

Вера? Верил и я.
И я знаю, как верят чисто.

Был хоть с ним поделиться
я правдой готов своею.
У него для меня
только смерть —
ни судьбы, ни истин.
Только смерть.
Даже странно,
что это и есть и д е я.
Видно, знать мне дано,
что идей без всеобщности — нету,
И что правда всегда, —
даже если, как я, неправ ты, —
Это правда для всех.
Или вовсе не Правда это,
Просто страстная ложь,
вдохновенный отказ от правды.
Просто страстная ложь,
где победа — обгон без правил,
Вера в то, что сойдет
(как приятно, что Вера всё же).
Недостигнувших Бога
в пути подбирает дьявол.
Души адский огонь
согревает почти, как Божий.

Это знать мне дано.
Хоть я мыслью об этом не знаю.
Бога нет!
А я верен
своим представленьям и взглядам.

Просто в сердце моем
ноет правда, как рана сквозная.
И по-прежнему девушка
стонет беспомощно рядом.
Просто девушка эта — раздета —
как всех раздели.
Просто очень нежна —
а в крови у нее рубаха.
А эсэсовец смотрит —
всё так же он верен Цели.
Я не скоро пойму,
что всё так же он верен Страху.

На груди его — крест.
А в глазах — ощущенье силы.
Сталь.
Стандартная сталь —
и по мужеству, и по цвету.
Но всё чаще мне кажется:
что-то еще в них было.
Что-то было,
чего я не помню,
хоть видел это.
Я лишь ненависть помню одну —
мне ж всего пятнадцать.
Я не знал до сих пор,
а теперь уж и знать не буду,
Что и в ней, и за ней
подлый страх без нее остаться,
Что не столько она, сколько он
в этом хрипе: «Jude!»

Что лишь ненависть схлынет,
и ляжет на сердце глыбой
Всё, что мамой навеяно
мальчику в куртке куцой,
Всё, что помнится всем,
что теперь ему помнить — гибель.
Как лунатику гибель
у края стены очнуться.
...И не скоро поймет он —
что сам он прижат, как муха.
Что тут ненависть — верность,
заметят бесстрастье
— исторгнут.
Правят страсти кухарочьи,
вырядясь творчеством Духа,
И гордятся собой...
И спасенье одно — в восторге.

Ах, восторженный страх,
подлый страх!
Простота святая!
Это искренне сердце
подвластно гремучим фразам.
Это веру в нелепость
с восторгом душа подтверждает.
Это чувство,
а чувство — известно! — точней, чем разум.
И возвышенней тоже...
Ах, чувство! Ничто с ним не стыдно.
Разве стыден восторг неуёмный в любви
к отчизне?

Нынче в моде восторг.
Быть восторженным стало солидно.
Чувство знает, что лучше лишать,
чем лишаться жизни.
Знает также оно,
что приятней терзать, чем терзаться,
И поэтому проще,
когда в твоих мыслях — пусто.
Чувством помнить легко
про опасность любви и братства,
Чувством просто забыть,
что бывают другие чувства.
И беречь свой восторг,
и гордиться, служа ему верно.
И по трупам шагать,
выполняя свой долг солдата...
Ах, Германская Армия!
Храбрость твоя — безмерна!
Но трусливые люди
твои составляли штаты...

Шли они по земле,
как рабы, увлеченные властью.
И учились гордиться
уменьем на гордость плюнуть.
С каждой новой победой
всё больше в них было рабства.
С каждой новой победой
всё меньше желанья думать.
Их метель заметала
и вьюги им в лица дули.

Но несли они с гордостью
рабство свое туземцам.
Ничего не боялись —
ни бомб, ни штыка, ни пули.
Оглянуться боялись —
за ними дымил Освенцим.
Пели песни, гордясь,
когда влек их в пучину «Бисмарк»,
И Берлин защищали,
как ад защищают черти.
Оглянуться ж — боялись.
Боялись случайной мысли.
Отщепенства боялись —
что было им хуже смерти.
Это значило лечь
здесь, со мной
безвозвратно в яму.
Или в лагерь попасть —
прямо в печь из гремящей славы.
И несли они зло,
сохраняя восторг упрямо,
И свой собственный дом защищать
потеряли право.
Но его защищали,
хоть были обложены плотно,
И послушно, как раньше,
о вере в победу кричали.
А потом проиграли войну
и вздохнули свободно, —
Видно, было в них что-то,
о чем даже в мыслях молчали.

Видно, даже сойдясь
с громыхающей подлостью века,
В тяжком рабском восторге
собою себя подминая,
Все равно среди лжи
бесприютна душа человека,
Даже если он верит...
Что-что, а уж это — я знаю...

Нет, не знаю — узнаю.
Не нынче.
И даже — не скоро.
Мне пятнадцать всего —
это разве моя забота?
Я лежу среди трупов,
пройдя через вздыбленный город,
Я весь день ощущал,
что меня ненавидит кто-то.
Ненавидеть в ответ?
Это надо.
Но столько всплыло
В прошлом режущей подлости —
я уж оглох от шума.
Привирают?
Наверно.
Но что-то и вправду было,
Если баба орет,
если люди молчат угрюмо.
Что-то помнят они...
(Голод!.. Это, как бред, огромно:

Грузовик за окном,
а на нем — словно бревна — трупы.)
Что-то помнят они.
Да и я это тоже помню.
Я «списал» это только,
поверил, что помнить — глупо.
И зачем было мне через детство тащить такое —
Этих серых и сирых
с их скучной тупой печалью.
Волновало — движенье!
Хотелось — как всем! — в герои...
Я простил их судьбу,
а сегодня — мою прощают.
Я простил их судьбу
и отбросил деталью лишней.
Потому что вся жизнь —
(все слова!) —
на нее не похожи.

Словно впрямь из таких бы
герои вовек не вышли,

Словно впрямь они все родились,
чтоб трястись под рогожей.

Ну, а если б и им
кабинет и ковер на диване,

Где забвение бед
под защитой идеи и флага?

Неужели закон —
сумасшедшее соревнованье,

Кто кем раньше пожертвует ради всеобщего
блага?..

...Только где мне об этом подумать
в свои пятнадцать?
Я лишь танцы кляну —
в них мещанство и запах гнили.
Об огне революций мечтаю —
гореть и драться.
И мне жаль, что давно
кулаков без меня разбили.
И, конечно,
чекисты в кожанках
мне снятся часто.
В их жестокости вижу я подвиг,
в их лицах — лики.
Как же! — В битве за счастье
их участь — нести несчастье.
Ради правды — грешить.
Мне тот грех, —
как святых вериги.
Как само бескорыстье,
чей подвиг почетней риска.
Как причастье к сиянью,
к тому, что от прочих скрыто.
Где мне знать, что смешно
честно верить в свое бескорыстье,
Если сам на коне,
а кому-то в лицо — копыта.
Голубая романтика!
Подлость!
О, сколько крови,
Сколько грязи прикрыть
ты умеешь от глаз собою...

А эсэсовец смотрит.
Он знает, что я виновен,
И он знает, как надо
теперь поступить со мною.
Над его головою
каштанов красные листья.
За спиною его
ловят солнце, как прежде, окна.
Рад, что именно он
этот мир от меня очистит,
Вся земля расцветет,
потому что он здесь не дрогнул.
Судия он теперь...
Ложь! Убийца приказа ради.
Сам себя я сужу,
хоть покамест того не знаю.
Рядом девочка с рук
потянулась к фуражке: «Дядя!»
Вздрогнул все же.
Прошла
над скулою волна стальная.
Враг мой, жалости враг,
всё ж он вздрогнул.
На миг, а всё же...
Но себя обуздал.
Вновь стоит, как ряды считая.
И я вдруг понимаю,
что всё ж мы немного похожи, —
Потому что о трудном участке работы
и я мечтаю.

Потому что, конечно,
он тоже живет идеей.
У нее ж справедливость своя. —
К ней причастье — лестно.
Хоть причастье к обычной
дается куда труднее.
А она бы сегодня была мне
куда уместней.
Я бы мог возмутиться,
а так и не пикну даже.
Ведь права, что попрали враги,
сам ценил я мало.
Что сказать!
Справедливость
бывает своя и вражья.
Жаль, что их справедливость
сегодня мою подмяла.
Вот и всё.
И лежу
среди всех, кого тут скосило.
И меня уже нет —
даже нету мечты подняться.
Да, своя справедливость
ничто
без поддержки силы...
Только этого мне не узнать.
Мне навек пятнадцать.

*

Как и всем, как и вам,
долго душу мутил этот хмель мне.

Как и мне, вам понятна
гордыня раздора с Богом.
Знаю: мне, как и вам,
забывать про нее смертельно.
Но и вам, как и мне,
надо память хранить о многом.
О совместном грехе,
и особой, позорной каре.
Мы грешили равно —
в каждом бродит душа живая.
Только вы на земле.
Я ж за это лежу в Бабьем Яре...
Впрочем, это я сам —
так бывает —
легко забываю.
И живу на земле.
Злюсь,
творю,
устремляюсь к выси.
И. живой, как и все,
поступаю не так порою.
И всегда поражаюсь
желанью меня унизить, —
Вновь столкнуть меня лбом
с пресловутой моей судьбою.
Поражаюсь опять
этой логике злой бесстыдства.
И открытости:
ты
жить, как я, не имеешь права.

Это буйствует век,
не успевший стыду научиться:
Как добыча,
нахрапом,
берутся призванья и славы.
Снова что-то не вышло
и вновь моя участь — чужая.
Обвиненье?
Всё то ж:
«Для него всё святое — не свято».
И я снова мешаю —
всеобщему братству мешаю, —
Как по той же причине
немецкому братству когда-то.
Ну, а может быть, хватит?
Тупик — за такое хвататься:
Все — мешают.
Все люди.
А ложь для души — отрава.
И зачем?
Всё равно
без меня не достигнуть вам братства:
Что поделать! —
на братство
я тоже имею право. —
Раз тянусь я к нему,
раз я жажду принять участье,
Раз и свет и любовь
до сих пор в моем сердце живы...

Нет, меня обделить «благородно»
никак не удастся.
Лишь прямым грабежом! —
только подло
и только лживо.
Только злобе и лжи
до конца отдавая души,
Только чьим-то ножам
и свои подставляя груди.
Кто поверит в Закон,
если нагло он так нарушен?
А не веря в Закон,
свирепеют от страха люди.
Но убить меня — просто.
Сказать: «Не твоя Россия...»
Ведь она — моя жизнь,
путь к вселенной
и к Богу,
и к песне...
Но бывает, что скажут...
И все потеряв,
обессилев,
Я тогда ощущаю опять
под ногами бездну.
И лечу в эту жуть,
в этот гуд,
в этот запах гари.
И опять понимаю,
что только затменье это.

Что никем я не стал.
И не стану —
лежу в Бабьем Яре.
И в пятнадцать умру.
И все правда:
я сжит со света.

АБРАМ ПРУЖИНЕР

Сказание о старых большевиках Новороссии и новых московских славянофилах

1. *Печатными буквами рукой Николки: Я таки приказываю посторонних вещей на печке не писать под угрозой расстрела всякого товарища с лишением прав. Комиссар Подольского райкома. Дамский мужской и женский портной Абрам Пружинер.*

М. Булгаков. «Белая гвардия»

2. *Во время большого киевского погрома 1919 года в киевских квартирах можно было видеть у нагрянувших посетителей изысканные манеры, слышать от них недурную французскую речь и даже хорошую музыку. Это действовали офицеры Семеновского, Преображенского и т. п. полков, не позволявшие себе никаких вольностей, но деловито и строго требовавшие дани: денег, золота, серебра...*

Н. И. Штиф. «Погромы на Украине» (по памяти)

3. *...история, можно сказать, общее достояние и общее дело, за которое следует всем краснеть.*

М. Зощенко. «Голубая книга»

I

На шоссе шуршат машины,
В магазинах — толчея.
Предревком Абрам Пружинер,
В том заслуга и твоя.

Как и в том, что голос взвинчен
У газет... Что совесть — дым.
Как и в том, что все мы нынче
Прочно в заднице сидим.

Это все — твоя эпоха.
Просто время — «белый гад»:
Быть евреем снова плохо,
И заслуг твоих не чтят.

Лишь тебя за всё, что было,
Производят в князи тьмы
Молодых славянофилов
Романтичные умы.

Нужен дьявол их натурам, —
В том вина их иль беда.
Жаль, но ты такой фигурой,
Крупной, — не был никогда.

Просто в детстве, где-то в Балте,
Заперевшись на засов,
Три брошюрки прочитал ты
Сочиненья их отцов.

И открылся мир прекрасный
С той поры глазам твоим,
И тебе всё стало ясно,
Как сегодня им самим.

С той же четкостью железной:
Для чего на свете жить,
Кто мешает, кто полезный,
С кем дружить, кого душить.

(Ты с тех пор глядел победно
На портновский свой удел,
Тем гордясь, что шьешь для бедных:
Для богатых — не умел.)

И постигнув так впервые
Общей жизни смысл простой,
С тем — в истории России
Появился ты, как *свой*.

II

Хоть считал, что связан кровно
С ней не ты (ты жил не в том), —
А деникинский полковник,
Что еврейский грабил дом.

Дом буржуйский, дом приличный,
Где лежал ты, тиф леча,
Приютивший по привычке
И чекиста — дом врача.

Дом, тебе враждебный тоже:
Книги, свет, паркетный пол.
Дом, в котором сам ты позже
Реквизицию провел.

Еще как! Удвоив рвенье,
Шум внося с собой и гром,
Чтоб избегнуть отношений
Личных — с классовым врагом.

III

А пока — больной и слабый,
Ты следил с глухой тоской,
Как буржуй буржуя грабил
Из-за нации другой.

Не мужик, не ухарь-парень,
А буржуй чудных кровей, —
Что осанист был, как барин,
А картавил, как еврей.

Он и грабил по-другому:
Не сердился, не орал.
Просто так — ходил по дому
И предметы отбирал.

Не рычал, как старший в чине,
Не надсаживал он грудь,
Лишь просил, как в магазине, —
Если можно, завернуть.

Но приказ неумолимый
В слове слышался любом.
За его спиной, незримый,
Не таясь, молчал погром.

Шел с ним рядом, улыбался
И — молчал. Но знали все:
Шевельнет полковник пальцем
И пойдет во всей красе —

Пух перин, одежды клочья,
Мат кромешный, душный чад,
Изнасилованной дочки
Опустевший с ночи взгляд.

IV

Но последней грозен властью,
Собираясь далеко,
Тот полковник груз причастья
К этой грязи — нес легко.

Словно впрямь так был воспитан
В светлой детской среди книг,
Словно он к таким визитам
В раннем возрасте привык.

То ль он верил, что евреи
Ввергли Родину во тьму,
А раз так — за грех пред н е ю
Дань платить должны е м у.

То ль узрел в изъятьи этом
Дань порядку, с прошлым связь, —
Как-никак он к тем предметам
Был привычен, отродясь.

То ль решил, что в этой драме
Смысл любой едва ли есть,
И борясь с большевиками
За порядок и за честь,

В той борьбе рискуя жизнью, —
В части собственности он
Сам стихией большевизма
Стал отчасти заражен.

V

Ты поверишь мне едва ли,
Но для нас, для всей страны
Вы с ним две одной медали
Оборотных стороны.

Он исчез давно, навечно,
Но должна бы по всему
Всё равно поставить свечку
Ваша партия ему.

Будет только справедливо
Так отметить вашу связь:
Это ж он Россию к взрыву
Вел — как мальчик, веселясь.

Он — от злости сатанея,
Гнал упрямо в красный стан
Надругательством — евреев,
Просто плетками — крестьян.

Гнал свирепо, сея беды,
Жаждал мстить, судить, карать,
И как зрелый плод — победу
Вам осталось подобрать...

VI

Но под докторскою крышей
Близ полковника того,
Ты о том не думал, слыша
Голос вежливый его.

Не с того душа болела,
А от мыслей... Ты страдал
От обиды: знал, как белых
Этот врач с надеждой ждал.

Угнетало униженье,
Общность странная судьбы...
Всё тут было в нарушенье
Правил классовой борьбы.

Всё! Надолго ты потрясся
Встречей с ним... Не враз постиг,
Что всего тут жадность класса,
Подтвержденье четких книг.

И не враз вернулся к жизни...
Но с тех пор в душе твоей
Верность правдам ленинизма
Жестче сделалась и злей.

Всё тут было незнакомо!
Но знаком тебе — да как! —
Был слепой азарт погрома
У полковника в зрачках.

VII

Ах, погром! Что было — сплыло.
Век прошел, как миг один.
Молодым славянофилам
Снова снится пух перин.

Словно в этом потрясенье
Есть спасенье, дух весны,
Словно это пух весенний
Возрождения страны.

Словно это не губило,
Не вело не раз во тьму...
Пусть! Младым славянофилам
Знать, что было, ни к чему.

Нет в них «фильства» никакого,
Только «фобство» без основ...
Никакого Хомякова,
Вор журнальный Глазунов.*

Наплевать им, в чем причина,
Ясный дьявол нужен им...
Как досель тебе, Пружинер,
Белый гад необходим.

---

* «Оппозиционный» художник Илья Глазунов был публично уличён, в частности мной (в газете «Известия»), в литературном плагиате. Пикантно, что чужие тексты он использовал не где-нибудь, а в мемуарах (опубликованных в журнале «Молодая гвардия»). — Прим. авт.

VIII

...Затихал весь город Киев,
Слыша голос твой в ночи.
Вся его буржуазия —
Адвокаты и врачи.

И звенели стекла грустно,
Когда шел ты по утрам
По Андреевскому спуску
Вверх, к Присутственным Местам.

Был, как выстрел, эхом резким
Каждый шаг твой повторен.
И в испуге занавески
Поднимались с двух сторон.

Их подхватывало, словно
Ветром классовой борьбы...
...И за каждой — тот полковник
Избегал своей судьбы.

IX

Избегал, стоял на страже,
И от взора твоего
Этажи и бельэтажи
Нагло прятали его.

Пусть не знал ты, где полковник,
Всё ж ты знал, что всё равно
Социально и духовно
Все вокруг с ним заодно.

Все — как он, того же мира,
То же скрыто в них, что в нем...
И врывался ты в квартиру,
Словно в крепость под огнем.

Но не били револьверы,
Враг не целился, губя.
Лишь чужая атмосфера
Обступала здесь тебя.

Словно кто-то неизвестный,
Проиграв последний бой,
Ставил вновь тебя на место,
Возвышался над тобой.

И разбитый, незаконный,
Власти отданный твоей,
Лишь косился удивленно
На тебя со стеллажей.

Где под слоем белой пыли,
За тисненьем корешков,
Книги с важностью хранили
Мудрость «классовых» веков.

X

Нежный лепет, страстный шепот,
Столкновенья лиц и войск,
Бег за счастьем — грустный опыт
Всех людских переустройств.

Все открытья, все потери,
Относительность всех благ.
Безысходность вер, неверий,
Бледный свет сквозь этот мрак.

Откровенья всех религий,
Имена и письмена...
...Заглянувши в эти книги,
Ты б не понял ни хрена.

Ни тоски, ни жажды света,
Ни огня, что жжет слепя.
Ни того, что речь тут где-то
И о том, что ждет тебя...

Несмотря на диктатуру,
Книги смысл таили свой...
...Буржуазная культура
Издевалась над тобой.

XI

Впрочем, свято веря в сдвиги,
Делом занятый вполне,
Не смотрел ты в эти книги, —
Просто видел их извне.

Но понятья не имея,
Что в них есть, — при всем при том —
Несозвучность их — и д е е
Чуял классовым чутьем.

И, задетый ими кровно,
Так ты зло на них взирал,
Словно в каждой жил полковник, —
Тот, что вещи отбирал.

Словно скрыть они хотели,
Притворяясь неумно,
Что ученый их владелец
С тем полковником — одно.

XII

Где б вам знать, что он такими
Был, как вами, удручен,
Что он часто спорил с ними
По ночам, забыв про сон.

И заснуть не мог до света,
Возмущенно чуя рок...
Был, как ты, полковник этот: —
Верить доводам — не мог.

XIII

Но и вдруг узнав такое,
Ты б лишь крякнул: вздорный класс.
Слишком верил ты в другое —
В «кто не с нами — против нас».

Твой приказ гремел раскатом,
И, судьбе своей не рад,
Тот владелец брел куда-то
Впереди твоих ребят.

Унося тоску и драму,
Глядя вдаль, в конец пути...
Только Ленин телеграммой
Мог теперь его спасти.

XIV

Властелин и рыцарь часа!
В личной жизни и в борьбе
Ты чутьё и гордость класса,
Словно Знамя, нес в себе.

И от классовой фортуны
Опьянев, — на всех орлом
Вниз глядел как бы с трибуны, —
Даже дома за столом.

Как бы мог ты, веря в песню,
Знать и видеть в том году,
Что ведете всех вы в бездну,
А себя — на Воркуту.

Что, когда замрут орудья
После классовой войны,
Победителей — не будет,
Будут все побеждены.

Что жидов за те же вины
Станут снова гнать и клясть,
И что ты, Абрам Пружинер,
Будешь зол на эту власть.

Четким шагом, с важной рожей,
С пистолетом ты ходил...
...Знал, что быть всё это может,
Тот, кого ты уводил.

XV

Да, про всё, что может статься,
Знал он — словно вспоминал.
Безо всякого злорадства,
А с тоской и болью — знал.

Знал заране, знал сердито
То, что после, всё стерпя,
Ты постиг...
И то, что скрыто
И поныне от тебя.

Знал — хоть мало было проку
Знать — не мог он ничего.
Разве если б стал пророком
Для полковника того.

Где там! В споре, как в угаре,
Он пред ним с его тоской
Был бессилен. Как Бухарин
В дни иные пред тобой.

XVI

Вспомни, как свистал охотно
Ты Бухарину в свой час,
Когда силился он что-то
Вам открыть, спасти всех вас —

От позора, от расплаты,
От беды, грозившей вам...
А ведь это он когда-то
Обучил вас всем словам.

Всей профессии героя,
Сути всех его основ.
Что помимо за душою
Вы имели — кроме слов?

Ничего! Вся власть и сила
В них была — исток и нить.
Благодарность? Сам учил он
Это чувство не ценить!

И гремел ваш свист счастливый:
«Кто б ты ни был — не мути!»
Так впервые доросли вы
Спор с Бухариным вести.

И свистали с упоеньем,
Ощущая свежесть лет,
Отгоняя тень сомненья
От плодов своих побед.

...Впрочем, ты про то не думал —
Веру в Сталина берёг.
Потому что Ленин — умер,
Ты ж без Ленина — не мог.

XVII

На шоссе шуршат машины,
В магазинах — толчея.
Всё прошло, Абрам Пружинер,
На исходе — жизнь твоя.

Ты скрываешь раздраженье;
Непочтеньем оскорблен.
Хоть к особому снабженью
И к больнице прикреплен.

Что ж!.. За равенство ходил ты
В смертный бой не раз, не два.
Кровью право заслужил ты
На особые права.

Тут — хоть многие судачат, —
Справедливость налицо.
У тебя есть даже дача —
Комнатёнка и крыльцо.

Есть. Но в этом разве дело,
Если жизнь — как смутный сон.
Если мягко, но всецело
Ты от дела отстранен.

Вновь ты ходишь на собранья
И оправдан ты давно.
Но к секретным заседаньям
Не допущен все равно.

Хоть всегда любил ты бденья —
Жить, как счастье, крест неся.
Хоть приходит в запустенье
Без тебя идея вся.

XVIII

Но, тая в душе презренье,
Подписать всегда готов
Ты бумагу с одобреньем
Всё равно каких шагов.

Цель всю жизнь была над личным.
Вспомнить цель — ожить опять.
Цели нет — так есть привычка
Ради цели предавать.

XIX

Есть. И так везде доселе
Коммунист любой живет.
Все, что любит, — ради цели, —
Цель включая, — предает.

А друзей — на то вы братья.
Диалектика — ваш стиль.
Пил со Сталиным Тольятти,
Когда ты в кондее стыл.

Он златыми бредил снами,
Сталин врал, а ты был тих.
И одно Святое Знамя
Осеняло всех троих.

Только в тактике идея —
Будь всегда на всё готов.
В коммунизме и евреи
Вдохновенно бьют жидов.

За горами суть свершений,
Лишь единство нынче в счет,
Продолжалось бы движенье, —
Всё равно куда придет.

Чушь лепечут, словно попки,
Но со страстью — веры власть.
Кто в Москве сейчас у кнопки,
Тот включает эту страсть.

Кто б он ни был — всё едино,
Результат всегда один.
Вы как лампе Аладина
Подчиненный слепо джин...

Словно всех вас без печали
Властным росчерком одним,
Как гарем свой личный, Сталин
Сдал наследникам своим.

И над вашей жизнью всею
Бабий рок — огонь в крови.
Страсть к идее — без идеи,
Темперамент — без любви.

XX

А с тобой — что было — сплыло.
Лишь вобравшим весь твой пыл
Молодым славянофилам
Нынче важно, кем ты был.

Да и то, чтобы причина
Общих бед — была в других.
Осознав чужие вины,
Забываешь стыд своих.

И цветёшь духовно с теми,
Кто к чужим страданьям глух...
Время вспомнить в наше время:
Дух нечистый — тоже дух.

Ты не злись! Твоя порода.
Пусть не друг ты им, но — брат.
Хоть тебе взамен народа
Нужен был пролетарьят.

XXI

Стыд — на всех. Мы все такие,
Все от Бога мы ушли.
Все друг друга и Россию
Мы до ручки довели.

Все стремились мы капризно,
Уплотнив судьбу свою,
Подменить всю ценность жизни
Упоением в бою.

И во мгле, где мысли — тени,
Где рядится верой злость,
Наших всех происхождений
Гнет — слился в один хаос.

В блудословия пустого
Дым. В бессмысленные дни...
Нет здесь выхода простого,
Только сложный — быть людьми.

Ощущать чужую муку,
Знать о собственной вине,
Не бросаться друг на друга,
Словно грех всегда вовне.

XXII

А ведь жизнь теперь — густая.
И возможно, в некий час
Вдруг недвижного Китая
Стены — двинутся на нас.

Наплевав на всё, что было
В нас хорошим и дурным.
Всем грозя — славянофилам
И жидам, и остальным.

Без привычки, но придется
Нам впервые за века
Многократность превосходства
В людях — встретить у врага.

Как мы выстоять сумеем
С этой подлостью своей?
Лишь разумней и дружнее
Став — мы будем их сильней.

XXIII

Но у нас не та забота.
Старый поиск — бить кого.
Обвиняющих — без счета,
Виноватых — никого.

Словно можно некой данью
Отодвинуть страх и тьму.
Нам чуток бы покаянья! —
Не приучены к нему.

Нам покаяться бы, люди, —
Раскопать в душе ключи...
Недосуг. Все лезем в судьи,
А иные — в палачи.

XXIV

То ль для складу, то ль для ладу,
То ль для вящей глубины
Оторвать меня им надо
От судьбы моей страны.

Той, что с юности и сразу
В смысл вошла любого дня,
Без которой пуст мой разум
Да и просто нет меня.

Дескать, чуждый ей душою,
Впрямь я зря листки марал:
Все, чем жил тут — мне чужое,
Что вобрал тут — я украл...

Врут! На Родине по праву
Приобрел я все свое:
Жалость к людям, гордость славой,
Стыд тревожный за нее.

Лгут! Во мне — ее стихия.
Пусть ведут слепую рать
На меня... Но от России
Так меня не оторвать.

Я тут свой. Не даст им спуску
Этот стих. Сквозь ложь и страх
Зазвучит он вдруг по-русски
В человеческих сердцах.

И учуют воздух неба
Люди... Вспомнят вдруг они,
Кто был гадом, кто им не был,
Кто был русским в злые дни.

Зазвучит! — не так уж громко,
Не как гром, — но зазвучит.
Я не знаю — у потомков
Будет, нет ли слово «жид».

Лучше б стало всё иначе...
Но и нет, — так всё ж народ
Не меня в тот день свой зрячий, —
Их жидами обзовет.

XXV

Возмущен ты? В чем причина?
Ты не лучше их ни в чем.
Сам ты был, Абрам Пружинер,
В честь идеи палачом.

Пусть забыли Голта с Балтой
Стук чекистских сапогов,
Пусть и сам не избежал ты
Рук своих учеников.

Пусть и сам был бит по роже,
Пострадал в своей игре,
Был!.. Другие были тоже.
В той же Балте — при царе.

Поступали тоже круто.
Правых нету здесь, пойми.
Ни расчесться, ни распутать.
Только то же — быть людьми.

Как найти на это силы,
Устоять перед бедой?
Как?.. Младым славянофилам
Выход видится простой:

Кровь пролить, но с грязью всею
Силой кончить навсегда.
Им чужды твои идеи,
Но по вкусу простота.

Пусть и с ненавистью в сердце,
Пусть и духу не терпя,
За тобой идут... Не деться
Никуда им от тебя.

Потому что не мессия,
Но не чёрт, как нужно им,
Ты в истории России
Безусловно был своим.

XXVI

Вот исчерпана вся тема:
Ты, твой путь, твои дела...
Кто-то скажет, что поэма
От поэзии ушла.

Скажет: вовсе нет причины
Освещать стихом этап,
Где такой Абрам Пружинер
Смог превысить свой масштаб

И нелепо тратить силы
С возмущеньем молодым
На возню славянофилов
С честолюбьем их пустым.

Скажут: стыдно, рухнув с выси
Вечных правд и вечных звезд,
Пошлых временных коллизий
Разгребать сухой навоз.

Словно бросил я за далью,
Позабыв за душной тьмой,
Свежей пахнущий печалью
Воздух вечности самой.

С ней — не просто, с ней — тревожно:
Вечность — жизнь в неправде всей.
Но себя в ней слышать можно —
Меру, Бога и людей.

С ней спокойно, ненатужно
Может пить душа моя
То одно, что впрямь ей нужно, —
Вдохновенность бытия.

XXVII

Что ж, согласен я со всеми.
Только нам не повезло.
Откровенно в наше время
Миром править рвется зло.

Рвется мрак представить светом,
Спутать силой колдовства
Все названия предметов
И любое дважды два.

Это — мрак. И в этом мраке,
И боюсь — во всем есть связь, —
Могут люди, как собаки,
Дочь мою убить, озлясь.

Налететь толпою плотной,
Оскорбить и растоптать.
Я боюсь. Ведь безысходно
К людям ненависть питать.

Сразу сердце станет немо,
Всё, чем жил, угаснет враз.
...Вот с чего я к этим темам
Возвращаюсь каждый раз.

И, бросая не впервые
В морду дня его грехи,
Сочиняю «лобовые»
Разозленные стихи.

И стыжусь того не очень,
Понимая жизнью всей,
Что в поэзию и осень
Нет теперь других путей.

Это вечность — знаю точно, —
Защищать себя зовет.
И, тоскуя, в каждой строчке, —
Ею вызванной, — живет.

1971

ПОЭМА ГРЕХА

Мы живём, зажатые железной клятвой.
За неё на крест, и пулями чешите.
Это, чтобы в мире — без Россий, без Латвий
Жить единым человечьим общежитьем.

В. Маяковский. Товарищу Нетте

И дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном.

А. Пушкин. 19 октября

Прельщались в детстве мы железной клятвой —
Жить общежитьем — без Россий, без Латвий.
Об этой клятве все тогда трубили,
Но мы верны ей и позднее были,
Когда — мы это тактикой считали, —
Трубить об этом, в общем, перестали.
Мы поверяли верность этой клятвой...
...А нам и дела не было до Латвий.

Что значило для нас на фоне Цели,
Что Латвия живёт и в самом деле,
Что ей чужды все наши упованья,
Но слишком сладок миг существованья —
Вне Ордена, вне Ганзы, вне России,
Считай, за всю историю впервые.
И что её, вкусившую начало,
Судьба исчезнуть вовсе не прельщала.

Наоборот — как долг велит Державе,
Она искала подтвержденья в славе

И памятники ставила в столице
Тем, кто помог ей от врагов отбиться, —
Чтоб жить без нас, без дури вдохновенной,
Жить, не страшась судьбы обыкновенной, —
Кадя, как люди, из приличья Марсу:
Без бранной славы что за государство!

Пусть кто другой, а мы судить не можем,
Велик ли в том размах или ничтожен.
Что ведаем в своем упорстве диком
Мы о величье? — Грех наш был великим.
Да, грех... И наш — хоть мы всегда роптали.
Но понимали ль мы, о чем мечтали?
Вот Латвия. Мы — здесь. Мечты — не всуе...
Что ж, грустный, Братским кладбищем брожу я.

...На серых плитах — имена и даты.
Тишь. Спят в строю латышские солдаты,
Носившие в бою Ненаше знамя,
Погибшие, возможно, в схватках с нами.
...Они — молчат, — я — надписи читаю.
Здесь — всё другое, здесь — страна другая.
Здесь — занята, как встарь, сама собою,
Она упрямо чтит своих героев.

Вокруг на плитах имена убитых,
Что ж нет имен на некоторых плитах?
Они — пусты. Их вид предельно гладок.
Поверхность — стёрта... Наведен порядок
И в царстве мёртвых... Спавший под плитою,
Как оказалось, памяти не стоит.

Он к нам до смерти относился худо,
И как бы депортирован отсюда.

Всё это — Сталин... Все упрёки — мимо.
Но кем мы сами были? Что несли мы?
Что отняли у всех? И что им дали?
И кем бы стали, если бы не Сталин?
И без него — чем, кроме дальней Цели,
Мы сами в жизни дорожить умели?
И как мы сами жили в эти годы,
Когда он депортировал народы?..

...Что в этом «Мы!»? Намёк ли на Идею,
С которой чем честней мы, тем грешнее?
Наверно, — так. Но сам не знаю, прав ли?
Кто был честней, тот был от дел отставлен.
И всё же — «Мы»!.. Все! — кто сложней, кто проще.
Был общим страх у нас и грех был общим.
«Мы» — это мы... Пустая злая сила,
В которую судьба нас всех сплотила.

Мы — жизнь творим. Нам суд ничей не страшен,
Плевать, что это кладбище — не Наше.
Оно — мемориал, и он — освоен:
Обязан каждый памятник, как воин,
Служить лишь Нам. Лишь Мы одни по праву
Наследники любой геройской славы,
«Мы» — это мы...
Лежит плита над мёртвым,
И на плите цветок, хоть имя стёрто.

Знать, кто-то здесь бывает временами,
Кому плита без букв — не просто камень,
И кто глазами строгими своими
Читает вновь на ней всё то же имя, —
Знакомое ему, а нам чужое...
Кто в снах тяжёлых видит нас с тобою
И ту плиту... И ненавидит страстно...
...А кто другого ждал — тот ждал напрасно.

В его глазах — всегда пустые плиты.
Жаль, от него навек сегодня скрыты
Мы. Наша боль, все взрывы нашей воли...
Проклятье века — разобщенность боли.
Плевать ему теперь на наши взрывы...
Что делать? Жизнь не слишком справедлива,
И лучше быть поосторожней с нею...
...Средь старых плит есть плиты поновее.

Взгляни на них, и мир качнется, рушась.
Латинский шрифт: «Бобровс», «Петровс»,
«Кирюшинс»...
Бобров... Петров... Так!.. Только так вас звали.
Чужих обличий вы не надевали,
Не прятались за них на поле бранном.
Вы невиновны в начертаньи странном
Своих фамилий... Долг исполнив честно,
Не вы себе избрали это место.

Привыкнув за войну к судьбе солдатской,
Могли б вы дальше спать в могиле братской,

А спите здесь, меж этих плит немилых,
На кладбище чужом, в чужих могилах.
Где кто-то спал до вас, нам жить мешая,
Где ваш покой смущает боль чужая,
Как будто вы виной... А вы — солдаты.
Вы ни пред кем ни в чем не виноваты.

Вселил вас силой на жилплощадь эту
Без спросу Член Военного Совета
Иль кто-то равный, ведавший уделом...
И вряд ли сознавал он, что он делал.
Он только знал, что есть на то Решенье,
Как в прошлом был приказ о возвышенье
Его внезапном... И как вся карьера,
Весь опыт жизни и основа веры.

Да, мать его седою здесь бы стала...
Но ведь она была всегда отсталой,
Неграмотной... И всех жалела глупо.
Ну где ей знать, что трупы — только трупы,
А жизнь — борьба... Всё, что, спеша к вершинам,
Усвоил сын, хоть был хорошим сыном.
— Еще б живых жалеть... А трупы — ладно! —
Пусть служат агитации наглядной.

Простите нас, лишенные покоя!
За всю планету пав на поле боя,
Лежите каждый вы в чужой могиле,
Как будто вы своих не заслужили.
И мимо вас, не подавая виду,
Проносят люди горечь и обиду,

Глядят на вас... И тяжек взгляд... И — всё же
Простите нас... Его простите тоже.

Простите... Не со зла он делал это.
Он просто точно знал, что Бога — нету.
Кто предсказать бы мог, чем станет позже
Российских бар игривое безбожье,
И «Либэртэ», и опьянённость Целью!..
У них был хмель, у нас — всю жизнь похмелье.
Над нами он, свой долг блюдущий строго.
Но в чем он видел долг, служа не Богу?

Во что он верил, путаясь во взглядах?
Скорей всего — в назначенный порядок.
Где ясно всё, где мир жесток и розов,
Где никогда не задают вопросов...
Или короче — в твердые начала,
В то, что его над жизнью возвышало,
Что вдруг пред ним открыло путь и дали,
Чему основы знал не он, а Сталин.

...И в этом состояньи очумелом
Мы жили все. И шли к чужим пределам,
И, падая в бесславье с гребня славы,
Смотрели тупо, как горит Варшава,
Как Сталин ждёт, что Гитлер уничтожит
Тех, с кем и он потом не ладить может...
А позже с тем же, в танках, в ночь без света,
Спешили в Прагу, чтоб закрыть газеты.

Так мы живём... Летим, как в клубах пыли.
Топча весь мир... За что? Зачем?.. — Забыли!
Но нас — несёт... И всё нам мало!.. Мало!..
И гибнет всё, на чем бы жизнь стояла,
И гибнем мы, зверея, как стихия.
И лжем! — чтоб думал мир, что мы другие.
И спятил мир, обманут нашей ложью,
И, доверяясь нам, звереет тоже.

И кажется, что чёрт завел машину
Внутри Земли... И бросил ключ в пучину.
И крутит нас. Мелькают, вместе слиты,
И Пешт, и Прага, и пустые плиты,
И я, и Член Военного Совета,
Хоть он следит, чтоб не открылось *это*.
А *что* — не знает... Ложь неся, как знамя,
Он сам обманут... Может быть, и нами.

Кем были мы?.. Не всё ль равно, кем были?
Мы все черты давно переступили,
И — нет конца. ...Всё лжем, зовем куда-то.
И с каждым днем всё *дальше* час расплаты,
Но всё страшней... И возвращенья нету.
И верят нам... И хуже топи это.
И вырваться нельзя своею силой...
Спаси, Господь!.. Прости нас
и помилуй!..

1972 (август-сентябрь)

ПЕСНЯ РУССКОГО СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ ГРИГОРИЯ СВИРСКОГО, КОТОРУЮ ОН БУДЕТ ИСПОЛНЯТЬ ПОД ШАРМАНКУ В ПРИМОРСКОМ КАБАЧКЕ «БЕРЕЗКА» (ТЕЛЬ-АВИВ)

По материалам пресс-конференции евреев-возвращенцев из Вены

(На мотив песни из к/ф «Весна на Заречной улице»)

Когда-то, в годы молодые,
Имея всяческий решпект,
Я был писателем в России,
Писал про Ленинский проспект.

Наврал, наврал мне хитрый некто
Про прелесть дальних южных стран.
Ни Ильича тут, ни проспекта,
А только Голда и Даян.

Я б тут без хлеба гнил в страданьи
Вдали от Клязьмы и Невы.
Но я привез для пропитанья
С собою песню из Москвы.

Пусть этой песни нет грустнее,
На черный день средь бела дня
Меня друзья снабдили ею,
В Москве любили все меня.

А здесь вокруг одни оливы,
И я, от близких вдалеке,
Ее сегодня в Тель-Авиве
Пою на местном языке.

Католик рядом служит мессу.
А я — я брежу наяву:
Там, за волнами, спит Одесса,
Где утром поезд на Москву.

Куда, куда от мыслей скроюсь!
Моей тоски пропал предел.
Эх, сесть бы, сесть бы в этот поезд,
Сходить на час бы в ЦэДээЛ.

Там есть друзья, хоть нет Синая,
Там знал я я счастье и почёт,
Там вновь кого-то зажимают,
О ком-то лгут — и жизнь течёт.

А здесь повсюду дух нечистый,
Конец крутой моей судьбы.
«Трудись!» — кричат мне сионисты,
А я, как встарь, хочу борьбы.

Бороться можно здесь открыто,
Но это мне — как в горло нож:
Когда вокруг одни семиты,
Антисемита хрен найдешь.

А там вся жизнь страстями дышит,
Там каждый день вестями нов,
Там до сих пор живет и пишет
Мой враг любимый Вэ Смирнов.

На чём теперь я успокоюсь?
Душа томится не у дел.
Эх, сесть бы, сесть бы в этот поезд,
Сходить на час бы в ЦэДээЛ.

Я б нынче выпил — да неловко.
Вся жизнь мне стала немила.
Здесь пьют одну лишь пейсаховку,
А пасха — месяц, как прошла.

И пейсаховка слабовата,
Хоть с ней я тоже сел на мель.
Она для русского солдата
Почти что клюквенный кисель.

Опять, опять подходит вечер.
Что делать мне с моей тоской?
— Решусь — и выпью что покрепче! —
Пусть сионисты скажут: «Гой!»

Как надо мною подшутили!
Мне б жить в Москве или в Крыму...
Там вновь кого-то посадили...
Как я завидую ему.

Но почему-то мучит совесть,
Что сам я жив, здоров и цел...
Эх, сесть бы, сесть бы в скорый поезд,
Сходить на час бы в ЦэДээЛ.

*

Жаркий спор идёт в клубе «Родина»:
В шею гнать меня или сжечь.
Пусть не Родина, не народ они,
Но опасно тем пренебречь.

Хоть и весь тот клуб — люди малые, —
Раз позволен им тот парад,
Значит кто-то их тайно балует,
Где-то любят их и растят.

Если та любовь вправду крепкая,
Если вправду в ней цель и путь,
То ее плодов ждать нелепо мне,
Лучше загодя драпануть.

Лучше загодя — всё сойдет оно.
Но не двигаюсь — дни тяну.
Я люблю, видать, эту Родину,
Хоть не клуб люблю, а страну.

О ее беде я всё думаю.
Это боль моя и беда.
Ну, а боль у нас наказуема,
А тем более — для жида.

В небеса гляжу чуть несмело я.
Друг мой в воздухе — тает дым.
Лента зелени, брюхо белое, —
«Боинг» вылетел в город Рим.

Я кричу вослед — нету голоса.
Друг из «Боинга» вниз глядит.
Мне и хочется, мне и колется,
И душа моя — не велит.

Там свобода ждет — только всуе всё.
Убеждать себя — лишний труд,
Не останешься — истоскуешься,
А останешься — упекут.

На меня давно смотрят искоса.
Тут, хоть Рюрику будь родня,
Нынче — выскользнешь, впредь — не
выскользнешь —
Вот что на́ сердце у меня.

Тут и там конец. Дни последние,
Быстро близится к нам пора
Только издали помнить летние
Подмосковные вечера.

Будет в дверь звонок, и так далее. —
Надзиратели, псы, буран.
Самолёт летит — «Алиталия»,
Прилетел уже, чать, в Милан.

ПОДРАЖАНИЕ Г-НУ БЕРАНЖЕРУ

Шум в Лувене, в Сорбонне восстанье.
Кто шумит? Интеллекты одни!
Как любовник минуты свиданья,
Революции жаждут они.

А у нас эта в прошлом потеха.
Время каяться, драпать и клясть.
Только я не хотел бы уехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

К ним пусть едет — навстречу их страсти,
Чтоб мечты воплотив наяву,
Дать им всё, что им нужно для счастья...
Без нее — я и так проживу.

Вы смеётесь, а мне не до смеха.
И хоть вижу развёрстую пасть,
Не хочу из России к ним ехать,
Пусть к ним едет Советская власть.

Лишь свобода особого рода
Им нужна... Пусть!.. А мне бы вполне
И банальной хватило свободы:
Остальное — при мне и во мне.

Только нет ее — вот в чем помеха.
И не будет — такая напасть!
Всё равно не хочу я к ним ехать —
Пусть к ним едет Советская власть.

К ним пусть едет — к поборникам Цели.
Пусть ликуют у края беды
И товарищу Дэвис Анджеле
Доверяют правленья бразды.

А она уж добьется успеха
И заставит их в ноги упасть.
Нет, не зря не хочу я к ним ехать,
Пусть к ним едет Советская власть.

Пусть к ним едет — сам чёрт им не страшен,
Коль свобода совсем не мила.
Очень жаль, — но таскать им параши
Взад-вперёд за такие дела.

Не смеюсь — тут совсем не до смеха:
Разве радость, что миру пропасть.
Нет, друзья! — не хочу я к ним ехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

Пусть ведёт к ним голодные годы,
Пусть их ложь разъедает, как дым.
Пусть!.. Под сенью банальной свободы
Буду честно сочувствовать им.

Сам прошел я сквозь эти успехи,
Сам страдал и намучался всласть...
Нет, не вижу я смысла к ним ехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

Я тогда о судьбе их поплачу,
Правоте своей горькой не рад,
И по почте пошлю передачу
Даже Сартру — какой он ни гад.

И поймет он — хоть будет не к спеху, —
Что с ним сделала пошлая страсть.
А пока — не хочу я к ним ехать.
Пусть к ним едет Советская власть.

Отольются им все их затеи,
Будет кара — не радуюсь ей.
Только знайте — не их я жалею,
Посторонних мне жалко людей.

Им ведь будет совсем не до смеха —
В переделку такую попасть:
Там ведь некуда будет уехать:
Всюду будет Советская власть.

ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА*

Баллада об историческом недосыпе

(Жестокий романс по одноимённому произведению В. И. Ленина)

Любовь к Добру разбередила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда всё пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, —
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не́ дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так началась в России конспирация:
Большое дело — долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

---

* Речь идет не о реальном Герцене, к которому автор относится с благоговением и любовью, а только об его сегодняшней официальной репутации.

Всё обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребёнок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части — три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,
Хоть мести в нем запас не иссякал.
Хоть тот вопрос научно он исследовал, —
Лет пятьдесят виновного искал.

То в «Бунде», то в кадетах... Не найдутся ли
Хоть там следы. И в неудаче зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знамёнами
Отцы за ним, — как в сладкое житьё...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто недоспал свое.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

СОДЕРЖАНИЕ

I

ПРЕДПУТЬЕ

Еще в мальчишеские годы 7
Детство кончилось 8
Поездка в Ашу 9
От судьбы никуда не уйти 10
Стихи о детстве и романтике 11
Восемнадцать лет 12
Зависть 13
Мы родились в большой стране, в России 14
16 октября 15
Усталость 16
Нет! Так я просто не уйду во мглу 17
Меня, как видно, Бог не звал 18
Если можешь неуёмно 19
Знаешь, тут не звезды 20
Мы мирились порой и с большими обидами 21
Предельно краток язык земной 22
Встреча — случай. Мы смотрели 23
Вспомнишь ты когда-нибудь с улыбкой 24
Есть у тех, кому нету места 26
Не надо, мой милый, не сетуй 27
Я пока еще не знаю 28
От дурачеств, от ума ли 29
На речной прогулке 30
Весна, но вдруг исчезла грязь 31
Мир еврейских местечек 32
Русской интеллигенции 34
Кропоткин 35
Смерть Пушкина 36
Я раньше видел ясно 38

II

В НАШИ ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

В наши трудные времена 43
О, Господи! Как я хочу умереть 44
Паровозов голоса 45
В Сибири 46
Стопка книг... Свет от лампы... Чисто... 47
Друзьям 48
К моему двадцатипятилетию 50
В трудную минуту 52
Все это чушь: в себе сомненье 53
Легкость 54
Нелепые ваши затеи 56
Поэзия не страсть, а власть 57
Не верь, что ты поэта шире 58
Хотя б прислал письмо ошибкой 59
Генерал 60
Небо за пленкой серой 63
Возвращение 64
Сочась сквозь тучи, льется дождь осенний 66
На побывке 67
Встреча с Москвой 69
Вступление в поэму 70
Мне часто бывает трудно 72
Как ты мне изменяла 73
Влажный снег 74
Через год 79
На смерть Сталина 80
Невеста декабриста 83
Вновь, как в детстве 87
Мне без тебя так трудно жить 88
За последнею точкой 89
Вот говорят: любовь — мечты и розы 91
Я в сказки не верю. Не те уж года мне 93

Когда одни в ночи лесной 94
Утро в лесу 95
Ты разрезаешь телом воду 96
И прибои, и отбои 97
Неустанную радость сменила усталость 98
Осень в Караганде 99
Церковь Покрова на Нерли 102
Иван Калита 105
Ода к трехсотлетию воссоединения Украины с Россией 107
Еж и заяц 109
Я о богатстве сроду не мечтал 111
Я не был никогда аскетом 112
Подмосковная платформа в апреле 113
Рассудочность 114
Я жил не так уж долго 116
Трубачи 118
Credo 119

III
ПРИОБЩЕНИЕ

Все будет, а меня не будет 123
Арифметическая басня 124
Осень 126
Шла вновь назад в свою судьбу плохую 128
Ленин в Горках 129
Роса густа, а роща зелена 132
Песня, которой тысяча лет 133
Баллада о собственной гибели 137
Я пью за свою Россию 138
Пусть рвутся связи, меркнет свет 139
На друга-поэта 141
Стихи об измене искусству 142
Времена меняются 144
Вариации из Некрасова 145

Наверно, я не так на свете жил 146
Ты сама проявила похвальное рвенье 147
Рафаэлю 148
Инерция стиля 149
Ни трудом и ни доблестью 150
Комиссары 151
Ленинград 153
Пусть с каждым днем тебе труднее 154
Он собирался многое свершить 155
Дети в Освенциме 156
У меня любимую украли 158
Брожу целый день по проспектам прямым 159
Каталог «Современных записок» 162
Братское кладбище в Риге 164
На швейной фабрике в Тирасполе 166
Видать, была любовью 167
Землячкам 168
Мой ритм заглох. Живу, как перед казнью 171
Танцы 172
Грустная самопародия 175
На полет Гагарина 179
Это чувство, как проказа 183
Через много лет 185
Масштабы 186
На концерте Вагнера 187
Заслуг не бывает. Не верьте 189
Ты летишь, и мне летится 190
Ты идешь 191
Слепая осень. Город грязь топтал 193
Освободите женщину от мук 194
Тем, кого я любил в юности 195
А, впрочем, что же — суета, дела 196
Подонки 197
Из стихов о Молдавии 198

В Кишиневе снег в апреле 200
Стал я нервным и мнительным 203
Все — загнаны. Все — орудья 204
Перевал. Осталось жить немного 205
Гамлет 206
Дорога 207
Дьяволиада 209
Церковь Спаса-на-Крови 212
Хоть вы космонавты — любимчики вы 215
Новоселье 217
Апокалипсис 220
До всего, чем бывал взволнован 221
Друзьям 223
Что со мною сталось? 224
От созидательных идей 225
Двадцатые годы 226
К себе, к себе — каким я был и стал 228
Последний язычник 229
Люди могут дышать 233
В защиту прогресса 236
Злоба дня 239
Гагринские элегии 241
Страх — не взлёт для стихов 243
Родине 244
22 июня 1971 года 246
Иль впрямь я разлюбил свою страну 248
Неужели птицы пели 249
Уже июнь. Темней вокруг кусты 251
Люди пашут каждый раз опять 253
Непоэтическое стихотворение 255
Всё-таки жизнь 256
Я плоть, Господь... Но я не только плоть 259
Никакой истерики 260
Довольно!.. Хватит!.. Стала ленью грусть 261

Ах ты жизнь моя — морок и месиво 263
В тяжелую минуту 264
Кое-кому 265

IV
ПОЭМЫ

Танька 269
По ком звонит колокол 282
Конец века 287
Наивность 303
Поэма существования 311
Абрам Пружинер 338
Поэма греха 364
Песня русского советского писателя Григория Свирского, которую он будет исполнять под шарманку в приморском кабачке «Березка» (Тель-Авив) 371
Подражание г-ну Беранжеру 376
Памяти Герцена 379

ОТ АВТОРА

Моя судьба издавать не сборники, как все поэты, а «Избранное». Единственный мой сборник «Годы» (Москва, «Сов. писатель», 1963) представлял первые двадцать лет моего творчества. Этот — уже тридцать лет. Я никогда не издавал сборники нормально, по мере накопления стихов, — так, чтоб каждый сборник отражал определенный период творчества.

Книга делится на три раздела, совпадающих с периодами моего внутреннего развития (а отчасти — так складывалась моя жизнь — и с развитием страны).

Первый раздел включает стихи, написанные до ареста, то есть до конца 1947 года. Это — блуждание в потемках, наощупь, молодое желание жить и верить. Второй раздел — по первой строке одного из стихотворений он называется «В наши трудные времена» — обнимает стихи, написанные с 1948 по 1956 год. Здесь это блуждание в потемках, характерное для первого раздела, уже связано со страданием, а значит, и с нарастанием трезвости. Третий раздел — он называется «Приобщение» — связан уже с трезвостью. Трезвость эта относится не только к ощущению политической или исторической реальности, а прежде всего — к трезвому ощущению шкалы человеческих ценностей и извечной трагедии жизни. В тяжелые времена эта трагедия заслоняется другими, менее существенными, но более ощутимыми трагедиями, от которых никуда не деться, но высокая поэзия, как я думаю, — прежде всего ответ на извечную трагичность бытия.

Разумеется, вся эта классификация весьма условна. Тем более, что заслоняющие гармоническое восприятие факторы (идеологическое и административное давление на сознание и восприятие) не прекратили своего действия и после 1956 года, а прорывался я сквозь них (так я думаю) и задолго до этой даты. К сожалению, полностью игнорировать эти факторы я не мог, это значило бы игнорировать всё, в чем я жил, а постигать вечные ценности, без которых поэзии нет, мы можем только на основе своей временной жизни. В этом я уверен. Вот всё, о чем мне хотелось предупредить читателя.

Н. Коржавин